

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СИБИРСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ»
АНО «ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОЕКТОВ»
ЦЕНТР СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ РАН

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

Материалы Международной
научно-практической Интернет-конференции
1 апреля—15 июня 2008 года

НОВОСИБИРСК 2008

ББК 66.3(2)5я431
О-285

Издается в соответствии с планом учебно-методической работы СибАГС

Р е ц е н з е н т ы:

*В. Н. Руденкин — д-р полит. наук, проф.,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького;
О. А. Богатова — д-р социол. наук, проф.,
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева*

Под редакцией кандидата политических наук Л. В. Савинова

О-285 Общество и этнополитика : материалы Междунар. научно-практ. Интернет-конф. 1 апреля—15 июня 2008 г. ; СибАГС ; Центр соц.-полит. исслед. и проектов ; Центр социолог. и политолог. образования Ин-та социологии / под ред. Л. В. Савинова.— Новосибирск : Изд-во СибАГС, 2008.— 282 с.

В сборник вошли материалы участников Междунар. науч.-практ. Интернет-конференции «Общество и этнополитика», организованной в рамках научного направления Сибирской академии государственной службы.

В представленных материалах содержится информация теоретико-методологического и практико-исследовательского характера о сущности, содержании и специфике этнополитики и этнополитических процессов в современном мире и России.

Сборник предназначен для специалистов, занимающихся проблемой изучения этнополитики и этнополитических процессов, а также всех интересующихся данной темой.

ББК66.3(2)5я431
© СибАГС 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы теории и методологии этнополитических исследований

Сагитова Лилия

Этническая идентичность и политика: основания анализа.....

Уранхаева Гульмира

Межэтническое взаимодействие и фторы его формирования.....

Аванесова Елена

Этничность в контексте политического действия.....

Савинов Леонид

Конструирование этнополитической реальности: возможности
и ограничения.....

Акулинин Владимир

Принцип меры этнокультурного неприятия.....

Палеева Наталья

Проблема разделения «других» и «чужих» в теоретико-
методологических исследованиях.....

Хлебников Михаил

Эпоха просвещения в контексте расово-констирологического генезиса.....

Бикбаев Вадим

Особенности взаимодействия цивилизаций на современном этапе.....

Сальников Евгений, Сальникова Инна

Уровень этнической толерантности у кандидатов на службу в.....

ОВД: методика исследования и графическое представление результатов.....

Мушич-Громыко Айвика

Теоретико-методологический комплекс этнополитологии: современный взгляд.....

Кузнецов Сергей

Моделирование процесса этногенеза.....

Басимов Михаил, Хромов Анатолий, Люби Бьянки Л., Моррисон Дороти
«Законопослушность» в рефлексивных представлениях особенностей культуры России, Индии и США.....

Этнополитические процессы в России и мире

Нуриддинов Раймалихон

Что такое национальная безопасность для современной России?.....

Гребенюк Татьяна

Патриотизм как национальная идеология: итоги работы
Путина.....

Рабинович Владимир

Национализм в пространстве мегаполиса.....

Савинов Леонид

Россиянин и русский: дискурсы и конструкты.....

Муха Виктория

Россия и Абхазия: этнополитические реалии.....

Самсонова Екатерина, Юдина Екатерина

Межэтнические отношения в Тульской области: особенности,
проблемы, перспективы развития.....

Зан Михаил

Институционализация русинского движения на Закарпатье:
факторы становления, эволюция, перспективы исследования.....

Леньо Павел

Русины-украинцы как объект словацкого этнополитического ме-

неджмента.....

Гронский Александр

Можно ли называть белорусский национализм начала XX в. национальным движением?.....

Бабосова Екатерина

Особенности миграционных установок научных кадров НАН Беларуси.....

Власть и этнополитика

Бессчетнова Оксана

Русская этническая политика: прошлое и настоящее.....

Тендит Константин

Интернационализм как культовая идея советской этнополитики.....

Кыдыралина Жанна

Этничность, национализм и власть.....

Примин Владимир

Формирование казахстанской идентичности — одна из важных целевых задач государственной политики.....

Куклина Вера

Воспроизводство этничности народов Севера (на примере специализированных вузов).....

Культура и этнополитика

Яхонтова Елена

Миропонимание в контексте межкультурного взаимопонимания.....

Богомолов Василий

Этнокультурные аспекты информационных технологий в контексте глобализации.....

Бушев Александр

Трансляция религиозных ценностей как этнокультурная и этнополитическая проблема.....

Дондупов Давид

Тибетская традиция ян в контексте музыкально-обрядового комплекса бурятского буддизма.....

Хантургаева Наталья

Языковая и этнокультурная ситуация в Бурятии (по материалам социологического исследования).....

Макрушич Елена

Этнокультурная политика в республике Беларусь.....

Особенности этносоциальных и этнополитических процессов в Сибири

Ярков Александр

К 300-летию Сибирской губернии: исторический опыт укрепления Российской государственности.....

Михайлов Дмитрий

Образ Г. И. Гуркина как элемент национального самосознания алтайцев.....

Елемисова Алена

Межэтнические отношения и СМИ в Республике Алтай.....

Дансорунова Саяна

Байкальский край: возможности и ограничения создания объединенного субъекта.....

Этносоциум и межнациональная культура

Рябова Е.

Культура конфликтного взаимодействия 271

Рябова Е.

Гармонизация межнациональных отношений и СМИ 278

**ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ЭТНОПОЛИ-
ТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Сагитова Лилия

*директор АНО «Институт социальных исследований
и гражданских инициатив», ст науч сотрудник
Института истории АН Республики Татарстан,
канд. истор. наук*

Казань, Россия

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА: ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА

Исторический опыт свидетельствует, что этническая идентичность часто становилась объектом внимания политиков. Они с успехом использовали этнические ценности в своих идеологических доктринах и тем самым обеспечивали себе широкую социальную поддержку. Современные концепции национализма помогают увидеть, как происходит политизация этничности. Этническая идентичность формируется и осознается в условиях культурного пограничья. Если не существует никаких внешних угроз, то этническая идентичность является частью приватной жизни человека, мало проявляя себя в сфере публичности. Какие же социальные факторы выводят ее в эту сферу? Два сюжета из концепции Б. Андерсона — карьерная биография провинциального чиновника и осознание сообществом себя и своих территориальных границ через печатное слово — помогают увидеть роль государственных функционеров и интеллектуальной элиты в формировании региональной и этнической идентичности¹.

Многое помогает прояснить описываемая Э. Геллнером динамика конкуренции «высокой культуры» доминирующего «большинства» и, не имеющей государственного статуса, культуры «меньшинства» в условиях модернизирующегося общества.

¹ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М.: Канон-пресс-Ц, 2001.

Когда идеологии национализма, провозглашая цель — сохранить этническую культуру и язык «меньшинства» — консолидируют и мобилизуют общность на создание своего национального государства¹.

Классическая работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»² наиболее полно раскрывает многомерность и диалектичность процесса конструирования, где субъект конструирования является одновременно и его объектом. Аналитическая значимость этой теории — в многомерности планов изучения формирования идентичности и самого процесса идентификации личности. Обращение к этой теории представляется важным в силу того, что в названных выше теориях национализма во главу угла ставится конструктивистская деятельность элитных групп в формировании официального, или народного, национализма. И совсем мало места уделяется исследованию того инструмента, с помощью которого закрепляется лояльность к государству и сообществу, в котором живет человек. Речь идет о функционировании идентичности на уровне личности. Как правило, эта приватная сфера совсем не просматривается на фоне эпических движений масс.

Выпадение из контекста глобальных социокультурных сдвигов стратегии развития отдельной личности не позволяет обнаружить свойств самой социальной ткани, состоящей из совокупности множества отдельных биографий. Но это — та самая ткань, которую кроют социальные «инженеры». Эта «ткань», помимо прочих, имеет такое свойство, как инертность. И именно это свойство выполняет роль ограничителя в конструктивистских усилиях «инженеров», становясь значимым фактором в процессе формирования и/или изменения идентичностей.

Детальное описание механизма формирования идентичности как субъективной реальности содержится в теории социального конструирования. Свойства субъективной реальности фор-

1 См.: Геллнер Э. Нации и национализм.— М.: Прогресс, 1991.— С. 23. Термин «высокая культура» обозначает обладающую своей письменностью, основанную на образовании, гарантированную государством культуру.

2 См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности.— М.: Медиум, 1995.

мируются в процессе первичной социализации. Именно эта веха биографии личности содержит в себе зерно инертности, поскольку в этот период конструируется первый мир индивида, которому присуще особое качество устойчивости. Стабильность ему придают культурная среда и родной язык.

Язык представляет собой наиболее важный инструмент социализации¹. Через него постигается мир, на нем основаны как внешние коммуникации, так и процесс мышления личности. В отличие от других языков, которые личность постигает в процессе вторичной социализации, только язык детства имеет эмоциональное свойство «материнского языка».

Э. Геллнер отвергает значимость СМИ в этом процессе как только технического средства, «когда печатное слово или другие подобные средства помогают ей (национальной идее.— Л. С.) добраться до аудитории в отдаленных долинах, глухих деревнях и поселках». Также он опровергает значимость содержательного компонента в СМИ: «Значение того, что в них закладывается, ничтожно мало: сами средства, как и повсеместная необходимость абстрактной, централизованной, стандартизированной единой для всех информации, автоматически выражают главную идею национализма совершенно независимо от того, что именно было заложено в конкретное переданное сообщение... Самым существенным оказывается язык и стиль общения, так как только тот, кто может их понять или хотя бы может получить такую возможность, имеет моральные и экономические основания быть членом сообщества, а тот, кто не может — не имеет. То, что на самом деле говорится, не существенно»².

«Материнское» свойство языка придает ему характер исключительности в ситуации конкуренции с другими языками. Не случайно Бергер и Лукман обращают внимание на то, что «это редкость, когда язык, выученный позднее, приобретает статус столь же неизбежной, самоочевидной реальности, что и первый язык, выученный в детстве»³.

Ситуация языковой конкуренции обостряется в период вто-

1 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.— С. 217.

2 Геллнер Э. Нации и национализм.— М.: Прогресс, 1991.— С. 261.

3 Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.— С. 234.

ричной социализации в том случае, если родной, «материнский», язык, не совпадает с тем, на котором основана доминирующая «высокая культура». Особую остроту конфликт приобретает тогда, когда язык и основанная на нем культура становятся ресурсом для успешного социального продвижения и социального положения, что характерно для индустриального общества.

Еще один важный аспект — это влияние социальной структуры на формирование идентичности. Бергер и Лукман обращают внимание на особенности формирования идентичности в различных по степени сложности обществах¹. В обществах с очень простым разделением труда и минимальным распределением знания формирующаяся идентичность целиком представляет ту объективную реальность, в которую она помещена. Здесь нет проблемы идентичности: «Вопрос: “Кто я такой?” — вряд ли возникнет в сознании, поскольку социально предопределенный ответ массивно реален субъективно и постоянно подтверждается всей социально значимой интеракцией»². С усложнением социальной структуры растет множественность идентичностей. Ситуация конкуренции идентичностей в индустриальном обществе увеличивает возможности выбора их индивидуом и использования их в качестве ролей.

Однако описанный Бергером и Лукманом механизм формирования идентичности в период первичной социализации личности и ситуация конкуренции «высоких культур» по Э. Геллнеру не исчерпывают всего спектра объяснений актуализации этнического компонента в процессе самоидентификации личности. Обращение к теории Ф. Барта³, сделавшего акцент на значении социальной организации и социального взаимодействия в процессе группового этнического отождествления, дает дополнительный фокус в исследовании этнической идентичности.

Важными представляются несколько его положений. Первое — это вывод о том, что определителем для членства в группе становятся социально задаваемые факторы, в основе которых ле-

1 См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч.— С. 264—279.

2 Там же.— С. 265.

3 *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. И. Пильщикова.— М.: Новое издательство, 2006.

жит феномен категориального приписывания, а не «объективно» существующие культурные различия. Второе — автор оговаривает условие, которое становится одним из ключевых: этнические категории как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые¹.

Как известно, этнические категории могут действовать на уровне межличностного взаимодействия (сфера повседневности) и на идеологическом уровне. Рассматривая второй уровень, можно предположить, что значимость тем или иным этническим категориям придают акторы, действующие в сфере публичности — «символьная»² и властная элиты. Они конструируют систему отношений этнических групп, которая закрепляется и легитимируется посредством официальной идеологии. Таким образом, придание значимости определенным этническим категориям становится одним из способов для формирования и поддержания системы господства — подчинения. Одним из ее проявлений является закрепление соотношения этносоциальных групповых статусов.

Логика исследования этнической идентичности в условиях политической трансформации общества требует междисциплинарного подхода, когда наряду с социологическим, политологическим и этнологическим подходами используются социально-психологическое и историческое знание. Этничность, как правило, апеллирует к прошлому, категории этничности конструируются на основе «исторических корней». Но дизайн конструирования складывается под влиянием таких факторов, как место и роль этничности в сложной конъюнктуре отношений культурного «большинства» и культурного «меньшинства» в самых разных сферах общественной жизни.

1См.: *Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий* / Под ред. Ф. Барта; Пер. с англ. И. Пильщикова. — М.: Новое издательство, 2006. — С. 15—19.

2 «Символьная элита» — научная и творческая интеллигенция, тиражирующая и создающая посредством СМИ этнические ценности и символы.

Гульмира Уранхаева

*декан гуманитарного факультета Семипалатинского университета
им. М. О. Ауэзова, канд. филос. наук*

Семипалатинск, Казахстан

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ФАКТОРЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Сложившееся исторически, социокультурное своеобразие Казахстана заставляет искать самые оптимальные, конструктивные пути построения единой культурной основы, устойчивого фундамента в современных сложных реалиях. Стремление построить новое, сильное, демократическое общество, опирающееся на принципы свободы, социально-ориентированного рынка, социальной солидарности привело казахстанское общество к качественно иной системе ценностей и новому типу человеческих отношений. Казахстанский народ стал заметно свободнее, и замена государственно-коллективного мировоззрения на частно-индивидуалистическое в корне изменила многие стороны жизни людей.

В нашей стране в последние годы стали проявляться признаки реального осуществления демократических преобразований во всех сферах общества: становление новых форм гражданского общества, гарантирующих права и свободы, честь и достоинство человека независимо от его социального положения, пола, возраста, национальной принадлежности и вероисповедания. Демократические основы государства являются гарантом искоренения деления по национально-религиозному признаку.

Сохранение целостности казахстанского общества является в сегодняшних условиях главной ценностью по пути формирования социального диалога между жителями молодого государства. Это позволит навести мосты и найти точки соприкосновения друг с другом в полиэтническом и поликонфессиональном обществе.

Люди не могут быть одинаковыми, и они не могут мыслить,

действовать стандартно. Это противоречит естественно-историческому развитию социального субъекта человечества. Но когда граждан одной страны связывает общечеловеческое начало, взаимное доверие, только тогда укрепляется то духовное начало и единство, которое необходимо людям в повседневной жизни.

Если этническая культура разрушена, деформирована или отчуждена от человека, то индивид теряет внутреннюю духовную опору своей жизнедеятельности. Именно в такой социокультурной обстановке существует опасность деградации человека как личности, и в результате могут девальвироваться нравственные ценности, произойти ценностный кризис на уровне различных социальных субъектов. Вообще, в многонациональной среде всякие нарушения морально-этнических норм общения чреваты осложнениями, и они не могут не приобретать национального характера, так как неуважительное отношение к личности, к члену определенной этнической общности расценивается представителями этноса как неуважение к народу, к которому они принадлежат. В каждой национальной культуре существует ядро духовности, позитивный информационный багаж, который передается от поколения к поколению, но и вместе с тем существуют отрицательные стереотипы о «Других».

Среди обобщающих дискурсов в современном казахстанском обществе особое место занимает тот, который раскрывает такой феномен как единство: народа, общества, культуры.

Онтологически единство определяет в положительном смысле культурную, цивилизационную общность, в отрицательном — культурное различие, многообразие культур. *Гносеологически* — распознавание, узнавание, соотнесение к себе других культур, другого образа жизни, другого миропонимания. *Праксеологически* — телеологическую деятельность в достижении взаимопонимания и гармонического сосуществования. *Аксиологически* — право на обладание как общими ценностями, так и особенными, право на самобытность и уникальность.

Формирование духовно-культурного единства в полиэтнических обществах осуществляется в различных сферах.

1. *Межэтнические отношения*, которые можно рассматривать в социокультурном аспекте, когда речь идет о взаимодействии культур на базе общих оснований на уровне заимствования

друг у друга положительных (для общего проживания) черт, доминирования одной из культур с ассимиляцией других. Можно выделить образование, просвещение и информированность как культурные факторы, детерминирующие межэтнические отношения. В социополитическом аспекте — доминирование титульного этноса в государстве, межэтнические отношения на межгосударственном уровне, потеря этнообразующей базы ввиду политических, экономических причин, малочисленности самого этноса.

Обычно выделяют две основные разновидности этнокоммуникационных процессов: этнотрансформационные и этноэволюционные. К первой разновидности относятся процессы, в результате которых происходит изменение этнического сознания; а вторую разновидность образуют такие процессы, которые обуславливают значительные изменения отдельных характеристик этноса, но не ведут к перемене этнического самосознания. При этом можно говорить об *этнокультурном взаимодействии* этносов, в котором существуют два основных направления: *культурное*, основанное на диалектике этнической культуры и модернизированной универсальной культуры, традиций и инноваций, самобытности и унитарности; *структурное* — процесс и результат взаимодействия этих культур в сфере социально-экономических и социально-политических отношений.

Конечно, мы говорим о межэтнической интеграции (единении), под которой понимается появление новой этнокультурной общности в результате взаимодействия двух или нескольких этнических групп, при котором разные культуры сохраняют свои основные этнические черты, свои индивидуальности. Это означает формирование в рамках полиэтнических государств таких межэтнических или мегаэтнических общностей, в которых составляющие их этнические группы сохраняют свою этническую идентичность и особенности культуры.

2. *Межконфессиональные отношения*, когда процесс единения происходит в рамках согласия и диалога. Моральная поддержка конфессий со стороны государства дает возможность людям свободно реализовать свое право на вероисповедание, отправление религиозных культов, проведение религиозных праздников. Равная поддержка со стороны государства разных конфессий вселяет в лю-

дей чувство взаимного конфессионального уважения.

Единство обуславливается не обладанием одинаковыми признаками, а, как это ни парадоксально, различиями, т. е. когда один обладает неким качеством, а другой нет. Именно это различие становится той притягательной силой, которая двигает народы друг к другу. Различия объединяют гораздо крепче, чем одинаковость. В таком контексте единство (или общность) выступает как единство в многообразии, а всеобщее — как единое во многом, т. е. предстает как закон, закономерная связь, интегрирующая особенных социальных субъектов (индивидов) в конкретно-реальное, единое целое.

Следовательно, подлинное единство (в категориальном смысле) не сводится к перечню каких-либо общих для всех индивидов признаков и определений, делающих их похожих друг на друга. Оно отражает общественную связь (единство и связь — непременные атрибуты человеческих взаимодействий), определенную систему отношений между ними, которая не исключает, а с необходимостью предполагает обязательным различия, противоположности, противоречия, которые и обеспечивают движение к единению. Подлинное единство может быть достигнуто, если существует социальное пространство, в котором не только формируется все многообразие человеческих отношений, но и открываются реальные возможности для каждого социального субъекта проявлять свою индивидуальность в реальных социально-значимых действиях, поступках, поведении. Общество, как и человечество в целом, нуждается в единстве, но само это единство обеспечивается наличием многообразия. Если цивилизационные процессы несут с собой в основном интеграцию и подвигают социальные группы и этносы к единению в социально-экономическом плане, то культурное развитие несет с собой как процессы единения, так и процессы разделения в социально-культурном плане. Динамика соотношения традиций и инноваций как в общей культуре, так и в этнической культуре составляет процесс диалектического (единства положительного и отрицательного) духовно-культурного единения. Неизбежному процессу цивилизационного единения противостоит процесс сохранения культурного многообразия как условия существования челове-

чества.

Следует считать, что данная проблема заключается в том, что она несет глубокий философский, политико-идеологический и духовно-нравственный смысл, поскольку затрагивает глубинные пласты человеческого бытия. Кроме этого, проблема единства всегда коррелируется с определением той несущей конструкции, которая призвана укрепить каркас полиэтнического, поликонфессионального, политически-плюрального общества, сделать его организационно прочным, экономически устойчивым, способным служить основой для консолидации людей, независимо от их расовой, этнической, религиозной и любой другой принадлежности, обретения ими общих ценностей, критериев и собственных смыслов жизнедеятельности. В таком контексте единство, характеризующее состояние народа, общества, человека, становится решающим источником превращения создаваемых материальных и духовно-культурных предпосылок будущего в новое состояние действительности. Мы имеем в виду, что Казахстан сегодня переживает один из глобальных поворотов в своей судьбе, и в этой связи мы можем говорить о том, что у народов этой страны потенциально в наличии чувство общей сопричастности к происходящим процессам и изменениям, осознание, видение и выработка ими общей перспективы и целей, и на этой основе обретение уверенности в реальной возможности быть активным участником и субъектом осуществляемых преобразований.

Елена Аванесова

*доц. каф. политологии Томского государственного университета,
канд. филос. наук*

Томск, Россия

ЭТНИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ

Изучение этничности в контексте политического действия предполагает рассмотрение этнической группы как субъекта и как объекта политики. Признание этнической общности субъектом политики означает, что данная группа является активным участником политического действия. В свою очередь, указанная активность является результатом политической мобилизации этничности. Ведь принцип этнической принадлежности «не несет в себе ничего программного и еще в меньшей степени является политическим понятием. В определенных обстоятельствах ему приходится выполнять политические функции, и тогда он может оказаться связанным с какой-то программой, включая националистическую или сепаратистскую»¹. Как правило, мобилизация имеет ситуативный характер и направлена на консолидацию этнической группы с целью использования ее потенциала для решения каких-либо конкретных политических задач. Достижение же поставленных целей влечет за собой «гашение» этничности, так как мобилизованная этничность представляет собой большую разрушительную силу.

Мобилизация этничности предполагает смену нормальной этнической идентичности на этноцентристскую. Этническая идентичность начинает занимать приоритетное положение в структуре индивидуальной идентичности, а этническая лояльность становится определяющим фактором социального поведения. В такой

¹ См.: Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. — М., 2002. — С. 335.

ситуации «этническая лояльность должна преобладать над гражданской лояльностью»¹. А это влечет за собой обособление этнической группы (ее «закрытость»), противопоставление себя другим («чужим»), подозрительное отношение ко всем тем, кто «не вписывается в какой-то официальный этнокультурный канон»². Таким образом, политизация этничности с неизбежностью влечет за собой борьбу или конкуренцию этнических групп³.

Этническая группа может выступать не только субъектом, но и объектом политики. Полиэтническое государство выстраивает и осуществляет определенную политику по отношению к этническим группам, проживающим на территории данного государства. Эта политика может быть как конструктивной, так и деструктивной. При этом разрушительная этническая политика вовсе не обязательно имеет в виду столь негативную цель; «этническая материя настолько сложна и хрупка, что ее очень легко деформировать посредством некомпетентной политики, излишнего усердия чиновников, чересчур жестких юридических законоположений»⁴.

Данная работа имеет целью анализ только одного из аспектов политического измерения этничности, а именно — понятие об этнической группе (общности) как *субъекте* политики. Как раз в этом пункте зарождаются и сосредоточиваются наиболее опасные тенденции современной политической действительности. В то время как понятие об этносе в качестве *объекта* политического действия вполне может нести очевидный позитивный смысл (если это конструктивная политика полиэтнического государства по отношению к отдельным этническим группам, а не их дискриминация или геноцид), представление об этносе как *субъекте* политики (участнике политического действия) *всегда* включает деструктивные потенции. Это связано с тем, что эт-

1 Малахов В. С. Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук.— СПб., 2002.— С. 18.

2 См.: Там же.

3 См.: Там же.

4 См.: Чешко С. В. Современные мифологемы, или национальный вопрос в СССР // Национальные процессы в СССР.— М., 1991.— С. 91.

нос может функционировать в политическом пространстве в качестве субъекта лишь тогда, когда это действие подготовлено целенаправленной *мобилизацией этничности*, которая, в свою очередь, основывается на искусственном подъеме своеобразной *этнической мифологии*. Последняя же всегда эксплуатирует мифологему эксклюзивности одного этноса в сравнении со всеми другими. Ясно, таким образом, что всякое возведение этноса в статус субъекта политического действия есть фактор дестабилизации и разрыва социально-культурного пространства.

Рассмотрение политического аспекта этничности имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Любое теоретизирование по поводу наций, этносов, национально-этнических конфликтов, строительства национальных государств и т. д. неизбежно вплетается в политику, используется при выработке политических решений¹. Часто «не сама бюрократия, а именно эксперты вырабатывают язык, посредством которого воспринимаются и осмысливаются “проблемы”, а следовательно, определяются приоритеты и направленность политических решений»². Данное обстоятельство указывает на необходимость осознания теоретиками, работающими в области этносоциологии и этнополитологии, *ответственности* за те выводы, к которым они приходят и которые они публикуют. *Какую роль играет теоретическое исследование этнических проблем в деле политической мобилизации этничности?* Этот вопрос надо всегда иметь в виду каждому исследователю этнополитической проблематики. Воздействуя на массовое сознание (прежде всего через СМИ) и на дискурс политической элиты (через институты политического консультирования), интеллектуалы, занятые открытым разбором этнической проблематики, «в состоянии резко увеличить конфликтогенный потенциал общества»³. Введение в научный дискурс таких понятий, как «*этнический кон-*

1 См.: *Здравомыслов А. Г.* Релятивистская теория нации // Свободная мысль.— 1999.— № 1.— С. 64.

2 *Осинов А.* Конструирование этнического конфликта и расистский дискурс // *Расизм в языке социальных наук.* — СПб., 2002.— С. 66.

3 *Малахов В. С.* Символическое производство этничности и конфликт // *Язык и этнический конфликт.* — М., 2001. — С. 128.

фликт», «этническая преступность», «этнические права», «этническая экономика» и т. д., может иметь результатом необоснованную актуализацию и политизацию этничности не только в теории, но и на практике, ибо «эти понятия относятся к вещам настолько реальным, что они способны раскалывать государства и разжигать войны»¹. Зачастую перевод рассуждений по поводу каких-либо социальных проблем в этническую плоскость не только не способствует их решению, но, напротив, делает это решение принципиально невозможным.

Пожалуй, все вопросы, касающиеся этнического измерения политического действия, не могут быть однозначно решены в сфере науки. Такая однозначность возможна лишь в сфере идеологии². Другое дело, что именно в научной среде вырабатываются те понятия, которыми оперируют идеологии. Теоретическая актуализация этничности (в плане политическом, а не культурном) может являться основанием конструирования «проблем», которые становятся реальными проблемами с реальными последствиями.

Важно подчеркнуть, что деполитизация этничности (речь идет только о научном дискурсе!) вовсе не означает культурной деэтнизации в какой-либо ее форме. Деэтнизация означает непризнание культурного многообразия мира и ценности данного многообразия. В свою очередь, деполитизация этничности означает признание несомненной ценности каждой личности и ее фундаментальных прав. Бесконечные споры по вопросу равенства или неравенства (в первую очередь правового, ибо фактическое и так очевидно) этнических групп разрешаются посредством декларации правового равенства каждого индивида. Болезненные антиномии «титульного» и «нетитульного», «коренного» и «некоренного» населения снимаются на пути признания *каждого* человека, законно проживающего на данной территории, титульным и коренным.

Основная задача теоретика, исследующего проблемы межэтнических отношений,— предвидеть *последствия* осуществления предлагаемых им моделей развития указанных отношений. Это особенно актуально, если эксперт участвует в разработке и созда-

1 См.: Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // Общественные науки и современность.— 1993.— № 2.— С. 162.

2 Малахов В. С. Национализм как политическая идеология.— М., 2005.— С. 4.

нии каких-либо правовых документов, регулирующих взаимоотношения и взаимодействие этнических групп. Должно ли право (а также экономика и политика) строиться по этническому принципу или оно должно быть вне этничности? Является ли стабильность полиэтничного государства ценностью сама по себе или более ценным является право этнических групп на свободное самоопределение, в том числе и политическое? Должно ли быть заложено такое право в международных документах и в правовых документах национальных государств? Как рассматривать наличие такого права: как имманентную угрозу существования полиэтничного государства или как признание ценности коллективных прав каждой этнической группы? Эти вопросы неизбежны в процессе исследования темы этноса как субъекта политического действия.

Таким образом, в современном научном дискурсе (и в российском, в частности) наметились следующие тенденции:

1. *Признание того факта, что необоснованное толкование политических, экономических, культурных проблем сквозь призму этничности приводит к обострению этих проблем на практике.* «Продуцируемые в интеллектуальном поле теории вполне органично становятся фактором политического поля»¹. Часто неосознанное вплетение этничности в социальный контекст является фактором *конструирования конфликта*. Ученые, занятые проследиванием «истории конфликта», выстраивают континуум там, где на деле имеет место дискретность². В этих построениях конфликт предстает как неизбежность, а мирное сосуществование и взаимодействие этнических групп, длившееся десятилетиями, «выглядит лишь затянувшимся перемирием в вечной битве»³. Теоретики вырабатывают особый «конфликтный» язык, который со страниц научных журналов проникает в СМИ. «Этнополитическая» риторика, в большинстве случаев совершенно неуместная, способна лишь обострить имеющиеся проблемы, а то и породить их там, где таких проблем еще можно было избежать.

Неоднозначное употребление этносоциологических терми-

1 Малахов В. С. Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. — М., 2001. — С. 128.

2 См.: Там же. — С. 129.

3 Там же.

нов в различных научных традициях способствует укреплению практики их произвольного применения в сфере политики. Таково, например, понятие «нация». Сложившееся в мировой науке, с одной стороны, этническое и, с другой стороны, политическое понимание нации приводит к ситуативному использованию этого понятия в сфере политики (или, другими словами, к практике двойных стандартов). Политические интересы и выгоды лежат в основании признания этнической группы либо в качестве *нации*, которая может претендовать на политическое самоопределение, либо в качестве *этнического меньшинства*, которое такого права не имеет.

Советское обществоведение долгое время стояло на позициях исключительно этнического понимания нации. Тем самым «язык советского / российского обществоведения и политики в рамках так называемой марксистско-ленинской теории нации и национального вопроса и порожденная ею политическая практика оказались саморазрушительными по своим непредвиденным политическим последствиям»¹. Постоянные заявления теоретиков о населении России как *многонациональном* народе не способствуют консолидации российского общества и формированию единой гражданской идентичности. «Один народ или одна нация для подавляющего большинства наших экспертов и политиков не существует, ибо эти подходы, по их мнению, грозят “отменой наций” и превращением всех в русских»². Хотя надо признать, нигде в мире результатом осуществления практики по формированию гражданской идентичности не было «исчезновение» этничности.

2. *Выдвижение тезиса, согласно которому теоретическим базисом эффективной этнической политики может явиться идея гражданского национализма.* Данный тезис требует пояснения. В советское время отечественные обществоведы рассматривали национализм исключительно как оценочное понятие, ис-

1 См.: *Тишков В. А.* Забыть о нации // Вопросы философии.— 1998.— № 9.— С. 11.

2 *Тишков В. А.* Этничность и право в современной России // Проблемы правового регулирования межэтнических отношений и антидискриминационного законодательства в Российской Федерации.— М., 2004.— С. 8.

ключая его из сферы научного анализа¹. В постсоветский период российская этнополитическая наука заговорила о возможности рассмотрения национализма не только в негативном, но и позитивном смысле. Ведь национализм не обязательно может быть понят как идеология превосходства одной нации над другой или как идеология сепаратизма (а значит — как фактор дезинтеграции полиэтничного государства). Национализм может быть признан и фактором межэтнической интеграции. Все дело в его содержании. Западная политическая наука уже давно разделяет национализм на этнический и гражданский. Указанное различие представляется вполне оправданным, так как показывает специфику целей разных видов национализма.

Этнический национализм «рассматривает нацию как этнокультурную категорию»². Этнонационализм делает ставку на формирование этнической идентичности. Между тем доминирование этнической идентичности среди различных форм самоидентификации (гражданской, профессиональной, семейной и т. д.) может быть определено как дезинтеграционный фактор в рамках полиэтничного государства. Этнонационалистическая программа не имеет целью *формирование* нации, она исходит из того, что нация есть, она реальна (*нация предшествует национализму*), а значит, может претендовать и на всю полноту реальной власти, т. е. на собственную государственность. Ведь «своя» государственность, осуществляемая на «своей» территории, «продолжает считаться важнейшей и даже единственной формой, способствующей подъему благосостояния и сохранению культурной самобытности народа»³. Нет сомнения в том, что такая идеология, осуществляемая в полиэтничном государстве, порождает различные проблемы, важнейшей из которых становится проблема конфликтного взаимодействия между «титულными» и «нетитулными» гражданами национальных регионов,

1 См.: Дробижева Л. М. Возможность либерального этнонационализма // Реальность этнических мифов.— М., 2000.— С. 77.

2 См.: Тишков В. А. О нации и национализме // Свободная мысль.— 1996.— № 3.— С. 31.

3 См.: Тишков В. А. Этнонационализм и новая Россия // Там же.—1992.— № 4.— С. 22.

между самими национальными регионами и центром. Этнонационализм эксклюзивен по своей природе, он «исключает этническо-языковых “инородцев” из нации»¹. Исключение это может быть двояким: либо путем социальной дискриминации (крайним вариантом которой является физический геноцид), либо путем насильственной ассимиляции, что приводит в конечном итоге к «этнотциду» (культурному геноциду)².

Гражданский национализм, в свою очередь, «основывается на понятии нации как политической общности или согражданства»³; основную свою задачу он видит в *формировании* нации. *Национализм предшествует нации*, иными словами, способствует объединению людей, принадлежащих к различным этническим группам, но объединенных общей территорией и общей исторической судьбой. Гражданский национализм способствует процессу формирования прежде всего *гражданской* (политической) идентичности человека; именно так понимаемая идентичность и должна определять круг прав и обязанностей всякого *конкретного* человека как *гражданина*, а не как «представителя» того или иного «этноса». Между тем вопрос о том, «в какой мере население того или иного государства считает себя его гражданами»⁴, неразрывно связан с вопросами политической стабильности полиэтнического государства и толерантного взаимодействия между различными этническими группами. По справедливому замечанию В. А. Тишкова, «понятие гражданской нации более приемлемо для членов многоэтнических политических сообществ» и менее конфликтно, чем понятие этнонации⁵. Принцип этнонации, положенный сегодня в основу политической практики, может быть весьма разрушительным для полиэтнических государств.

1 См.: Ян Э. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство // Полис.— 2000.— № 1.— С. 117.

2 См.: Там же.

3 См.: Тишков В. А. О нации и национализме // Свободная мысль.— 1996.— № 3.— С. 31.

4 См.: Савоскул С. С. Этнические аспекты постсоветской гражданской идентичности // Общественные науки и современность.— 1999.— № 5.— С. 91.

5 См.: Тишков В. А. О нации и национализме // Свободная мысль.— 1996.— № 3.— С. 36.

«Нациестроительство» может быть рассмотрено как конструктивная политическая практика государства с «многокультурным составом населения»¹. Между тем вопрос о гражданском строительстве нации не имеет никакого отношения к «ликвидации» или «отмене» этносов². Более того, процесс формирования нации может быть признан демократичным только в том случае, если государство наряду с заботой о внедрении в общественное сознание «общегосударственных символов, ценностей и чувства общегражданской солидарности»³ стремится к сохранению этнического и культурного многообразия (т. е. исповедует принцип единства в многообразии). Политика этнокультурного плюрализма не может иметь деструктивных последствий в национальном государстве, граждане которого имеют высокую степень гражданской идентичности. Было бы ошибкой, указывает Эдвард Клайн, игнорировать или подавлять этнические чувства и устремления; напротив, следует искать конструктивные пути для их удовлетворения. Однако это не означает, что каждое «меньшинство» имеет право на отделение; «абсолютные требования самоопределения должны быть смягчены с учетом исторических, демографических, экономических и географических реалий»⁴.

3. *Теоретическое обоснование возможности мирного сосуществования различных этнических групп в рамках единого национального государства.* Межэтнические конфликты не есть непереносимое условие существования полиэтничного государства. И само соседство различных этнических групп не есть катастрофа, но, по словам лорда Актона, «есть условие цивилизованной жизни столь же необходимое, как соединение людей в обществе»⁵. Более того, «там, где политические и этнические

1 Тишков В. А. Этнонационализм и новая Россия // Свободная мысль.— 1992.— № 4.— С. 21.

2 См.: Тишков В. А. О нации и национализме // Свободная мысль.— 1996.— № 3.— С. 37.

3 Тишков В. А. Этнонационализм и новая Россия // Свободная мысль.— 1992.— № 4.— С. 21.

4 Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // Общественные науки и современность.— 1993.— № 2.— С. 157.

5 См.: Актон Джон. Принцип национального самоопределения // Нации и

границы совпадают, общества перестают развиваться, и нации оказываются отброшенными назад, в состояние, напоминающее состояние человека, переставшего общаться с другими людьми. Наоборот, несовпадение этих границ сплачивает человечество <...> так что в итоге в выигрыше оказываются человечность, цивилизация и религия»¹.

Названные тенденции позволяют надеяться на возможность постепенной выработки наименее деструктивного подхода к одной из очевиднейших проблем современного общества; такого подхода, который, если и не предлагает абсолютного решения этой проблемы, то, во всяком случае, предполагает некие внутренние механизмы и ориентиры, блокирующие возможные сценарии негативного развития событий.

национализм.— М., 2002.— С. 43.

¹ Там же.

Леонид Савинов

*пом. ректора по связям с общественностью,
канд. полит. наук, доц. каф. социологии и социального управления
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

КОНСТРУИРОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Характер и содержание современных этнополитических процессов свидетельствует об изменении пространственно-временных границ, появлении новых этнополитических пространств, нового этнополитического времени, их взаимообусловленности.

При этом в условиях серьезных экономических, политических, социальных и духовных трансформаций пространственно-временные структуры либо эволюционируют (расширяются, сжимаются, деформируются), либо появляются совершенно новые континуумы. К примеру, в современной России наблюдается сужение политического пространства и вообще всего политического за счет расширения административного.

Поэтому понимание и объяснение природы изменения политического пространства и политического времени невозможно без более широкой постановки проблем онтологии и гносеологии всего социального континуума, в том числе и политических пространственно-временных структур различного содержания и уровня.

В связи с этим мы ставим перед собой цель — определить возможности и пределы этнизации и этнификации политического пространства и политического времени.

Сложность анализа современного общества, по мнению Э. Гидденса, заключается в том, что осведомленность одних субъектов деятельности и высокая степень «ситуативности в познании» других создают условия «смешения» преднамеренных и непреднамеренных последствий действий. И тогда социальные явления

представляют собой «то, что для одних индивидов является регулируемым (контролируемым) аспектом социального окружения, для других может быть чем-то, что скорее “случается”, нежели “целенаправленно осуществляется”»¹.

Сегодня любой пространственно-временной континуум это не просто «вещь в себе», но и «социальный факт» (по Э. Дюркгейму). При этом пространственно-временной континуум необходимо понимать как сложно структурированную систему. В современном глобализованном мире политика, экономика и культура сами по себе приобретают феноменологическое содержание и «интерсубъективность» (по А. Шюцу).

Можно сказать, что общественное (социальное) сознание в самом широком смысле есть углубленный поиск онтологичности происходящего в социальном пространстве и времени либо постижение трансцендентных форм бытия. И потому окружающий нас пространственно-временной континуум это уже не только и не столько миро-система в социальной перспективе, а сколько трансцендентальная метареальность, конструируемая, реконструируемая и деконструируемая в каждой точке пространственно-временных координат. И здесь очень важно понять: кто конструктор, кто формирует смыслы и содержания этой метареальности и, наконец, кто акторы социального действия, разворачивающегося на исторической авансцене.

И еще одна теоретико-методологическая проблема анализа конструирования социального пространства и времени, которая напрямую связана с гносеологией изучаемых феноменов.

Как известно, существует два подхода к пониманию социального пространства. В первой трактовке — субстанциалистской — социальное пространство состоит из субстанций — индивидов, социальных групп и организаций. Во второй трактовке — структуралистской — социальное пространство рассматривается как «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции —

¹ См.: Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации.— М.: Академический проспект, 2003.— С. 465.

сверху, снизу или между, посередине»¹.

В этом случае значим тезис В. Ильина о многомерности социального пространства. Его аналогом может быть шар, рассекаемый многими плоскостями в разных направлениях, где каждая плоскость — это особая социальная структура, состоящая из статусных позиций.

Не менее важна для нас и теория структуризации Э. Гидденса, согласно которой социальная структура — это набор правил, которые определяются одновременно и результатом, и условием действия индивида. Субъект в одно и то же время создает правила и воспроизводит их, следует им. Институты в таком случае выступают как социальные практики, протяженные во времени и пространстве².

Политические институты и в первую очередь государство поддерживают социальный порядок, формируя и структурируя не только социальное пространство, но и социальное время. При этом в условиях транзита и революционного изменения нормативно-ценностной и институциональной матрицы общества социальная реальность как прошлое, настоящее и будущее теряет свою определенность и устойчивость. Формируются новые смыслы и значения, в том числе политического содержания и направленности.

В этих условиях общественное сознание испытывает огромные перегрузки. Возникает ложное сознание, когда объективные картины мира отражаются искаженно, предвзято и тенденциозно. Кризисное состояние сознания инициирует неадекватное восприятие социальной действительности и формирует из фрагментарных элементов комплекс «социальных квазиреальностей»³.

Социальное время в свою очередь является категорией от антропного и «создается» деятельностью. Оно, «если рассматривать его как реальность, есть не что иное, [как] изменение и движение»⁴.

В современных обществах как ни в каких других актуализи-

1 См.: *Бурдые П.* Социология. Начала.— М., 1994.— С. 185.

2 См.: *Гидденс Э.* Социология.— М., 1995.

3 См.: *Бергер П.*, Лукман Т. Конструирование социальной реальности.— М., 1995.

4 См.: *Муравьев В. Н.* Овладение временем.— М.: РОССПЭН, 1998.— С. 101.

руется проблема «управления временем»: прошлым, настоящим и будущим. Прошлое конструируется через интерпретацию истории и в первую очередь через учебники истории. Настоящее организуется элитами и господствующим правящим классом в своих интересах и согласно своим ценностным ориентирам. Будущее формируется через включение в массовое сознание определенных смыслов и значений (прежде всего мировоззренческого содержания).

Реальность такова, что сегодня возможности этнических антрепренеров — государства, политических и гражданских структур, церквей, лидеров общественного мнения и т. д. — по формированию этнически заданных смыслов, значений и символов практически не ограничено. Спектр инструментария, которые используют этноантрепренеры, значителен и эффективен — это и управленческие решения, и политико-идеологические установки, и социоинженерные конструкции, и манипулятивные социопрактики.

Россияне относятся к нации соотечественников, ориентированных на коллективистские ценности, а не к нации сограждан, ориентированных на ценности индивидуалистическо-прагматического плана (определение Ю. Хабермаса)¹. В силу этого в российском обществе во все времена национальный (гражданский) универсализм всегда уступал этническому партикуляризму будь то большинства или меньшинств.

И наконец, необходимо уточнить категории «этнизация» и «этнизация», которые в современной этносоциологии и этнополитологии не получили устойчивых определений. Да и всякое определение *a priori* есть ограничение.

В нашем понимании, этнизация — это процесс преднамеренного или непреднамеренного включения этнического в социальные явления и процессы. Это выстраивание миро-системы, в том числе из этнических конструкций, этническими же антрепренерами.

В свою очередь этнизация — это придание социальным явлениям и процессам этнического содержания. Фактически это конструирование миро-системы все теми же этническими антре-

¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. — СПб.: Наука, 2000. — С. 2.

пренерами.

При этом возможности и ограничения этнизации и этнификации политического пространства и политического времени зависят от характера доминирующих в том или ином обществе (сообществе) идеологии (этнополитических ценностей) и социальной практики (действительности).

Именно поэтому в последнем случае социальное действие определяется в традиции А. Турена, когда «вместо того чтобы искать гарантов, т. е. принципы легитимации человеческого действия в отношении вещей человеческого мира — в божественной благодати, в требованиях разума или в смысле истории, общество, достигшее самого высокого уровня историчности, определяет человека только в понятиях действий и отношений».

При этом понятие «действие» относится не только к отдельному субъекту, но и к социальным группам различного уровня — это деятельность «исторического субъекта»¹. А поскольку Турен ставит перед собой задачу объяснить развитие общества как результат взаимосвязи действия и ценностно-нормативных систем, главным фактором, влияющим на действие, становится культура. Само общество представляет собой совокупность систем действия.

Турен также выделяет три системы действия — историчность, определяющую социальные и культурные ориентации общества и избавляющую общество от редукционизма, институциональную систему, которая вызывает изменения общества (тип институционализации определяет типы трансформаций, происходящих в обществе), и организационную систему, которая обеспечивает равновесие [стабильность] общества, способствует сохранению его целостности.

Таким образом, возможности и ограничения всякой этнизации и этнификации политического определяются, во-первых, социокультурными традициями, во-вторых, характером институционально-организационной среды. В первом случае речь идет о субъективистских концептах: традициях, морали, культуре, праве и т. д. А во втором — об объективных возможностях и ограничениях социоинженерии институциональной и организационной систем общества.

¹ См.: Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. — М., 1998. — С. 19.

Одним из проявлений этнизации и этнификации этнополитического пространственно-временного континуума современной России являются новые ксенофобии, среди которых наиболее актуальной становится мигрантофобия — негативное отношение местного населения к мигрантам из стран ближнего и дальнего зарубежья¹.

С одной стороны мигрантофобия представляет собой установочное (оценочное) восприятие и отношение к мигрантам и предопределяет готовность—неготовность местных жителей взаимодействовать с мигрантами. При этом актуализация этнического компонента (этнической принадлежности личности и этнических факторов ситуации взаимодействия) в групповом сознании и поведении происходит прежде всего в тех случаях, когда взаимодействия приобретают негативный конфликтный характер, а этничность выступает в качестве знака, символа положительной или отрицательной установки².

С другой стороны мигрантофобия не в последнюю очередь формируется в результате функционирования политических, экономических и духовных институтов общества. Политическая недалковидность, конкуренция на рынках труда, этнический криминал, «провалы» образовательной системы и т. д.— все это напрямую формирует мигрантофобию и на ее основе этнический экстремизм.

У каждого этнического сообщества свое социальное пространство и свое социальное время, которые формируют производные от них пространственно-временные структуры, в том числе и этнополитические. Этногруппы формируют «свою» историю, пытаясь через прошлое определять свое настоящее и будущее. Причем в этноисториях господствует образ идеального прошлого.

1 См. например: *Нетерпимость в России: старые и новые фобии* / Под ред. Г. Витковской, А. Малашенко.— М., 1999.

2 См.: *Донцова М. В.* Определение признакового пространства и формирование системы индикаторов при обследовании мигрантофобии // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе «Глобализация и социальные изменения в современной России»: В 16 т.— Т. 2. История русской социологии. Методология социологических исследований.— М.: Альфа-М, 2006.— С. 74.

В условиях множественности социальных пространственно-временных конструкций и их взаимопроникновения особую значимость приобретают социальные институты — государство, религия, образование, СМИ и т. д., наиболее успешно формирующие смыслы и содержания прошлого, настоящего и будущего. Они связывают разные пространства и времена, сохраняя социокультурные и иные идентичности, главным образом политико-идеологические.

Владимир Акулинин
канд. филос. наук, доц. каф. философии
Новосибирского государственного университета
Новосибирск, Россия

ПРИНЦИП МЕРЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НЕПРИЯТИЯ

Традиционно принято класть в основу анализа этнокультурного взаимодействия дихотомию субъект-объектного отношения «Мы» — «Они» (начало чего, очевидно, можно усмотреть в идеях И. Г. Фихте). Результатом креативной активности субъекта «Мы», формирующего объект «Они», для подавляющего большинства исследователей становится тотально негативное представление о сущности последнего. Эта коллизия — между «Мы» и враждебными «Они» — определяет направление поисков понижения остроты возможного конфликта. В силу того, что вся негативная совокупность коннотаций «Они» (в качестве *Ding fur uns* (вещь для нас)) — плод субъективного (искаженного) восприятия «Мы»-субъекта, а по своей природе (как *Ding an sich* (вещь для себя, в себе)) «Они» единосущны «Мы»-субъекту, то для указанного направления поисков характерна адвокация «Они»-объекта. Ее предельная цель — понижение статуса враждебности «Они»-объекта за счет выявления его положительных свойств (или их приписывания). Такая метафизическая (во всех предосудительных смыслах этого слова) схематика и соответствующая ей методология малопродуктивны в силу своей неадекватности.

Количество примеров подобной неадекватности неисчерпаемо, мы укажем лишь на вопиющий — почерпнутый из статьи «Германский вопрос и русское общество конца XIX в.», опубликованной в сборнике «Россия и Германия». «В немецкой диаспоре в России,— пишет ее автор, С. В. Оболенская,— сложился слой преуспевающих людей, активно способствовавших своей

инициативой, традиционным усердием, предпринимательским духом, но главное — капиталами начинавшейся индустриальной трансформации России. В конкурентной борьбе с ними представители активных слоев русского населения часто проигрывали; немцы мешали им — в воображении или в действительности. Это создавало почву для германофобии и накладывалось на давнюю культурную традицию. В отношении к немцам в России всегда переплетались зависть и восхищение, признание за ними несвойственных русским высоких деловых качеств и в то же время уверенность в превосходстве русских»¹.

В качестве комментариев к этому примеру вряд ли можно сказать что-то еще, кроме того, что это суждение не демонстрирует ни глубокомыслия, ни даже остроумия автора. Действительно, возможная рецептура лечения диагностированной болезни (германофобии) должна неминуемо вызвать отторжение: русские, обделенные судьбою «высокими деловыми качествами», должны перестать завидовать немцам, в свою очередь, судьбою же наделенным «инициативой, усердием, предпринимательским духом». А если учесть, что германофобия — не только русская «болезнь», то чем лечить французов, англичан, датчан, чехов, тех, наконец, кто в германском колониальном праве назван «*die Farbigen* (цветные)»? Ходульные представления автора вышеприведенной цитаты о русских и немцах, несомненно, коренятся в «махровом» национализме. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с другой статьей (В. Ветте «Образы России у немцев в XX в.») этого же сборника. В ней немецкий ученый констатирует, что «предположение, будто немцы превосходят русских (и славян в целом) в политическом, экономическом, военном и духовном отношении», было характерно для германских националистов — от экстремистского Пангерманского союза кайзеровских времен до фашистской НСДАП².

Кажется, что бóльшими эвристическими возможностями будет обладать попытка отказа от представления о единстве

1 *Соболенская С. В.* Германский вопрос и русское общество конца XIX в. // Россия и Германия.— М.: Наука, 1998.— С. 194—195.

2 См.: *Ветте В.* Образы России у немцев в XX в. // Россия и Германия.— М.: Наука, 1998.— С. 321 и след.

«Они»-объекта. Собирательное «Они» должно иметь, как минимум, три ипостаси: «Они-дружественные», «Они-нейтральные» и «Они-враждебные». Это дает возможность представить динамику системы отношений «Мы» — «Они» и ее элементов, установить действительный механизм формирования терпимости, притяжения и неприятия (враждебности).

Для «Мы» изначально объектность «Они» выступает в качестве нейтральной, в последующем она сохраняет свой статус или меняет его. Изменение в восприятии субъектом («Мы») объекта («Они») — результат нарушения меры нейтральности, вызывающий неприятие в одном случае, притяжение — в другом.

Понятие меры мы используем в гегелевском смысле как единство качественной и количественной определенности. Нарушение меры меняет качество и превращает одно явление в другое. В нашем случае, нарушение меры «нейтральности» ведет к возникновению неприятия (или притяжения). Нас интересует формирование тотально негативного представления.

Предположим, существует этнически и культурно гомогенная общность. С появлением в ней «чужаков» возникает межэтническое (межплеменное), межкультурное взаимодействие, формируется изначальное представление «своих» о «чужих». Как отмечено выше, первое представление оценочно нейтрально: констатируется лишь степень сходства/различия. Затем активную роль в формировании представлений о «другом» начинает играть прецедент как результат первых взаимодействий. В случае негативного результата контакта с представителями «чужих» возникает отрицательное о них представление. Это представление теряет локальность и переносится на всю общность «чужих», предваряя оценку результата любого возможного с ними контакта, формируя алармизм восприятия «чужого» как враждебного. Конъюнктурно оно может быть закреплено в сознании «своих» при помощи идеологических, политических, символических и иных механизмов. Однако подобная «предвзятость» легко устраняется на рациональном уровне (даже обыденного) сознания, и не она, в конечном итоге, становится основой неприятия.

Необратимость идентификации «чужих» как враждебных связана с возрастанием их количества до критической величины.

Если количество «пришлых» достигает этой величины, то каждый элемент множества «Они» априорно обретает для каждого элемента множества «Мы» значение, тождественное всей совокупности отрицательных характеристик (вне зависимости от действительных характеристик элемента или их множества в целом: «Они» — все «плохи» для «Нас», несмотря на то, что могут быть «хороши» сами по себе). С определенными оговорками эту устойчивую зависимость изменения оценочного статуса (от нейтрального к отрицательному) можно проиллюстрировать, обратясь к образу «бледнолицего» у автохтонов Северной Америки, «албанца» у серба Косово, к образу «бёра» во Франции, наконец.

Принять во внимание эту зависимость на рассудочном (а не интуитивном) уровне — значит иметь возможность избежать нежелательных последствий тех или иных политических решений, принятых *a posteriori*, ценность которых весьма сомнительна. В данном случае речь может идти, применительно к России, не только о «Кондопоге» или желании видеть «коренных» на продовольственных рынках, но и об иммиграционной политике в целом.

Говоря обобщенно, иммиграционная политика ситуативна и экономически конъюнктурна. Если есть нужда в рабочих руках, то иммиграция приветствуется, если нужда отпадает, то вводятся ограничения, цензы, ужесточающие визовый режим и т. п. Но экономика, удовлетворяя свои потребности за счет изменения этнокультурной структуры конкретного общества, не имеет механизмов ее оптимизации. Гэри С. Беккер в своей нобелевской лекции отметил, что даже такой механизм, как рыночная дискриминация, опосредованно направленная на регулирование численности меньшинства, перестает работать, потому что «если представители меньшинства составляют весомую долю в общей численности населения, тогда их дискриминация со стороны большинства будет наносить ущерб как тем, так и другим»¹. Крайний случай количественного роста «чужих» — вторичная этнокультурная сукцессия (полное вытеснение автохтонов прошлой этнокультурной общностью).

Мера неприятия имеет, наряду с количественной, еще и ка-

1 См.: Беккер Г. С. Нобелевская лекция // Беккер Г. С. Избранные труды по экономической теории. — М.: ГУ ВШЭ, 2003. — С. 586.

чественную составляющую. Еще в конце XIX в. Ф. У. Тауссиг предложил иерархизировать профессиональную деятельность (в области легального сектора экономики) по степени ее престижности. На вершине пирамиды престижности — профессии, сопряженные с минимумом прилагаемых физических усилий и максимумом контролируемых возможностей. Качество «чужих» мы примем за степень их агрегированности в сферах деятельности, имеющих высокий статус престижа.

Предположим, что существует этнически и культурно гомогенная общность. С появлением в ней «чужих», не достигших еще количественно «критической массы», у «автохтонов», тем не менее, формируется устойчивое их неприятие. Как возможна такая ситуация? Она возможна при условии, если род занятий этого (малого) количества «чужих» сосредоточен в «престижных» сферах деятельности (или, вопреки легальному сектору хозяйствования, в любой сфере незаконной деятельности, криминальной). Наиболее впечатляющий пример нарушения меры притяжения в качественном отношении — конфликт между хуту и тутси в Руанде. Менее экзотический для России пример — образ «цыгана» (конокрада в царской России, наркоторговца сегодня).

Понимая принцип меры этнокультурного неприятия как совокупность нарушения количественной и качественной определенности, вернемся к «объяснению» С. В. Оболенской германофобии в России.

Для А. И. Герцена немцы «являются самыми тяжелыми, и, что еще хуже, самыми тупыми, и, что всего хуже, самыми смешными филистерами»¹. Для И. В. Киреевского «на всем земном шаре нет народа плоше, бездушнее, тупее и досаднее немцев!»², «одни немцы говорят об ней (Германии,— В. А.) правду, когда называют ее землю дубов (*das Land der Eichen*), хотя дубов в Германии, кроме самих немцев, почти нет. Зато эти изо всех са-

1 См.: Герцен А. И. Письма из Франции и Италии // Герцен А. И. Собр. соч.: В 8 т.— Т. 3.— М.: Изд-во «Правда», 1975.— С. 15.

2 См.: Елагин Н. А. Материалы для биографии И. В. Киреевского // Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: В 2-х т. Т. I.— М.: Путь, 1911.— С. 48.

мые деревянные»¹. А были еще «немцы» Ломоносова, «немцы» Бакунина, Салтыкова-Щедрина и Достоевского... Вопрос, можно ли объяснить «завистью» этих русских к немецкому «усердию» тотальное неприятие немцев, выраженное в крайне оскорбительной, инвективной форме — конечно же, риторический. Но если обратить внимание на «качество» немцев (в нашем понимании, а не по С. В. Оболенской), начиная от Бирона, Миниха, Остермана, через Шумахера, Миллера, Модераха к Бенкендорфу, то нарушение определенности «меры притяжения» станет очевидным. В равной степени это касается и количественной определенности (достаточно вспомнить немецкую колонизацию черноземного юга России, начатую Екатериной II). Принцип меры этнокультурного неприятия позволяет не только объяснить одну из причин возникновения и особенности бытования тотально негативного образа «чужого» («Они»-объекта), но и, как было сказано выше, может способствовать повышению уровня рациональности решений этнополитических задач.

¹ См.: *Киреевский И. В.* Полн. собр. соч.: В 2-х т. Т. I.— М.: Путь, 1911.— С. 221.

Наталья Палеева

*руководитель научно-исследовательского отдела
Республиканского научно-исследовательского Центра, канд. полит. наук*

Казань, Россия

ПРОБЛЕМА РАЗДЕЛЕНИЯ «ДРУГИХ» И «ЧУЖИХ» В ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИИ- ЯХ

Проблемы национальной идентичности, идентификации (как процесса формирования идентичности) выходят сегодня на одно из первых мест по обращению к ним среди исследователей.

Тема идентичности становится актуальной именно в период зарождения постнеклассической познавательной модели (парадигмы)¹, делающей возможным само появление подобных понятий, а затем и исследовательских проблем, т. е. в XX в.

Следствием разработки проблем идентичности становится исследование вопросов происхождения и существования категорий «Другого», «непринятого» населения. Параллельно с конструктом «Другого» разрабатывается понятие «Чужого» и феномена «чуждости» как такового, являющегося, в большинстве случаев, разновидностью (крайней формой) «Другого».

В данной статье сделана попытка проанализировать основные результаты теоретических исследований, касающихся проблем «отличного от Меня» населения, выявив различия в довольно схожих между собой категориях «Чужих» и «Других».

Итак, практически все работы, касающиеся обозначенной проблемы, осуществлялись в рамках одного из трех подходов — конструктивистского, инструменталистского или примордиалистского. При всей значимости двух других, дальнейшие рассужде-

¹ См.: *Огурцов А. П.* Научно-техническая революция и особенности современного научного познания. — М., 1977.

ния будут строиться на основе подхода конструктивистского, утверждавшего, что самоидентичность является конструируемым феноменом, как, впрочем, и то, отталкиваясь от чего она конструируется. Главная роль в конструировании указанных процессов помимо непосредственного личного восприятия «не похожих на Меня», безусловно, принадлежит власти, создающей в обществе соответствующие смысловые коды/конструкты, транслируемые, главным образом, через СМИ. Данные конструкты играют роль своеобразных «линз», через которые мы и воспринимаем другие иноэтничные или иноконфессиональные группы (относясь к ним с разной степенью доверия и симпатии).

Воспринимая ту или иную этническую группу, индивид, согласно А. Шютцу, проецирует на нее интересубъективный мир группы собственной, который, очевидно, может существенно отличаться от интересубъективного мира первой. Отсюда и проистекает то, что индивид из одной социальной группы видит объекты иначе, чем человек из другой социальной группы. Благодаря этой интересубъективности повседневное знание и жизнь индивидов одной группы отличается от других. Именно таким образом и возникает «Мы»-группа, в которой индивид чувствует себя «своим», и «Они»-группа — иная, в которой сложно понять ее членов, из-за чего, по мнению исследователя, и возникает опасение и недоверие. Таким образом, сопоставляя свое «Мы» с другими «Они» и вырабатывается социальная самоидентификация индивидов.

Немаловажную роль в восприятии «Других» (помимо внешнего вида) играет язык (в смысле системы словесных знаков¹), наполняющий жизнь каждого конкретного индивида значимыми для него объектами и конструирующий системы символических представлений (таких, как религия, философия, искусство, наука). Язык, таким образом, становится тем «первичным» универсальным маркером, на основании которого происходит отделение «Себя» от «Других».

Воспринимая «Других» и формируя на основании данного отличия образ «Себя», первую группу мы, так или иначе, типологизируем. Перечень конструктов небольшой и представляет

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.— М, 1995.— С. 64.

собой уже обозначенных «Других», «Чужих», «Врагов».

Образ «Другого» в теоретических исследованиях представляет собой нечто «неизвестное» и до конца не понятное «Нам». Несмотря на то, что с этносами, относимыми к данной категории, мы проживаем на одной территории, образы их в нашем восприятии так и остаются неконкретными, абстрактными¹. Полное восприятие «Другого», едва ли возможное в такой ситуации, способствует «доконструированию» его образа в нашем сознании. Подобное «доконструирование» как раз и происходит благодаря воздействию транслируемых властью смысловых конструктов, позволяющих сформировать свое собственное (позитивное или нет) отношение к ним.

«Другой» гораздо более свободен, чем «Я», поскольку меньше связан социальными отношениями, обыденными для «Нас»². Он (и в этом одно из его сходств с «Чужим») в любой момент способен уйти. Это есть некая, не поддающаяся объективации личность, восприятие которой происходит абстрактно, что означает, что мы воспринимаем «Других» во всей их совокупности. Никакого разделения на конкретные личности при этом не происходит.

Отличие «Другого» от «Чужого», согласно работам зарубежных социологов (тот вариант, когда «Чужой» воспринимается как своеобразная крайняя форма «Других» мы не рассматриваем), заключается в первую очередь в том, что «Чужак», в отличие от «Другого», всегда противостоит «коренной» этнической группе. Если «Другого» мы в большинстве случаев не воспринимаем как противостоящую нам силу, приписывая им некоторые положительные качества и рассматривая их мир как один из возможных, то в отношении «Чужого» подобной доброжелательности нет. Мир последнего опасен и враждебен практически всегда.

«Другой» при определенных условиях способен стать «Своим» (в дореволюционное время, к примеру, подобного рода условиями было обращение в православие, знание русского языка и участие в военных походах), «Чужой» такой возможностью

1 См.: *Зиммель Г.* Как возможно общество?— М., 1996.— С. 514.

2 См.: *Ландман М.* Георг Зиммель: контуры его мышления // Георг Зиммель. Избранное. В 2 т.— Т. 2. Созерцание жизни.. М., 1996.— С. 534.

не обладает.

«Чужаки» — пришлые и редко проживают на одной с «Нами» территории (чего, опять же, нельзя сказать о «Других»). Наше общение с ними эпизодично. В данном контексте образ «Чужого» близок образу «Врага» (дискурс о котором исключительно негативен) с той лишь разницей, что с последними «Мы» не осуществляем никаких контактов, никогда не делим совместную территорию, вследствие чего и представление о них формируется исключительно благодаря работе СМИ, создающих в общественном сознании тот или иной их образ.

В обществе существуют две разновидности «Чужих», попадающих под данное определение, — «Чужие», рекрутированные из самого общества (таковы, например, бедняки, преступники и т. п.), и «Чужие» — странники, пришедшие в данную среду извне. К обеим группам отношение очень настороженное. Они исключены из «Нашего» социума, являются носителями иной культуры и системы ценностей. Пребывание их среди «Нас» также не является долговременным¹.

Попытки, предпринимаемые «Чужими» для того, чтобы приблизиться к «Нам», стать «Своими», обречены на провал, так как, даже поселившись на одной территории, они не способны включиться в процесс общественных отношений ввиду незнания всей системы социума, принятых в нем правил и норм поведения. Научиться этому практически невозможно, так как многие социальные процессы, характерные для тех или иных обществ, в немалой степени обусловлены менталитетом титульного этноса.

«Чужого», как и «Другого», отделяет от «Нас» порог (с разной, правда, возможностью его преодоления), не позволяющий одновременно находиться по обе его стороны. Порогом может быть целый ряд качеств, начиная от пола и заканчивая культурными и национальными различиями. Это свидетельствует о том,

¹ См.: *Simmel G. Gesamtausgabe / Hrsgg. von O. Rammstedt. Bd. 2. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1989.* — P. 764; *Weber M. Roscher und Knies und die logischen Probleme der historischen Nationatonomie / Weber M. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre / Hrsgg. v. J. Winckelmann. 7. Aufl. Tübingen: Mohr (Siebeck), 1988.* — P. 45.

что «определенного Чужого», как и «определенного Другого», не существовало и существовать не может¹. Существуют различные стили чуждости, определяемые для каждой конкретной ситуации в момент ее проживания.

В отличие от «Чужих», с «Другими» мы пытаемся выстроить через узнавание их законов некоторое взаимодействие, процесс налаживания которого облегчается проживанием с ними на одной территории². Эффективное взаимодействие крайне важно для «Нас», так как «Других» мы признаем практически равными себе по статусу и значительно более независимыми.

Подводя итог приведенным рассуждениям, необходимо отметить тот факт, что определенная часть исследователей, не делая различий между тремя указанными категориями и опираясь на дискурс дореволюционной прессы, относит их к более общей категории «инородцев». Последнее едва ли правомерно, так как во второй половине XIX в. под «инородцами» чаще понимали местное население, проживающее в дальних регионах страны (в Сибири и на Дальнем Востоке), а вовсе не пришлое, которое зачастую обозначалось в соответствии с основной сферой своей деятельности (заморские купцы, иностранные ремесленники, послы и т. п.).

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть тот факт, что данная статья является, скорее, кратким изложением некоторых полученных в результате анализа выводов, наброском о проблеме разделения различных групп «отличных от Нас», требующим, безусловно, своей дальнейшей конкретизации и еще более подробного изучения.

1 См.: *Вальденфельс Б.* Ответ чужому: основные черты респонзивной феноменологии // Вальденфельс Б. Мотив чужого. Сб. Пер. с нем. / Науч. ред. А. А. Михайлов; Отв. ред. Т. В. Щитцова.— Минск, 1999.— С. 126.

2 См.: *Кемеров В. Е.* Метафизика толерантности // Социальная гетерология и проблема толерантности. Материалы круглого стола / Под ред. А. Ю. Зенкова, В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова.— Екатеринбург: Изд-во Уральского Межрегионального Института общественных наук, 2003.— 145 с. // [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www2.usu.ru/philosophy/soc_phil/rus/texts/tolerance.html

Михаил Хлебников

*канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных основ
государственной службы Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

ЭПОХА ПРОСВЕЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАСОВО-КОНСПИРОЛОГИЧЕСКОГО ГЕ- НЕЗИСА

В начале нашей работы следует указать на то, что эпоха Просвещения, предшествующая Французской революции, по существу создает, изобретает новую схему социально-исторического развития, основные черты которой сохранились и по сей день как для научного, так и для обыденного сознания. Центральным моментом данной схемы, преодолевающей и циклическую модель античности, и теоцентризм средневековья, выступает тезис о возможности рефлексивного постижения исторической процессуальности. А. Р. Тюрго, один из виднейших политических и идеологических представителей эпохи Просвещения так говорит о принципиальном различии природной сферы и сферы социальной: «Явления природы, подчиненные неизменным законам, заключены в кругу всегда одинаковых переворотов»¹. Социально-историческое бытие в своем движении способно выйти за границы непосредственно данного и «представляет из века в век всегда меняющееся зрелище». В просвещенческий дискурс вносится идея о «творческом» характере истории, постижение которой напрямую связано с субъективным фактором. О «недооцененной» стороне этого процесса свидетельствуют слова З. Баумана: «Его суть [понятие индивида в Новое время] далеко не сводилась к простой замене одного на другое... нет, то было радикально новое понима-

¹ Тюрго А. Р. Речь, произнесенная в Сорбонне 11 декабря 1750 г. / Избранные философские произведения.— М.: Государственное социально-экономическое издательство.— 1937.— С. 51.

ние человека как существа, чье поведение обусловлено его/ее познаниями, а эти познания, в свою очередь, детерминированы теми, кто дает знание, истинными или самозваными “посвященными”»¹.

Эпоха Просвещения параллельно формирует два важных социокультурных явления: конспирологическую теорию (теорию заговора) и естественнонаучную, расово-биологическую антропологическую концепцию. Наша задача заключается в рассмотрении их последующей взаимосвязи и взаимовлияния.

Успехи естественных наук (не механики, но уже биологии) способствовали постановке вопроса о происхождении человека. Спор между сторонниками моногенизма и полигенизма касался происхождения человека, степени дифференциации расовых отличий по отношению к единому человеческому типу. Рождались самые экстравагантные и радикальные теории, трактующие расовые различия. Так, Э. Лонг в «Истории Ямайки» разделяет род человеческий на три вида: европейцев, негров, орангутангов. Особую пикантность работе британского ученого придают рассуждения о возможности и последствиях половых отношений между неграми и орангутангами. Расовые различия в понимании полигенистов были настолько фундаментальны, что Й. Х. Фабрициус даже выделяет отдельные, «расово обусловленные», типы кожных паразитов. По его мнению, черная негритянская вошь кардинально отличается от «человеческой вши», что еще раз подчеркивает принципиальное разделение расовых типов.

Дискуссия о происхождении человека привлекает внимание ученых и видных философов, мыслителей того времени. Приверженцами моногенизма объявляют себя Монтескье, Кондильяк, Кондорсе. Гуманистический порыв последних приводит, также как и в случае с полигенистами, к некоторому комическому эффекту: обезьяна объявлялась «братом человека» со всеми вытекающими семейными последствиями. Но не все видные представители эпохи Просвещения разделяли столь радикально политкорректные воззрения. В контексте нашего исследования особый интерес вызывает позиция Вольтера по «расовому во-

¹ Бауман З. Законодатели и толкователи: культура как идеология интеллектуалов // Неприкосновенный запас.— 2003.— № 1(27).— С. 11.

просу», изложенная в его сочинениях «Трактат о метафизике» и «Исследования нравов и умов наций». Пламенный борец за религиозную терпимость, равенство сословий оказывается не менее убежденным сторонником расового, дифференциального подхода к истории развития человечества. По мнению Вольтера, представители белой расы настолько выше негроидов, насколько негроиды выше обезьян, а обезьяны, в свою очередь, выше устриц. Подобное «сочетание несочетаемого» позволяет Л. Полякову так определить вольтеровскую позицию: «Если ни один человек не сделал столько, чтобы разрушить идолов и развеять предрассудки как Вольтер, ни один в той же мере не распропагандировал и заблуждения нового века науки»¹.

Следует без преувеличения говорить о революционном повороте в понимании антропологического вопроса. Хотя еще древние греки и римляне четко разделяли миры эллинистические, римские и варварские, но «водоразделом» для них выступали социально-культурные критерии. Как известно, были широко распространены случаи переходов не только индивидуальных, но и массовых, из варварского состояния в цивилизационное. Средневековье с его доминированием религиозной идентификации также позволяло переступать расовые, этнические рамки. Абсолютизация расовых признаков имеет последствием и жесткое закрепление социальных ролей: «Вплоть до последней четверти XVII столетия на плантациях Виргинии использовался наемный труд белых наравне с трудом африканцев и индейцев. И только в 1670-е там было принято законодательство, однозначно связывавшее рабский труд исключительно с африканцами. Именно с этого времени все завезенные в Америку африканцы стали — независимо от их этнической принадлежности — «неграми-рабами», и на них распространилось понятие единой черной расы»².

Обозначенный парадокс: сторонники Просвещения, т. е. идеи естественного права, певцы «естественного человека», неожиданно предстают перед нами как зачинатели расового

1 Поляков Л. Арийский миф: исследование истоков расизма.— СПб.: Евразия, 1996.— С. 192.

2 Шнирельман В. Расизм вчера и сегодня // Pro et contra.— 2005.— № 2(29).— С. 43.

подхода, неизбежно предполагающего дифференцирующий взгляд на самого человека. Понимание этого должно складываться, на наш взгляд, из описанного нами процесса десакрализации бытия. Явление, достаточно точно и образно названное М. Вебером «расколдовыванием мира», приводит к тому, что человек извлекается из священной иерархии, при этом аннигилируется его зависимость от божественной сущности. Отрицание идеи творца дает возможность субъекту к самоидентификации, основой которой выступает природное маркирование. В силу своей наглядности, «самоочевидности» биологические различия позволяют выстроить новую «естественную» иерархию человечества. Апеллирование к метрическим параметрам, достаточно сложная система кодификации придают расовым теориям объективно научное звучание. Отныне появляется возможность количественного постижения человеческой природы, что приводит к возникновению физической антропологии. Стремительный же прогресс в физической антропологии в XIX в. подкрепляет своим авторитетом притязания на «научность» конспирологических авторов.

Конспирология (теория заговора), возникшая параллельно с расовой антропологией, на первом этапе своего существования носила ярко выраженный натуроцентрический характер. Хронологически мы можем заключить данный период в рамки столетия: от середины XIX в. до середины XX в. Расовые, этнические особенности определяли, по мнению авторов «теории заговора», схему тотально неизбежного исторического противостояния тех или иных народов. Аргументация биологического толка активно присутствует в работах весьма широкого спектра. Расовые аргументы используются в ряде работ внешне посвященных религиозной проблематике. Обращение конспирологических авторов к этому вопросу определено важной внутренней проблемой «теории заговора» того периода. Говоря о противостоянии «белой расы» конспирологи среди определяющих качеств европеоидов особое внимание уделяют христианству, понимаемому как предикат «белой расы». Сложность возникает при обращении к историческим корням христианства, которое объективно возникает внутри мессианского движения иудаизма и первоначальной средой которого выступает еврейское население Палестины.

Краткое обоснование этой проблемы отражено в словах Д. Рида: «Утверждение, что “Иисус был евреем” постоянно употребляется в наш век с политическими целями. Им часто пользуются для заглушения возражений против влияния сионистов в международной политике и захвата Палестины, ибо раз Иисус был евреем, то нельзя христианам протестовать против того, что делается во имя евреев»¹. Данные факты являются неприемлемыми для натуралистического варианта «теории заговора», действительно затрудняя возражения и протесты, и вынуждают ее авторов заняться пересмотром истоков и истории христианства для создания их «адекватной», «первозданной» версии.

Обратимся к сочинению Д. Коннера «Христос не был евреем», которое является своеобразной квинтэссенцией данного подхода, как с методологической, так и с содержательной стороны. Ставя перед собой задачу открыть истинную историю возникновения христианства, автор определяет ее важность с конспирологической позиции: «Актуальность темы возрастает в связи со все усиливающимся наступлением еврейской расы на весь христианский мир»². Это наступление сопровождается, по мнению автора, спекулятивными ссылками на иудаистические истоки христианства, что в корне неверно. Качественное различие между иудаизмом и христианством заключается в характере культов, если первый представляет собой «тайный и закрытый расовый культ», т. е. собственно «тайное общество» в конспирологической интерпретации, то христианство ориентировано на создание открытого этического культа.

Система доказательств Коннера строится на допущении биологически нееврейского происхождения Христа, что тем самым решает натуралистический подход его внутреннего противоречия, так как принимая во внимание культурологические, собственно религиозные аспекты христианства нельзя не признать их внутреннюю связь с иудаизмом. «К счастью, помимо генеалогического, есть еще историко-расовый подход, который

1 Рид Д. Спор о Сионе (2500 лет еврейского вопроса).— Иоганнесбург, 1986.— С. 50.

2 Коннер Д. Христос не был евреем. Послание к неевреям.— М.: Православное изд. «Энциклопедия русской цивилизации», 2004.— С. 6.

расширяет и облагораживает тему, придавая ей достойную значимость, и устраняет ошибочные генеалогические обоснования»¹, — объясняет свой выбор Коннер. Авторские аргументы базируются на признании Галилеи в качестве неиудейской территории, населенной представителями арийской расы. Используя данные антропологии и археологии, автор рисует картину тотального противостояния Христа еврейскому окружению: «В течение всего служения Христа он находил множество случаев отозваться похвально о галилеянах в отличие от их еврейских соседей и иногда в ущерб последним»². Для Д. Рида возражения против еврейского происхождения Христа концентрируются в трех положениях: религиозном, политико-географическом и расовом, причем два последних положения, несомненно, внутренне связаны и взаимодополняемы.

Галилея — родина Христа, не являлась частью Иудеи, была политически изолирована, имела собственного римского наместника. Рождение же Иисуса в иудейском Вифлееме имеет лишь политическую причину, заключающуюся в путешествии беременной Марии для участия в объявленной переписи. Для ортодоксальных иудеев Галилея не была территорией с идентичной религиозной составляющей, что отражено даже в ее названии — древнееврейское Галил означает «область язычников». «Смешанные браки между жителями этих двух стран были запрещены, и еще до рождения Христа Симон Тарсис, один из Маккавейских князей, насильно переселил всех проживающих в Галилее иудеев обратно в Иудею. Другими словами, и по расе, и политически галилеяне и иудеи были различными народами»³.

Как мы можем заметить, сам способ мышления сторонников натуралистической версии «теории заговора» восходят непосредственно к вышеупомянутым дискуссиям между полигенистами и моногенистами в XVIII столетии. Хотя Коннер, как и другие сторонники натуралистической конспирологии, всячески подчеркивают свою личную религиозность, стремление следовать освященным веками христианским канонам, их отношение к религии

¹ Коннер Д. Указ. соч. — С. 20.

² Там же. — С. 85.

³ Рид Д. Указ. соч. — С. 51.

является не столь однозначным. Во-первых, преобладание аргументов объективно-научного характера свидетельствует о том, что собственно религиозные доказательства утрачивают фундаментальность, вскрывается их недостаточность в контексте рационалистического мышления. В данном случае частое и настойчивое обращение к христианству, его истории и священным текстам служит важной, но все же лишь дополняющей частью по отношению к естественнонаучному базису.

Вадим Бикбаев

*канд. полит. наук, зам. нач. каф. иностранных языков
Новосибирского высшего военного командного училища
(Института), полковник*

Новосибирск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В связи с обострением противоречий по линии Восток — Запад для обеспечения безопасности и устойчивого развития человечества особое значение и актуальность приобретает рассмотрение вопроса о межкультурном взаимодействии. Сложность и специфика сложившейся ситуации заключается в следующем.

Во-первых, своеобразным «наложением» социально-экономических и национально-религиозных проблем на глобальном уровне в рамках китайской, западной и исламской моделей развития. В результате этого экономические, политические и национально-этнические процессы находятся в тесном взаимодействии, а противоречия все в большей степени приобретают социально-политическое содержание¹. Это утверждали представители евразийства — одного из наиболее значимых политических учений XX в. В частности, евразийцы обосновывали необходимость сотрудничества между славянскими и тюркскими народами, представителями православия, ислама и буддизма как залога целостности и стабильности многонациональной государственности². Данный тезис при-

1 См.: *Савинов Л. В.* Этнополитический процесс: сущность, содержание, типы и факторы // Науч записки СибАГС. Политические институты и процессы.—2004.— №5.—С. 112.

2 См.: *Евразийский* временник: Непериодическое изд. / Под ред. П. Савицкого, П. Сувчинского и кн. Н. Трубецкого.— Берлин, 1925.— Кн. 1. С 1921 по 1929 г. вышло 6 томов «Евразийских анналов» под разными названиями и с разным составом редакционной коллегии: Т. 1 «Исход к Востоку. Предчувствия и

обрел особую актуальность в новом тысячелетии, так как только на основе диалога культур и цивилизаций возможно достижение и сохранение как целостности любого государства или региона, так и обеспечение его устойчивого развития и безопасности.

Во-вторых, активизацией в условиях обострения борьбы за природные ресурсы поиска идентичности представителями многочисленных этносов и конфессий, проживающих на всех континентах, в том числе в исламских государствах и странах, обладающих ядерным оружием или внесенных США в «черный список». «Поиск идентичности,— отмечает М. Кастельс,— становится фундаментальным источником социальных значений. Идентичность лежала у корней значения с начала человеческого общества. Однако в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимизацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов»¹. Поиск идентичности в свою очередь обусловлен, на наш взгляд, усилением влияния этничности и религии на формирование нашего представления о мире в эпоху глобальных перемен².

В-третьих, как указывает А. Тоффлер, возрастающей ролью Интернета в процессе зарождения, развития и распространения идей насилия среди представителей различных цивилизаций, этнических и конфессиональных групп в условиях сложного взаимодействия между технологией, обществом, экономикой, культурой и политикой³. Данное утверждение, безусловно, необ-

свершения!» (София, 1921); Т. 2 «На путях. Утверждение евразийцев» (Берлин, 1922); Т. 3—5 «Евразийский временник» (Берлин, 1923—1927.— Кн. 3, 4, 5); Т. 6 «Евразийский сборник» (Прага, 1929).

1 *Manuel Castells*. Information Age: Economy, Society and Culture.— Vol. I—III. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.buk.irk.ru/library/book/content.htm>.— С. 24.

2 См.: Безопасность Евразии.— 2002.— № 1(7).— С. 14.

3 См.: *Toffler A.* The third Wave.— N.Y., 1981.— P. 24. [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.krotov.org/libr_min/t/toffler.html; *Manuel Castells*. Information Age: Economy, Society and Culture.— Vol. I—III. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.— [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.buk.irk.ru/library/book/content.htm>

ходимо рассматривать с учетом усиления влияния не только экономического, но и военного фактора, а также существующего расклада сил на мировой арене, являющегося результатом имперской политики администрации Соединенных Штатов по усилению своего военно-политического присутствия в поликонфессиональных и многонациональных государствах и их полного подчинения. Об этом свидетельствует, например, проект секретного соглашения между правительствами США и Ирака. Соглашением предусматривается продление срока нахождения международной коалиции в Ираке и наделение американской группировки правом ведения военных операций в Ираке и задержания лиц, когда для этого возникнет настоятельная необходимость, связанная с обеспечением безопасности. Однако при этом в документе отмечается, что данные полномочия все же будут носить временный характер, поскольку США не намерены иметь в Ираке «постоянно действующие базы и постоянное военное присутствие». В соглашении также подчеркивается, что Соединенные Штаты не собираются использовать Ирак в качестве плацдарма для проведения военных операций против третьих стран. На наш взгляд, данное заявление не следует принимать за чистую монету. Как показывают события, политика США носит непредсказуемый характер, особенно в отношении исламских государств.

В эпоху глобализации и усиления влияния этноконфессионального фактора на политику ведущих мировых держав, на наш взгляд, для обеспечения безопасности и устойчивого развития человечества необходимы усилия всего мирового сообщества в следующих основных направлениях:

— оказание материальной помощи беднейшей части населения планеты, включая исламские государства, всесторонней международной помощи, в том числе в сфере образования;

— разрешение духовно-нравственного кризиса человеческого общества, который, как утверждает вице-президент Международной академии ноосферы (устойчивого развития) К. К. Колин, является главной первопричиной всех остальных проблем человечества, с особой остротой проявляющихся в последние годы¹.

¹ Колин К. К. Информационные аспекты ноосферного образования. [Электронный ресурс].— Режим доступа: mastera.library.by

Действительно, духовный кризис и возникшая вследствие этого проблема обеспечения духовно-нравственной безопасности и уверенности в завтрашнем дне как в жизни отдельной личности, так и общественных институтов, государств и человечества в целом, настоятельно диктуют создание прочной и сбалансированной теоретико-методологической основы безопасного и устойчивого развития. Данной позиции придерживаются многие исследователи¹.

Опасность заключается в том, что в ближайшие десять-пятнадцать лет возможно появление новых религиозных виртуальных движений в глобальной сети Интернет и т. п., а также «не исключена смена социального неравенства интеллектуальным, что приведет к интеллектуальной эксплуатации одних людей другими»²;

— создание новых общественных организаций и институтов управления, способных принимать решения, осуществлять руководство и разрабатывать основные направления развития как в центре, так и на местах (регионах) с учетом национально-психологических особенностей населения на более генерализированном уровне. Данные организации, как справедливо указывает А. Тоффлер, должны учитывать структуру общества, содействовать политической интеграции и своевременному принятию решений³. С учетом сложившейся на рубеже тысячелетий ситуации о деятельности организаций исследователь В. С. Диев рассматривает взаимоотношение между структурой организации и стилем управления ею в рамках анализа обратной связи — взаимодействия культурных и исторических традиций на управление. В связи с тем, что данная связь имеет одно из важнейших значений в новом тысячелетии, необходимо подробно остано-

1 См.: Ушакова Е. В. Социальная безопасность и идеология консолидации как социально-философская проблема: Межвуз. сб. науч. тр. Красноярск, 2004.— Вып. № 7.

2 *Глобализация* и проблемы духовной безопасности России. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.fnimb.org>

3 См.: *Toffler A. The third Wave.*— [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.krotov.org/libr_min/t/toffler.html.— С. 458.

виться на ряде положений монографии В. С. Диева¹. На наш взгляд, прежде всего следует отметить следующие положения теории исследователя.

Во-первых, что культура обновляет унаследованные из прошлого ценности и нормы с учетом происходящих в обществе изменений, транслирует их живущим поколениям, вооружает людей определенными стереотипами поведения. Вследствие того, что эта социальная память лежит в основе ценностей, взглядов и норм поведения, проявляющихся в деятельности организаций, в теории организации следует учитывать характер и степень влияния указанных факторов на поведение людей, их приоритеты и поступки в процессе работы. Автор, таким образом, подчеркивает диалектическую взаимосвязь между ценностями прошлого, с одной стороны, и происходящими изменениями, с другой. На наш взгляд, данное положение необходимо применять практически во всех сферах жизнедеятельности человека на современном этапе исторического развития как в странах Запада, так и Востока, так как разработать и реализовать основные положения теории устойчивого развития и безопасности без учета национально-психологических особенностей населения, особенностей мышления и образа жизни практически невозможно.

Во-вторых, в принятии управленческих решений наряду с национальной культурой той или иной страны очень важную роль играет и культура конкретной организации. Любая организация, имеющая свою историю, как отмечает автор, в понятие «культура» включает общие подходы к решению различных проблем внутренней регуляции и адаптации к внешним условиям, принятые и выработанные в процессе решения этих проблем². Как мы видим, автор говорит о единстве организационного (группового) и общественно-социального уровня и условий. Этот факт, на наш взгляд, необходимо учитывать при анализе деятельности организаций (в том числе и деструктивных), так как в результате пропаганды и психологической обработки у чле-

¹ См.: Диев В. С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция.— Новосибирск, 2001.— С. 155.

² См.: Там же.

нов организаций «формируется восприятие и осмысление, характерное для данной организации», а их роль, вес и влияние в современном мире, особенно в многонациональных и поликонфессиональных государствах, резко возрастают.

В-третьих, как совершенно верно указывает В. С. Диев, культура влияет на выработку стратегии организации, постановку целей и выбор средств их достижения, на определение критериев прогресса и оценки результатов, на формирование подходов к разрешению ситуаций, не совпадающих с целями организаций. Культура способствует решению основных задач по выживанию организации и приспособлению ее к внешнему миру, регуляции внутреннего развития, обеспечивая тем самым и совершенствование выживаемости и приспособляемости¹. Автор, таким образом, указывает на взаимосвязь внутренних и внешних факторов воздействия на всех уровнях — личностном, организационном и социальном.

Подводя итоги анализа теории В. С. Диева, целесообразно выделить следующую мысль исследователя, заключающуюся в том, что «групповому мышлению» присущи несколько отличительных черт — конформизм, тенденциозный подбор информации, неоправданный оптимизм, убеждение такой группы в том, что она имеет инициативу в решении экономических и политических проблем. Именно на основе вышеуказанных черт группового мышления, на наш взгляд, в результате агитации и пропаганды население, в основном его беднейшие слои, рассматривает своего руководителя (лидера) как некое божество и находится в сфере воздействия «группового мышления», опасность возникновения которого «находится в прямо пропорциональной зависимости от степени влияния лидеров группы (коалиции), принявшего такое решение»². Кроме того, в результате убежденности в своей правоте создаются все предпосылки для дестабилизации обстановки, нагнетания межнациональной и конфессиональной напряженности, возрастания степени угроз безопасности, что, в конечном счете, способствует дальнейшему противостоянию между Западом и Востоком.

1 См.: Диев В. С. Указ. соч.— С. 156.

2 Там же.— С. 148, 149.

Мы видим, что для достижения положительных результатов в рамках взаимодействия по линии Восток — Запад необходимы конструктивные усилия не только глав государств и правительств, но и всех слоев населения поликонфессиональных и многонациональных государств при активном участии в данном процессе общественно-политических институтов и организаций с учетом соблюдения норм международного права, традиций и обычаев представителей всех цивилизаций.

Евгений Сальников

канд. филос. наук, нач. каф. социально-философских дисциплин и экономики Орловского юридического института МВД России

Инна Сальникова

*ассист. каф. математики и информатики
Орловского государственного университета*

Орел, Россия

УРОВЕНЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У КАНДИДАТОВ НА СЛУЖБУ В ОВД: МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сегодня от сотрудников органов внутренних дел требуется высокий уровень грамотности в вопросах межэтнического взаимодействия, собственная толерантность и устойчивое владение навыками межэтнического и межконфессионального общения. Современный сотрудник милиции должен в полном объеме представлять все возможные последствия его попустительского, а тем более одобрительного отношения к проявлениям межэтнической и межрелигиозной нетерпимости. Ярким подтверждением этого являются события в Кондопоге, когда именно неграмотное и несвоевременное реагирование сотрудников правоохранительных органов привело к возникновению серьезной противоправной ситуации, вылившейся в совершение лицами ряда тяжких преступлений.

Все вышесказанное определяет актуальность проведения исследований в среде кандидатов на службу в органах внутренних дел по вопросу выявления в данной среде экстремистски ориентированных личностей.

Обозревая методики исследования межэтнической толерантности стоит упомянуть о методике измерения этноцентризма М. Стадникова¹, методику этнической идентичности, состав-

¹ См.: *Стадников М. Г. Терроризм и этноцентризм в групповом сознании // В. Г. Ананьев и комплексные исследования человека в психологии: Материалы*

ленную О. Л. Романовой¹, и ряд других. И все же оптимально нашим целям соответствует методика выделения типов этнической идентичности, предложенная Г. У. Солдатовой².

Она позволяет оценить личность по шести шкалам типов этнической идентичности: Это шкалы: 1 — позитивная этническая идентичность, 2 — этническая индифферентность, 3 — этнонигилизм, 4 — этноэгоизм, 5 — этноизоляция, 6 — национальный фанатизм.

Позитивную этническую идентичность характеризуют высокая толерантность и готовность к межэтническим контактам. Человеку с позитивной этнической идентичностью свойственно естественное предпочтение собственных этнокультурных ценностей.

Этническая индифферентность — это форма идентичности, при которой собственные этнокультурные характеристики в значительной степени безразличны для субъекта. По сути дела это космополитизм, мировоззрение «гражданина мира», равно нивелирующего как свои, так и чужие этнические характеристики.

Этнонигилизм представляет собой форму гиподентичности. Этнонигилистические тенденции отражают нежелание поддерживать собственные этнокультурные ценности, выражаются в ощущении этнической неполноценности, ущемленности, стыда за представителей своего этноса, иногда негативизма по отношению к ним.

Этноэгоизм может выражаться в безобидной форме конструкта «мой народ», но способен вносить напряженность и раздражение в общение с представителями других этнических групп или признание за своим народом права решать проблемы «за чужой счет».

Этноизоляция проявляется как убежденность в превосходстве своего народа, в признании необходимости «очищения» национальной культуры, негативном отношении к межнацио-

науч.-практ. конфер. 28—30 октября 2003 г.— СПб., 2003.

1 См.: Романова О. Л. Развитие этнической идентичности у детей и подростков: Автореф. канд. дис.— М., 1994.

2 См.: Почебут Л. Б. Методы этнической и кросс-культурной психологии.— СПб., 2007.

нальным брачным союзам, ксенофобии.

Национальный фанатизм — готовность идти на любые действия во имя так или иначе понятых этнических интересов вплоть до этнических чисток, отказе в праве пользования ресурсами и социальными привилегиями другим народам, признание приоритета этнических прав народа над правами человека, оправдания любых жертв в борьбе за благополучие своего народа.

Представляется, что применительно к поступающим на службу в органы внутренних дел показатели этих шести шкал можно свести к четырем формам рекомендации: рекомендуется в первую очередь, рекомендуется, рекомендуется условно и не рекомендуется. К рекомендации по первой группе следует отнести службы, сотрудники которых находятся в постоянном контакте с населением, относящимся к разным этническим группам, пребывают в состоянии постоянной коммуникации с представителями различных национальностей. Второй группе можно рекомендовать сотрудников для прохождения службы в условиях, когда уровень контактов с населением, а следовательно и потребности межэтнического взаимодействия, менее высоки, чем у первой группы. Третьей группе — сотрудников, чей ежедневный коммуникативный опыт за пределами служебного коллектива невелик, а потому их вероятность вступления их в межэтнический контакт незначительна.

Совершенно очевидно, что для первой категории необходимы высокие параметры толерантности. Это означает, что показатели кандидатов на службу в этих подразделениях должны быть на уровне не ниже 85 % по первой шкале. Эта группа характеризуется доминантой первых двух шкал, при том что показатели по пятой и шестой шкале — от 40 % и ниже.

Для второй группы допустима будет доминанта первой или второй шкалы при допустимом пороге по пятой и шестым шкалам — 50 %. В этом случае личность все же остается толерантной, хотя возможен незначительный рост показателей по шкалам этноэгоизма и этнонигилизма. Ядро толерантности хотя и не является столь устойчивым, как в первой группе, все же сохраняется в достаточном для стабильности поведения количестве.

Третья группа характеризуется разными параметрами. Это

может быть господство первой шкалы при высоких показателях этноизоляционизма и национального фанатизма. Другой возможный вариант — доминанта этноэгоизма и (или) этнонигилизма. Речь идет о ситуации нестабильности личности в этническом аспекте, когда нет возможности с полной уверенностью прогнозировать толерантное поведение личности в условиях межэтнического взаимодействия, а тем более выполнения оперативно-служебных задач в полиэтнической среде.

Наконец, четвертая группа характеризуется доминантой этноизоляционизма и национального фанатизма. Это личности с крайне низким параметром этнической толерантности, для них характерна этническая нетерпимость. Можно с полной уверенностью заключить, что подобные личности являются питательной средой для произрастания экстремистских настроений.

Имеется возможность представить данные графически, что позволяет существенно упростить анализ получаемых статистических данных. Речь идет о создании области допустимых значений для каждой из групп. Эта область ограничена верхним и нижним порогами, т. е. максимально и минимально возможными показателями, которые испытуемый может набрать по каждому из типов этнической идентичности. Области распределения представлены на следующих графиках.

Так, для первой группы будет характерна следующая область допустимых значений:

Область допустимых значений для второй группы будет выглядеть следующим образом:

В рамках третьей группы возможны две области распределения. Это вызвано тем обстоятельством, что возможны области с одной (3 группа Б) и с двумя вершинами (3 группа А).

Область распределения для четвертой группы может быть представлена следующим образом:

Представляется, что использование данной методики позволит оптимизировать процесс обработки статистических данных, что создаст достаточно эффективный заслон на пути личностей с низким уровнем этнической толерантности и откровенно экстремистских элементов, желающих проникнуть в ряды сотрудников органов внутренних дел.

Айвика Мушич-Громыко

*аспирант каф. филос. Новосибирского государственного
университета экономики и управления*

Новосибирск, Россия

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭТНО- ПОЛИТОЛОГИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Этнополитология, будучи наукой о взаимосвязи этнической и политической действительности, в своем исследовательском движении может быть зафиксирована в динамике двух основных теоретико-методологических этапов. На первом — тематика соответствующих исследований складывалась вокруг «национального вопроса» и охватывала предельно широкий круг проблем — философских, социологических, психологических и других, связанных с нациями и, соответственно, политическими средствами их решения. Второй теоретико-методологический этап развивается с 60-х–70-х гг. XX столетия и знаменует собой выделение соответствующих разделов программ этнополитических исследований, тесно увязанных с программами политических партий¹.

В связи с этим новейшая этнополитология, по определению И. В. Ставрова, есть «область политической науки, изучающая политическую сферу жизни этнических общностей, их взаимодействие с политикой и политическими институтами государства. Важной особенностью этнополитологии является то, что она изучает не отдельные аспекты политической жизни этносов, а всю эту сферу как целостную и многомерную систему»².

На сегодня этнополитология являет собой сложнейший

1 См.: *Этнополитология*. Словарная статья // Национальные отношения: словарь / Под общ. ред. проф., чл.-корр. Международной славянской Академии В. Л. Калашникова.— М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.

2 См.: *Ставров И. В.* Этнополитология. Учеб. курс. Раздел 1. Понятие этнополитологии и ее научное окружение.— М., 2005.

комплекс теоретических построений, направленных на практическую реализацию социально-философских задач, когда в своем эмпирическом базисе она опирается на социологический метод исследования.

Совершенно очевидно, что в условиях современной России возрождается и по-новому осмысливается системный подход к этнополитической проблематике. О необходимости «очерчивания круга вопросов и проблем, которые могут и должны разрешаться на теоретическом и практическом уровне во взаимосвязи, а не по отдельности, как это часто предлагается в локальных исследованиях или политических инициативах», говорит А. Савельев в своей работе «Этнополитика: от теории к практике». Следует отметить, что данный автор, будучи сторонником системного подхода, заостряет вопрос о том, что «одной из ключевых проблем российской этнополитики является отрыв исследовательской базы от реальных политических процессов»¹.

Об этой ключевой теоретико-методологической проблеме в различных исследовательских аспектах говорят также иные специалисты этой области: Р. Г. Абдулатипов, В. А. Ачкасов, К. Цюрхер, А. Г. Здравомыслов, Г. С. Денисова, З. В. Синевич, В. В. Амелин, В. А. Тишков и ряд других.

Говоря о собственно теоретико-методологическом комплексе современной этнополитологии, следует представить круг этих проблем. Наше внимание в аспекте описываемой проблематики привлекла работа Р. В. Бурцевой «Проблемное поле современной этнополитологии». Какой круг проблем очерчивается автором?

1. Потребность в разработке новых концепций, понятий и категорий в целях системного изучения общественных явлений.

2. Необходимость развития междисциплинарных знаний и верификации старых теорий.

Генеральной проблемой Р. В. Бурцева считает потребность изучения влияния этнических факторов на все стороны общественной жизни, поясняя это тем, что сегодня трудно найти такую область жизнедеятельности человека, на которой так или

¹ Савельев А. Этнополитика: от теории к практике. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.savelev.ru>

иначе не сказалось бы влияние этнических факторов¹.

Согласно зафиксированным нами двум основным теоретико-методологическим этапам развития этнополитологических исследований в отдельную группу Р. В. Бурцева выносит проблемы политической сферы. Здесь она выделяет следующий стратегический круг проблем:

— необходимость формирования и исследования комплекса представлений о том, что именно этнополитические вопросы стоят на повестке дня во многих государствах мира;

— фиксирование уровня стабильности современных государств в прямой зависимости от разрешения проблем, связанных с налаживанием коммуникации в полиэтничном обществе;

— преодоление этнического сепаратизма, развитие демократии и федерализма в условиях этнокультурного плюрализма;

— введение исследовательского измерения демографических процессов в их увязанности с межэтническими отношениями, когда эти процессы отражаются и на внешнеполитическом положении государств;

— введение теоретико-методологического измерения, когда необходимо исследовать реалии повседневной жизни, так или иначе влияющие на этнические отношения в общем составе социальных знаний².

Возвращаясь к уже упомянутой нами работе А. Савельева «Этнополитика: от теории к практике», важно представить комплекс основных проблем интересующей нас дисциплины, когда автор говорит о них с позиций современной российской этнополитики. Эти контуры исследований таковы:

— зарубежные соотечественники;

— нелегальная миграция, желательная и нежелательная миграция;

— демографические диспропорции;

— этнокультурные анклав и диаспоры;

— этно-номенклатура (сепаратизм, клановость);

1 См.: Бурцева Р.В. Проблемное поле современной этнополитологии / Р. В. Бурцева // Без темы.— 2006.— №1(1).— С. 41—44.

2 См.: Там же.

— становление единой политической науки¹.

Как можно видеть, приведенные специализированные классификации прямо отвечают тому определению сущности этнополитологии, как его весьма точно дает Э. А. Паин. Напомним. Российский ученый в определении сущности этнополитологии указывает на два основных теоретико-методологических подхода. Первый из них он обозначает формулой «от этничности к политике». Этот подход «подразумевает исследование этнокультурных особенностей политической активности разных этнических групп, например, своеобразии восприятия тех или иных политических стратегий представления разных этнических культур». Второй подход, соответственно, «от политики к этничности», изучает «влияние политических явлений и процессов на этническое развитие и межэтнические отношения»². Представляется, что классификация теоретико-методологических проблем и подходов Р. В. Бурцевой отвечает первому подходу, а А. Савельева — второму.

Именно второй подход, а следовательно, и исследовательские вопросы, акцентирующие внимание политологов, представляют собой сложный многоуровневый комплекс, который Э. А. Паин фиксирует как необходимое исследование трех видов отношений: 1) между этническими общностями и политическими институтами государства; 2) разными этническими общностями; 3) индивидом и этнической общностью³.

Особое значение вследствие фиксирования фундаментального исследовательского комплекса современной этнополитологии приобретает, по мысли исследователей, изучение двух важнейших системообразующих проблем: изучение политического контекста этничности и развитие федеративных отношений.

В заключение отметим, что анализ научной литературы по теоретико-методологическим проблемам современной этнополитологии показывает, что к комплексу важнейших вопросов

1 Савельев А. Этнополитика: от теории к практике [Электронный ресурс] / А. Савельев.— Режим доступа: <http://www.savelev.ru>

2 См.: Паин Э. А. Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России; ИС РАН.— М., 2004.— 328 с.

3 См.: Там же.

присоединяется и проблема этнического индивида в условиях исторического субстрата социального пространства и времени¹. Думается, что именно в этой области новейшая этнополитология сформулирует целый ряд достойных концепций, теорий и идей, адекватно отвечающих на современные теоретические и практические вызовы цивилизации.

¹ См.: *Фадеечева М. А.* Этнический индивид и проблема этнического субстрата // Проблемы образования, науки и культуры.—2004.— № 29.— Вып. 15.

Сергей Кузнецов

*канд. физ.-мат. наук, доц. каф. информатики и математики
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ЭТНОГЕНЕЗА

История любого этноса, да и в целом всего человечества — процесс смены поколений и формаций. В этом процессе от поколения к поколению бережно передаются накопленные ценности духовной и материальной культуры. Сохранению и преумножению этих ценностей служат традиции. Традиции поддерживают преемственность между прошлым и будущим, формируют историю, позволяют этносу направлять свою деятельность на преумножение духовного и материального достояния.

Культурные образцы вместе с социальной и генной информацией образуют наследие этноса. Под наследием понимаем только те наследуемые или передаваемые сообщения, культурные образцы и генное здоровье этноса, которые уменьшают неопределенность у получателя наследия. Следовательно, наследие измеряется разностью энтропий этноса до и после получения наследия. Наследие является связью или отношением между этнофорами, в результате которой повышается негэнтропия всего этноса. Создание нового наследия (равно как и появление в прошлом того, что ныне считается «старым») связано с удовлетворением разнообразных человеческих потребностей, поиском решения нестандартных проблем и т. п.

Одна из закономерностей эволюции заключается в том, что порядок и хаос не просто сосуществуют в материальных системах, но и сменяют друг друга во времени. Такое трудно определяемое состояние, как «порядок», возникает в результате работы, произведенной свободной энергией, и проявляется в формировании устойчивых к внешнему «шуму» материальных и ментальных структур.

Вновь возникшие структуры, в свою очередь, задают программу, управляющую движением новых порций энергии и вещества. Наследие этноса как раз и занимается формированием этих структур. Поэтому в смысле возможности формирования структур внутри этноса понятия «порядок» и «наследие» совпадают.

У «динамических» этносов всегда возникает проблема «отцов и детей». Со временем меняются идеалы, вкусы, обычаи, этнос меняет ландшафт обитания. Наряду с появлением нового идет забвение старого, и эти-то перемены именуется развитием наследия. В зависимости от того, в каких фазах развития находится этнос, уровень энтропии и наследия меняется. Так, на спокойных («дарвинских») этапах развития идет накопление наследия, его структуризация и уменьшение энтропии, в межфазных переходах и на этапе «перегрева» этноса энтропия возрастает, традиции, взгляды, социальные нормы и т. п. рушатся, происходит частичная потеря наследия.

Опишем эти процессы моделями типа «хищник-жертва». Будем исходить из предположения, что появление нового наследия (n) вызвано решением существующих проблем этноса на основе существующего наследия. Это означает, что прирост наследия и убыль проблем, т. е. энтропии (S), можно считать пропорциональным их произведению. Предположим, что при отсутствии решения проблем их суммарный объем растет пропорционально их числу (S), а наследие стареет пропорционально объему существующего наследия (n). Эти гипотезы приводят к известной в экологии системе уравнений Лотки — Вольтерра¹:

$$\begin{aligned} \frac{dS}{dt} &= aS - bnS, \\ \frac{dn}{dt} &= \mu nS - cn, \end{aligned} \tag{1}$$

где aS — скорость естественного прироста энтропии этноса в результате своей деятельности;

bnS — скорость уменьшения энтропии за счет создания нового наследия;

μnS — скорость прироста наследия за счет решения проблем этноса;

¹ См.: *Вольтерра В.* Математическая теория борьбы за существование. — М.: Наука, 1976. — 286 с.

en — скорость естественного старения наследия.

Система имеет два стационарных состояния. Первое стационарное состояние взаимодействия наследия и энтропии этноса является седлом. Второе состояние показывает, что фазовые траектории в окрестности стационарного состояния являются замкнутыми линиями, каждая из которых соответствует определенным начальным условиям. Главной особенностью предлагаемой модели является то, что она показывает колебательный характер взаимодействия энтропии и наследия. Без построения модели и ее исследования такой вывод сделать невозможно.

Факторы, влияющие на модель, можно разделить на стабилизирующие и дестабилизирующие. Конкуренция наследий и внутренняя борьба наследия в этносе являются стабилизирующими факторами. С другой стороны, застой в создании и модернизации наследия, нелинейный рост хаоса в зависимости от объема наследия являются дестабилизирующим фактором.

Рассмотрим некоторую модификацию модели А. Н. Колмогорова¹. Пусть $k_1(S,n)$, $k_2(S,n)$ — коэффициенты прироста энтропии и наследия, $L_1(S,n)$ — коэффициент изменения энтропии в результате влияния наследия, $L_2(n)$ — коэффициент амортизации наследия. Получим модель:

$$\begin{aligned} \frac{dS}{dt} &= k_1(S)n - L_1(S,n), \\ \frac{dn}{dt} &= k_2(S,n)n - L_2(n)n. \end{aligned} \quad (2)$$

Функцию $L_1(S,n)$ будем называть функцией реакции этноса на возникшую проблему (объем проблем, решаемых с использованием единицы наследия в единицу времени), соответственно, $k_2(S,n)$ показывает реакцию окружающей среды на вмешательство человека.

¹ См.: Колмогоров А. Н. Качественное изучение математических моделей динамики популяций // Проблемы кибернетики.— М., 1972.

Одним из видов функции реакции является $L_1(S, n) = \frac{BS}{1 + pS}$,

которая называется функцией Моно¹. Здесь $\frac{B}{P}$ — максимально возможный объем решенных проблем при неограниченном ро-

сте энтропии, $\frac{1}{P}$ — уровень энтропии, порожденной проблемами, половину которых этнос решить в состоянии. Ряд функций вида

$$k_2(S, n) = eL_1(S, n) = \frac{\alpha S}{(1 + pS) n^m} \quad 2);$$

$$k_2(S, n) = eL_1(S, n) = \frac{\alpha S n^{-m}}{1 + pS n^{-m}} \quad 3) \text{ и}$$

$$k_2(S, n) = eL_1(S, n) = \frac{\alpha S}{1 + hS \tau n} \quad 4),$$

где h и τ — время, затраченное этносом на борьбу с ростом энтропии и внутреннюю борьбу при создании нового наследия, по сравнению с функцией Моно лучше описывает явления «насыщения», т. е. моменты, когда хаос или наследие выходят на некоторый постоянный уровень из-за ограниченности ресурсов этноса. В этих моделях учитывается не только время, необходи-

1 См.: *Monod I. Recherches sur la croissance des cultures bacteriennes*, Paris: Hermann, 1942.

2 См.: *Hassel V. P., Varley G. C. New indicative population model for insist parasites and its bearing on biological control // Nature*, 1969.— V.— 223.— P. 1133—1137.

3 См.: *Arditi R., Akçakaya H. R. Underestimation of mutual interference of predator // Oecologia*, 1990.— V.— 83.— P. 358—361; *De'Angelis D. L., Goldstein R. A., O'Neill R. V. A model for trophic interaction // Ecology*.— 1975.— V.— 56.— P. 881—892.

4 См.: *Beddington J. R. Mutual interference between parasites or predators and its effect on searching efficiency // J. Anim. Ecol.*— 1975.— V. 45.— P. 331—340.

мое этносу для уменьшения энтропии, используя свое наследие, но и косвенно учитывается время, которое этнос тратит на борьбу внутри себя при создании нового наследия (борьба научных школ, борьба религий, борьба течений в искусстве, борьба новых законов со старыми традициями, устоями и т. п.).

Стационарная точка с отличными от нуля координатами в модели Хаселля — Варлея представляет собой устойчивый фокус¹. На рис. 1 изображены траектории развития этноса во времени и наиболее наглядно видно, что колебательные движения энтропии и наследия на некотором этапе начинают затухать и стремиться к стационарной точке.

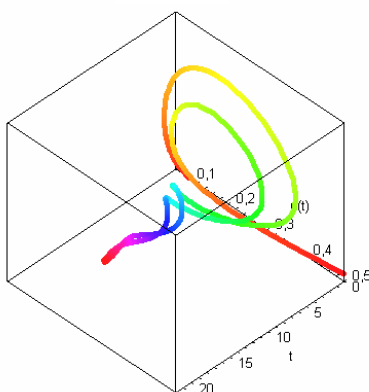

Рис. 1. Переходные состояния модели Хаселля — Варлея

Рассмотрим еще один случай, удовлетворяющий требованиям, налагаемым на систему дифференциальных уравнений (2).

¹ См.: *Hassel M. P., Varley G. C.* New indicative population model for insect parasites and its bearing on biological control // *Nature*, 1969.— V.— 223.— P. 1133—1137.

$$\frac{dS}{dt} = aS - \frac{bSn}{(p+S)(d+n)},$$

$$\frac{dn}{dt} = \frac{rSn}{(p+S)(d+n)} - cn. \quad (3)$$

На рис. 2 рассмотрен результат решения модельной задачи. Две из рассмотренных траекторий стремятся к стационарной точке с ненулевыми координатами, а третья кривая показывает, что небольшое изменение начальных условий в уровне энтропии приводит к неограниченному росту хаоса.

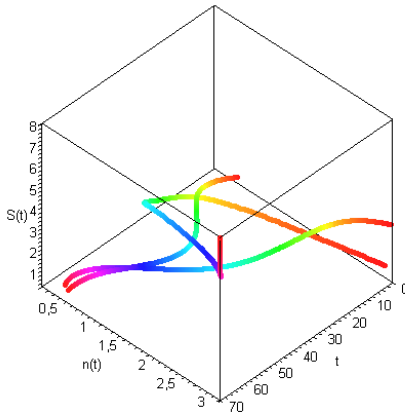

Рис. 2. Поведение интегральных кривых (3) во времени

Интегральные кривые, стартующие при одинаковом уровне наследия, доставшегося от «родителей», но при разных уровнях энтропии, в момент зарождения этноса стремятся к различным стационарным точкам. Так, интегральная кривая с более высоким уровнем энтропии попадает в устойчивый фокус, а интегральная кривая с меньшим уровнем энтропии уходит к седловой точке, а далее в бесконечность. На рис. 2 видно, что существуют определенные границы изменения начальных значений энтропии и наследия, внутри которых интегральные прямые бу-

дуг устремляются к устойчивому фокусу, вне этого интервала все кривые уходят в бесконечность. Таким образом, система уравнений (3) позволяет моделировать гибель и исчезновение вполне «благополучных» этносов.

Михаил Басимов

*д-р психол. наук, проф. каф. социологии и социальной работы
Курганского государственного университета*

Курган, Россия

Анатолий Хромов

*канд. психол. наук, доц. каф. общей и социальной психологии
Курганского государственного университета,*

Курган, Россия

B. L. Dubey¹

*Ph. D Editor in Chief The SIS Journal of Projective Psychology
and Mental Health*

Panjab University, Chandigarh

Dorothy Morrison²

*Ph. D University of Minnesota Duluth
Assistant Professor*

«ЗАКОНОПОСЛУШНОСТЬ» В РЕФЛЕКСИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОСОБЕННОСТЕЙ КУЛЬТУР РОССИИ, ИНДИИ И США

Кросс-культурная психология, изучая коллективные представления людей на основе прямых оценочных суждений, вынуждена мириться с неизбежной системной погрешностью измерений. При критическом анализе сравнения этнических представлений одной культуры представителями других культур и автостереотипов молодых представителей оцениваемой культуры неизбежно обнаруживаются значительные несоответствия взаимных оценок. Для по-

1 Бьянки Л. Дюби — гл. ред. журн. «Проективные методики и психологическое здоровье», Пенджабский университет, Чандигарх, Индия.

2 Дороти Моррисон — проф. Миннесотского университета, Миннесота, США.

вышения объективности результатов исследования необходимы новые подходы в изучении этнических особенностей культуры. Мы предлагаем метод сравнения множества перекрестных коллективных оценочных представлений, т. е. рефлексивный метод. Данные, полученные с помощью многомерных рефлексивных измерений этнических особенностей людей и культуры, более объективно характеризуют уровень взаимопонимания и толерантности представителей разных этнических групп.

Проблематика исследования рефлексивных процессов является стратегически важной как для развития науки, так и для решения широкого круга практических задач. Существует много научных школ и направлений, которые с разных сторон изучают, анализируют, рассматривают, критикуют, принимают проблему рефлексии, рефлексивных процессов и связанную с этим проблему оценки культур. В психологии проблема рефлексии неразрывно связана с проблемой сознания, т. е. рефлексия выступает как один из важнейших уровней сознания, в определенной степени это — высший уровень развития сознания. Там, где есть субъекты, начинает проявляться рефлексия. Высшим уровнем активности субъекта является деятельность. И сам субъект, и деятельность невозможны без сознания, без рефлексии, поэтому здесь все неразрывно взаимосвязано. Когда рождается человек, то у него проявляются сначала простейшие психические проявления и затем они дифференцируются на сознание, в частности на рефлексии, и неосознанное в психике, на бессознательное. Если есть сознание, то есть и бессознательное, поэтому где рефлексия — там и бессознательное. И наоборот, где есть бессознательное, там есть рефлексия и сознание в целом. Вот эта парная категория — сознание и, в частности, рефлексия, с одной стороны, и бессознательное, с другой — важны для того, чтобы правильно понимать и субъекта, и его деятельность. К сожалению, в ряде работ по рефлексии очень сильно преувеличивается роль осознанной рефлексии и недооценивается роль интуиции и вообще бессознательного, результаты не подкрепляются статистическим анализом. А если говорить более обобщенно, то недооценивается роль деятельности, потому что если нет деятельности, то нет и минимально развитой рефлексии и вообще сознания. Вместе с тем нельзя переоценивать вообще ре-

флексию, т. е. не учитывать роль сознания, интуиции, роль подсознательного, и в первую очередь, роль деятельности субъекта.

Любые попытки осмыслить значение рефлексивной проблематики в научной или культурной жизни нашей страны (и США, наверно, тоже) неразрывно связаны с именем Владимира Александровича Лефевра, российского психолога, который в настоящее время живет в США. Главная заслуга Лефевра в том, что он вывел понятие рефлексии из философии, тогда (50—60 гг. XX в.) во многом сводившейся к идеологии, в общесистемное междисциплинарное поле, что было связано прежде всего с введением понятия «рефлексивная система». В основу его идей был положен структурно-функциональный подход. Тому, что роль рефлексивного подхода резко возросла, способствует в первую очередь развитие субъектно-деятельностного подхода. Нельзя не отметить громадную роль работ С. Л. Рубинштейна, В. А. Лефевра, В. Е. Лепского, В. М. Розина, Г. П. Щедровицкого и ведущей научной психологической организации в России — Института психологии РАН (А. В. Брушлинский и др.)

Основные знания в современной этнической психологии получены в рамках так называемого *etic*-подхода. Странники этого направления полагают, что базовые психологические процессы являются общими для всех людей, но на их проявление серьезное влияние оказывает культура. По мнению Дж. Берри культура «играет разные вариации на общую тему», а сами **культуры равные, внешне разные, но в основе своей одинаковые**. В подобных исследованиях проводятся сравнения с использованием стандартных методик, стандартизованных интервью, метода контент-анализа содержания продуктов культуры и т. д., которые обязательно должны быть адаптированы к каждой изучаемой культуре. Результаты сравнительно-культурных исследований часто вызывают неудовлетворенность, так как исследователи постоянно сталкиваются с большими трудностями при попытке избежать грубых субъективных ошибок в интерпретации данных. Многие западные культурантропологи вообще считают невозможным найти адекватные показатели для сравнения переменных культур, так как каждая из них представляет собой замкнутый и уникальный мир. По мнению М. Коула, психология разрывает единство культуры и психики, «выстраивая их во

временном порядке: культура — это стимул, а психика — реакция». Г. Триандис вообще ставит под сомнение объективность *etic*-подхода и предлагает комбинированный *etic-emic-etic*-подход.

Главные вопросы, на которые постоянно стремятся получить ответы культурантропологи в своих исследованиях (Д. Бери, Д. Мацумото, Г. Триандис, Ф. Хсю и др.) следующие: в какой степени и какими способами культура влияет на внутренний психический мир человека; какие психологические понятия действительно являются универсальными и могут быть использованы для описания поведения человека в сравниваемых культурах; как преодолеть субъективизм в интерпретации результатов кросс-культурных исследований.

По существу, оценивание культуры на основе рефлексивных представлений — это методический прием, позволяющий минимизировать чрезмерный этноцентрический субъективизм при оценке другой культуры и нацеленный на выявление преимущественной ориентации в процессе взаимодействия в разных культурах, что позволяет дифференцировать все культуры по этому параметру измерения.

В нашем кросс-культурном исследовании, которое проведено в рамках психологического универсального измерения культуры «индивидуализм-коллективизм», мы попытались найти единую точку отчета, относительно которой и проводилось сравнение рефлексивных коллективных представлений культур России, Индии и США.

Для оценки культур использовался *культурно-ценностный дифференциал*, разработанный Г. У. Солдатовой, И. М. Кузнецовым, С. В. Рыжовой¹. Данная методика является развитием идей Шварца (Schwartz, 1994), который занимался изучением структуры ценностных ориентаций. Методика Г. У. Солдатовой и ее коллег была адаптирована нами для целей многоуровневого рефлексивного оценивания культур (перевод на английский язык осуществлен в содружестве с американцем Джексоном Бэрри) по параметрам групповых ценностных ориентаций: *на группу, на власть, друг на друга, на социальные изменения*.

¹ См.: Дружинин В. Н. Экспериментальная психология.— 2-е изд., доп.— СПб.: Питер, 2001.— 320с.: ил.— (Сер. «Учебник нового века»).

В исследовании представлены результаты рефлексивных представлений студентов, полученные на основе четырех шкал культурно-ценностного дифференциала: ориентация на группу; открытость к переменам; ориентация на взаимодействие; законопослушность.

Объектом кросс-культурного исследования стали коллективные рефлексивные представления о культуре России, Индии и США, полученные при опросе 180 студентов, в равной степени представленных по половому и этническому признаку. В России испытуемыми были студенты Курганского госуниверситета, в Индии — студенты штата Пенджаб (сельскохозяйственного университета города Людхиана и Пенджабского университета города Чандigarх), а в США — студенты университета Миннесота Дюлуз¹.

Коллективные представления студентов изучались с трех позиций субъектов представления и на трех уровнях рефлексии (0, 1, 2). Выделение позиций и уровней рефлексивного представления продиктовано сложностью рефлексивного процесса социального отражения.

Нулевой уровень коллективных представлений измерялся с первой позиции субъектов прямыми оценками особенностей своей культуры и особенностей других культур. На нулевом уровне рефлексии оценка культуры осуществляется с первой позиции — от субъекта к объекту (как я непосредственно представляю оцениваемые культуры).

Первый уровень рефлексивных представлений совпадает с автостереотипами и рефлексивными представлениями других культур о представителях своей культуры. Оценка культур на первом уровне рефлексии осуществляется со второй позиции субъекта, с позиции представителей одной культуры — мы оцениваем себя и других (мои представления о том, как НАШИ представляют свою и другие культуры).

Второй уровень рефлексивного представления — многократное отражение некоторых особенностей культуры с точки зрения

¹ См.: *Басимов М. М., Хромов А. Б., Дюби Б. (Индия), Моррисон Д. (США) Рефлексивные представления некоторых особенностей культуры России, Индии и США // Рефлексивные процессы и управление: Междунар. науч.-практ. междисциплинарный семинар. — 2005. — Т. 5. — №1. — С. 35—59.*

представителей другой культуры. На втором уровне рефлексивных представлений (уровень двойного рефлексивного представления) культуры оцениваются с третьей позиции субъекта, с позиции представителей других культур — как они оценивают нас (мы знаем, как другим представляются особенности нашей культуры и особенности других культур в НАШИХ оценках).

Все полученные параметры оценочных представлений (как прямые, так и рефлексивные) были сгруппированы в матрицы (всего 36 матриц: прямые оценки культур, рефлексивные оценки первого и второго уровней). Затем все матрицы в рамках единой задачи подверглись статистической обработке методом множественного сравнения¹ разнородных психологических характеристик и групп испытуемых, ими описываемых.

В нашем исследовании при сравнении множества прямых и рефлексивных оценок (пар «*оценка — параметр групповых ценностных ориентаций*») — 36 оценок по 4 параметрам и использовании метода множественного сравнения для всех упорядоченных пар «группа — параметр» максимальное и минимальное значения сравнительной весомости получились следующими: $VES/\max = 143$ и $VES/\min = -132$.

Выбирая из пар «оценка — параметр групповых ценностных ориентаций» пары, относящиеся к одному изучаемому параметру, получим распределение по уровням сравнительной весомости 36 оценок, относящихся к этому параметру. Эти 36 прямых и рефлексивных оценок разделим на три группы в зависимости от того, какая культура (русская (*R*), американская (*A*), индийская (*I*)) оценивается. В обозначении оценки *NXYZ* четыре позиции имеют следующий смысл: *N* — уровень рефлексии (0, 1, 2); *X* — кто оценивает (*R*, *A*, *I*); *Y* — кого оценивают (*R*, *A*, *I*); *Z* — с чьей точки зрения оценивают (*R*, *A*, *I*). В каждой группе (один столбец) имеем 12 оценок: по четыре оценки со стороны каждой из трех изучаемых культур: одна прямая оценка (обозначена по

¹ См.: *Басимов М. М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Моногр.— Москва—Воронеж, 2008.— 416 с.; *Басимов М. М.* Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики / Под ред. Т. Н. Савченко и Г. М. Головиной.— М.: Изд-во ИП РАН, 2005.— Вып. 3.— С. 128—157.

позиции *Z* символом «*») и три рефлексивные оценки с точки зрения каждой из трех культур. Заголовок *S/V* в таблице — это сравнительная весомость. Например, *0IR** — прямая оценка российской культуры индийцами, *2ARI* — рефлексивная оценка российской культуры американцами с позиции индийцев.

В результате решения задачи множественного сравнения одновременно для четырех параметров интервал сравнительных весомостей для параметра «Законопослушность» получился от (–130) до (+127).

Законопослушность (*respect law*)

США		Индия		Россия	
<i>NXYZ</i>	<i>S/V</i>	<i>NXYZ</i>	<i>S/V</i>	<i>NXYZ</i>	<i>S/V</i>
<i>2IAA</i>	127	<i>0RI*</i>	108	<i>2IRR</i>	93
<i>0IA*</i>	110	<i>2RII</i>	108	<i>2ARR</i>	33
<i>1IAI</i>	103	<i>1RIR</i>	107	<i>0IR*</i>	7
<i>2RAA</i>	65	<i>2RIA</i>	97	<i>0AR*</i>	–29
<i>0RA*</i>	56	<i>2AII</i>	40	<i>2IRA</i>	–37
<i>1RAR</i>	49	<i>0AI*</i>	22	<i>1ARA</i>	–39
<i>2IAR</i>	36	<i>1ALA</i>	1	<i>2RRI</i>	–46
<i>2RAI</i>	24	<i>0II*</i>	–11	<i>1IRI</i>	–57
<i>1AAA</i>	–56	<i>2IIR</i>	–20	<i>2ARI</i>	–65
<i>0AA*</i>	–76	<i>2IIA</i>	–27	<i>2RRA</i>	–83
<i>2AAI</i>	–80	<i>2AIR</i>	–39	<i>1RRR</i>	–92
<i>2AAR</i>	–107	<i>1III</i>	–48	<i>0RR*</i>	–130

Наибольшая сравнительная весомость параметра «Законопослушность» наблюдается у оценки индийцев американской культуры с точки зрения американцев (+127), а наименьшая сравнительная весомость (–130) — у прямой оценки россиянами своей культуры. Данный параметр оценивается наиболее несогласованно, и это касается каждой из трех рассматриваемых культур.

Оценки американской культуры изменяются от –107 до +127; оценки индийской культуры изменяются от –48 до +108, а оценки российской культуры — от –130 до +93. Таким образом, ана-

лизируя любую из трех культур, важно учитывать, кто оценивает эту культуру.

При оценке американской и индийской культуры наблюдается явная неоднозначность в отношении к закону. В американской культуре законопослушность явно недооценивают сами американцы (оценки от -107 до -56), при этом наблюдаются крайне низкие рефлексивные оценки американцев с позиции россиян (-107). Индийцы и россияне оценивают законопослушность в американской культуре хотя и в одном направлении с положительной сравнительной весомостью, но с разным размахом. Если россияне оценивают американскую культуру с разных позиций в достаточно узком интервале (от $+24$ до $+65$), то у представителей Индии этот интервал значительно шире (от $+36$ до $+127$). При этом и те, и другие считают, что именно американцы считают себя наиболее законопослушными рефлексивные оценки россиян и индийцев с позиции американцев наиболее высокие ($+65$ и $+127$ в соответствующих отрезках рефлексивных оценок). Та же закономерность наблюдается и при оценке американцами своей культуры — максимальная оценка получена с позиции американцев (-56).

Значительный, но меньший размах рефлексивных оценок наблюдается при оценке разными представителями индийской культуры. Наименьший разброс рефлексивных оценок имеем при оценке индийской культуры россиянами (от $+97$ до $+108$), которая связана, по-видимому, с мнением россиян о том, что индийскую культуру по параметру «законопослушность» воспринимают в мире одинаково и оценивают достаточно высоко. В то же время оценки американцев и индийцев значительно уступают оценкам россиян. При этом, если индийцы в своем интервале рефлексивных оценок (-48 до -11) предполагают, что их «законопослушность» россияне оценивают выше, чем другие, то в рефлексивных оценках американцев последовательность позиций, исходя из которых они дают рефлексивные оценки, противоположна. Они считают, что «законопослушность» наименее присуща индийской культуре с позиции россиян (-39), а наиболее свойственна — с позиции индийцев ($+40$).

При оценке российской культуры по параметру «законопослушность» наименьшие оценки — это оценки россиян

(от -130 до -46). Индийцы оценивают законопослушность россиян с наибольшим размахом (от -57 до $+93$). Оценки американцев изменяются в более узком интервале (от -65 до $+33$). При этом и американцы, и индийцы дают оценки одного направления: рефлексивные оценки с позиции россиян наибольшие ($+33$ и $+93$), а с позиции индийцев — наименьшие (-65 и -57). Направленность оценок российской культуры, данных россиянами, противоположна: рефлексивные оценки с позиции индийцев наибольшие (-46), а с позиции россиян — наименьшие (-92). При этом прямые оценки еще значительно меньше (-130).

Наибольший разброс рефлексивных оценок (150) наблюдается при оценке индийцами российской культуры, что связано, наверное, с мнением индийцев, что российскую культуру по параметру «законопослушность» все воспринимают крайне своеобразно.

Наименьший разброс рефлексивных оценок получен при оценке россиянами индийской культуры (11), что связано, по-видимому, с мнением россиян, что индийскую культуру по параметру «законопослушность» воспринимают в мире стереотипно.

Какими испытываемые трех этнических групп хотят казаться на уровне самооценок. Индусы достаточно низко оценивают свою законопослушность ($II^* = -11$). Такими же (в отличие от русских) их представляют и американцы ($AI^* = +22$). Максимальную оценку по этому параметру индийской культуры дают россияне ($RI^* = +108$). А индусы по параметру «законопослушность» максимальную оценку дают американцам ($IA^* = +110$). Хотя другие этносы оценивают американскую культуру по законопослушности значительно ниже: россияне ($RA^* = +56$) и, особенно, сами американцы ($AA^* = -76$). Российскую же культуру по этому параметру крайне негативно оценивают сами россияне (-130) — абсолютный минимум по шкале, хотя представители других стран дают ей достаточно усредненную оценку ($IR^* = +7$; $AR^* = -29$).

Какими испытываемые трех этнических групп хотят, чтобы их видели другие. Параметры рефлексивных представлений культур по законопослушности у российских и американских студентов с точки зрения других представителей своей культуры (первый уровень рефлексии) имеют статистические раз-

личия, хотя и сравнительно незначительные в общем спектре рефлексивных оценок: $AAA = -56$ $RRR = -92$. У индийцев же рефлексия первого уровня $III = -48$ — минимальный результат при оценке индийского этноса.

В Америке каждый американец считает, что другие граждане США более законопослушные, чем он сам (что показывают незначительные различия сравнительных весомостей прямой оценки и рефлексии первого уровня: $AA^* = -76$ меньше $AAA = -56$). Этот феномен объясняется характером индивидуалистической культуры, в которой культура навязывает нормы автостереотипных представлений: индивид отвечает в первую очередь за себя и считает, что другие имеют право поступать и думать иначе, чем он: «Я могу думать и выражать свое мнение иначе, чем мои соотечественники». Прямые оценки студентов своей правовой культуры и у американских, и у российских студентов ниже, чем их же рефлексивные оценки первого уровня ($RR^* = -130$ меньше $RRR = -92$). Хотя американцы и индийцы считают, что россияне должны достаточно высоко оценивать свою законопослушность ($IRR = +93$; $ARR = +33$) — максимальный результат при оценке российского этноса.

Рефлексивные представления российской молодежи о своей правовой культуре объективно отражают отношение молодых россиян к Закону и Власти. Низкий уровень правовой культуры молодых россиян так или иначе отражает их готовность совершать поступки, нарушающие правовые нормы. В то же время приписывание студентами России высоких рефлексивных оценок правовой культуре США ($RAR = +49$; $RAI = +24$; $RAA = +65$) — свидетельство о признании в качестве образца правового поведения культуры молодых американцев. Хотя сами американцы по всем рефлексивным оценкам также, как и россияне, низко оценивают свою правовую культуру ($AAA = -56$; $AAI = -80$; $AAR = -107$). Особенно низко, по их мнению, законопослушность американцев должны оценивать россияне (-107), что находится в полном диссонансе с оценками, данными россиянами. Можно также отметить, что в отличие от трех других рассматриваемых параметров только для законопослушности все три этноса по подавляющему большинству рефлексивных оценок наиболее низко оце-

нивают именно свою культуру.

Интерпретация результатов исследования по параметру «законопослушность» в более широком культурном аспекте.

Если, согласно данным нашего исследования, **низкий уровень правовой культуры россиян** адекватно осознается российской молодежью ($RR^* = -130$; $RRR = -92$) и такое состояние принимается, то можно прогнозировать, что большая часть и политических решений, законов, указов, принятых в России, может оказаться неэффективной. В то же время нельзя в этом винить только молодежь, так как ее правосознание — часть правовой культуры и особенность менталитета всего народа, истоки которого уходят в наследие вековых традиций. Для молодых россиян характерно восприятие государства если не как враждебного по отношению к ним, то, по крайней мере, как незаинтересованного партнера в их жизни. Власть в государстве молодыми воспринимается в форме патриархального правления, и первое лицо скорее выступает в роли «отца», чем в качестве официального главы государства. Молодые склонны считать, что такая власть может все и от нее во многом зависит благосостояние людей. Таков русский менталитет, при котором личность атрибутирует ответственность за проведение в стране демократических преобразований и улучшение жизни вообще властям, не признавая за гражданами какой-либо ответственности за состояние дел в обществе. Россия движется по пути формирования правового государства, и молодые люди это понимают. На уровне обыденного правового сознания у молодых еще существуют предубеждения и стереотипы, мешающие полному пониманию роли права в жизни демократического общества. В числе таких предубеждений — неуважение к Закону. Актуально представление: «Закон, что дышло, куда повернешь, туда и вышло». В правосознании молодых продолжают культивироваться элементы юридического нигилизма и анархизма, сочетающиеся с безграничной верой во всемогущество государства, особенно его главы. Достаточно спокойно студенты воспринимают тот факт, что большинство законов и указов президента не исполняется. Такое положение дел вызывает иронию, а не осуждение. В России нигилизм правосознания имеет, к сожалению, глубокие исторические корни. Еще А. И. Герцен отмечал, что «Русский, какого бы звания он ни был,

обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство». Большой вред развитию правовых начал в обществе нанесла пролетарская идеология, идея об отмирании государства и права при социализме. Низкая правовая культура — следствие и торжество пролетарской идеологии. Обыденный, массовый правовой нигилизм российской молодежи возникает также из-за того, что молодые люди видят, как установленные государством предписания и законы не соблюдаются. Молодежь понимает, в России правовой нигилизм существует в государственном масштабе. Его источником принято считать социалистическое прошлое и приписывать дефектам институтов социализации и в первую очередь семье. Молодежь — часть российского общества, она впитывает и транслирует все пороки старшего поколения. В представлениях молодых, власть главы государства — фактор обеспечения в стране порядка «твердой рукой», который, если захочет, может и не опираться на закон. В то же время, среди студентов еще существуют ориентации на справедливое разделение благ на основе уравнительности. В общественном сознании молодых еще распространено убеждение, что источник богатства — либо кража, либо несправедливое распределение. В молодежной среде существуют стереотипные представления об асоциальном поведении как о норме. Немалую роль в формировании правового сознания молодых россиян играет и гипертрофированное уважение к зарубежному правовому опыту, и неуважительное отношение ко всему отечественному. В правосознании молодых существует позитивное представление о жизни «у них» и негативное «у нас». Дефекты правосознания также возникают из-за массового незнания и непонимания закона, неуважительного отношения к нему в среде работников СМИ, тиражирующих свое мировоззрение в профессиональной деятельности.

В Индии, согласно рефлексивным представлениям молодых россиян ($RII = +108$; $RIR = +107$; $RIA = +97$), общество воспринимается как патриархальная традиционная общность, которая всецело определяет жизнь индивида, не видящего себя вне этой коллективной формы своего бытия, и потому должна быть, по их представлениям, устойчивой, неизменной. Власть в этой общности, в соответствии с культурными нормами, уважается.

На Востоке, в Индии, по мнению молодых россиян, очень уважаются традиционные ценности. Право в Индии развивается под воздействием религии и нравственности, а основными источниками являются религиозные положения индуизма. Россияне считают, что в Индии достаточно высокий уровень правосознания у населения, так как традиционно в России индусам приписывают богатую духовную жизнь, что является частью их общественного сознания. Уважение к Власти, к Закону заложено традиционной кастовой системой индийского общества.

Истоки законопослушности индийцев, возможно, идут из индийской истории и коллективистской культуры общества. Индия никогда не была единой ни с этнической, ни с политической точек зрения. На протяжении тысячелетия Индия была полем для варварских нашествий, почти тысячу лет ее поработали сменявшие друг друга иностранные завоеватели. Правовая культура индийцев формировалась на основе восприимчивого и всепрощающего индуистского миропредставления. Индуистская культура складывалась под влиянием следовавших друг за другом джайнизма, буддизма, позднее — вайшнавистского Бхакти, имевших «благочестие без границ», а еще позднее (в двадцатом веке) — ахимсы и концепции ненасилия. Овладение совершенством в ахимсе рассматривается как основа для культивирования дружелюбия, сочувствия, сострадания и терпимости. Даже война в представлении индийцев возможна только как война против внешнего завоевателя, что соответствует индуистской идеи о ненанесении вреда. Именно эти мировоззренческие и философские взгляды индуистов, закрепленные в индийской культуре, сформировали представление об Индии как о миролюбивом государстве.

Правовая культура в США в рефлексивном представлении российских студентов ($RAA = +65$; $RAR = +49$; $RAI = +24$) характеризуется высоким уровнем развития правосознания молодых американцев, наличием у них правовых знаний, умений и навыков пользоваться своими правами, подчинять свое поведение требованиям юридических норм. В США, по мнению молодых россиян, в сравнении с Россией более развитое законодательство. Уважение граждан к закону — основа правового государства, каким в представлении молодых россиян являются США. В сознании

россиян отношение граждан к законам, правоприменительным решениям государства, другим юридическим и гражданским феноменам является своеобразным практическим показателем высокого уровня правовой культуры американского общества. По мнению молодых россиян, государство США уделяет большое внимание формированию правовой культуры у всех граждан. Это мнение основывается на продукции культуры, которая доходит до россиян с помощью ТВ и других СМИ. В качестве примера студенты отмечают, как в американских кинофильмах формируется положительный образ защитника правопорядка: во многих кинокартинах герои — это полицейские, которым простые граждане полностью доверяют. Зрители отмечают, что когда на экране разворачивается криминальная сцена, то сразу слышится вой полицейской сирены. Существуют и другие штампы американского киноискусства, направленные на формирование уважительного отношения к закону и символам государственной власти. Молодые россияне также знают, что США первое государство, которое провозгласило целый пакет прав и свобод, формально рассчитанных на всех без исключения, равенство всех граждан перед законом. Современная правовая система США закрепляет свободу, справедливость и равенство в качестве всеобщих принципов, а государство рассматривается не как орган подавления, а как организация власти, призванная служить гражданам. Уважение Закона в обществе является основой процветания США.

Показывая уважение к правовому государству США, российские студенты высказывают серьезные претензии к внешней политике США, понимая, что эта политика направлена против других народов и напрямую затрагивает интересы России.

Законопослушность

Оценка индийской культуры

<i>I</i>	-48	-27	-20	-11	
	----------*				
	<i>I</i>	<i>A</i>	<i>R</i>	*	
<i>A</i>	-39		1	22	40
	----------*				
	<i>R</i>	<i>A</i>	*	<i>I</i>	
<i>R</i>					

Оценка американской культуры

<i>I</i>				36	103	110	127
				<i>R</i>	*	*	*
					<i>I</i>	*	<i>A</i>
<i>A</i>	-107	-80	-76	-56			
	----------*						
	<i>R</i>	<i>I</i>	*	<i>A</i>			
<i>R</i>				24	49	56	56
				----------*			
				<i>I</i>	<i>R</i>	*	<i>A</i>

Оценка российской культуры

<i>I</i>	-57	-37		-7			93
	----------*						*
	<i>I</i>	<i>A</i>		*			<i>R</i>
<i>A</i>	-65	-39	-29			-33	
	----------*						
	<i>I</i>	<i>A</i>	*			<i>R</i>	
<i>R</i>	-130	-92	-83	-46			
	----------*						
	*	<i>R</i>	<i>A</i>	<i>I</i>			

Таким образом, в исследовании на уровне прямых и рефлексивных оценок российских, индийских и американских студентов выявлены групповые представления, отражающие особенности правовой культуры трех стран по параметру «законопослушность». Возможно, что поверхностный уровень этих представлений сформирован информацией, которая поступает к молодежи через СМИ. Объем и полнота правовой информации в разных странах различный (например, преобладание американской кинопродукции на российском телевидении, однобокое или искаженное отображение российской действительности на американском телевидении, ограничения на показ зарубежных кинофильмов и телепередач в Индии), что и определяет полноту и адекватность представлений молодых людей о правовой культуре других стран.

В заключение отметим и практическую значимость предлагаемых методов исследования этносов. Зная особенности рефлексивных представлений, можно объяснить многие ошибки в политических прогнозах и оценках международных событий.

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РОССИИ И МИРЕ**

Раймалихон Нуриддинов

*д-р полит. наук, проф. каф. полит. наук и технологий
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

ЧТО ТАКОЕ НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

Основные ресурсы обеспечения национальной безопасности, помимо объективных преимуществ географического положения России и наличия стратегических ядерных вооружений, связаны с ее интеллектуальным богатством, достаточно высоким научно-техническим потенциалом, возможностями ее природы и недр, перспективами в области демографии и рядом других факторов.

Заявив о стремлении построить правовое демократическое государство, Россия столкнулась с необходимостью введения в понятие безопасности, помимо государства, двух других равноправных субъектов — личности и общества — и определения взаимосвязи, приоритетов каждого из них в политике обеспечения безопасности. Это было весьма трудно для страны, где интересы и безопасность отдельной личности на уровне политического сознания никогда не ценились слишком высоко, а человек всегда рассматривался как «рабочий материал истории», средство для защиты государственных интересов и реализации «великих» идей.

Вторая, не менее сложная, проблема — необходимость перехода от примитивного представления о внешней военной угрозе как единственном покушении на безопасность страны к осознанию множественности возможных вызовов безопасности в современном мире. Они охватывают экономическую, социальную, этнонациональную, экологическую и другие составляющие¹.

Все это потребовало от России разработки принципиально но-

¹ См.: *Современные международные отношения и мировая политика.* — М.: Просвещение, 2005. — С. 270.

вой концепции национальной безопасности и политики ее реализации. «Понятие “национальные интересы” относится не к отдельным нациям и народностям, а ко всей их совокупности, составляющей российское общество»¹. Именно такой смысл следует придавать слову «национальной» применительно к понятию национальной безопасности для России.

Кроме того, надо учитывать, что хотя концепция национальной безопасности наиболее известный документ, связанный с безопасностью как таковой, но она отнюдь не является единственным текстом подобного рода. В частности, С. Панарин рассматривает три подхода и три возможных концепции безопасности: *национальная безопасность* (англ. *national security*), *общая безопасность* (англ. *common security*) и *социетальная безопасность* (англ. *societal security*). При этом, по его мнению, в концепции национальной безопасности «наилучшим актором априори признается государство», ключевой угрозой — военная угроза извне, а основным средством противодействия ей — военная сила. В таких предположениях военная безопасность неизбежно становится главной доминантой концепции. Из этого следует, что приоритеты концепции национальной безопасности по степени важности могут распределяться в единственной последовательности — государство, общество, личность².

Понятие социетальной безопасности применяется для подчеркивания необходимости защиты от внешних угроз системы благ, накопленных уникальной социокультурной средой, достигнутого ею уровня комфорта, образа жизни общества. Угрозу социетальной безопасности могут представлять самые различные факторы — от неконтролируемого наплыва мигрантов до ухудшения экономических параметров среды обитания.

Первая «Концепция национальной безопасности Российской Федерации» была принята 17 декабря 1997 г. Этот документ остался почти незамеченным, ибо за ним не последовала разработка никаких других, на основе которых можно было бы говорить о целостной

1 *Современные* международные отношения и мировая политика.— М.: Просвещение, 2005.— С. 270.

2 См.: Там же.

политике национальной безопасности. Он был мало связан с «Посланием по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию» от 1996 г. Не случайно всего две недели спустя после принятия Концепции Президент России отправил документ на доработку. Пожалуй, здесь стоит обратить внимание на то, как определена суть самого акта: «Концепция национальной безопасности Российской Федерации — политический документ, отражающий совокупность официально принятых взглядов на цели и государственную стратегию в области обеспечения безопасности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз политического, экономического, социального, военного, техногенного, экологического, информационного и иного характера с учетом имеющихся ресурсов и возможностей»¹.

В этом определении важны три обстоятельства. 1) Приоритетность субъектов обеспечения безопасности: личность, общество, государство. 2) Среди угроз безопасности военная угроза занимает лишь четвертое место после угроз в политической, экономической и социальной сферах. 3) Упоминание об учете имеющихся ресурсов и возможностей².

Принятие целостного пакета документов в области национальной безопасности началось в России в 2000 г. Впервые они принимались именно в той логической последовательности, которая обсуждалась выше. В январе 2000 г. президент В. В. Путин подписал новую редакцию «Концепции национальной безопасности»³, в апреле — «Военную доктрину»⁴, в июне — «Концепцию внешней политики»⁵, в сентябре — «Доктрину информационной

1 Современные международные отношения и мировая политика.— М.: Просвещение, 2005.— С. 275—276.

2 См.: Внешняя политика и безопасность современной России (1991—1998). Хрестоматия: В 2 т. Документы.— М., 1999.— Т. 2.

3 См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 — № 324) // СЗ РФ.— 2000.— № 2.— Ст. 170.

4 См.: Военная доктрина Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706) // СЗ РФ.— 2000.— № 17.— Ст. 1852.

5 См.: Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газ.— 2000.— 22 апреля.

безопасности»¹. Принятие документов продолжилось в 2001—2002 г. «Морская доктрина РФ на период до 2020 года»² была одобрена в июле 2001 г., далее шли «Основы государственной политики РФ по военному строительству на период до 2010 года»³ (август 2001 г.), «Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу»⁴ (март 2002 г.).

В новой редакции Концепция национальной безопасности определена как «система взглядов на обеспечение в Российской Федерации безопасности личности, общества и государства во всех сферах жизнедеятельности. Под национальной безопасностью Российской Федерации понимается безопасность ее многонационального народа как носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации»⁵.

Все одобренные за эти два года документы дают достаточно поводов для критики. В каждом из них ясно просматривается «ведомственный акцент», есть прямые нестыковки и противоречия. Так, право России применить первой ядерное оружие закреплено и в Концепции национальной безопасности, и в военной доктрине, но сформулировано оно совершенно по-разному. Если Концепция исходит из права России на «применение всех имеющихся в ее распоряжении сил и средств, включая ядерное оружие, в случае отражения вооруженной агрессии, если все другие меры разрешения кризисной ситуации исчерпаны или оказались неэффективными»⁶, то в Военной доктрине говорится следующее: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массово-

1 См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президентом РФ 9 сентября 2000 г. № 1895) // Рос. газ.— 2000.— 12 сент.

2 См.: Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года (утв. Указом Президентом РФ 27 июля 2001 г. № 1387) // Там же.— 2001.— 2 авг.

3 См.: Основы государственной политики РФ по военному строительству на период до 2010 года. Там же.— 2001.— 24 авг.

4 См.: Основы политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу.

5 См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации .

6 См.: Там же.

го уничтожения, а также в ответ на крупномасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических для национальной безопасности Российской Федерации ситуациях»¹.

Как видно, ни одно из этих определений не позволяет судить о том, когда «исчерпаны все меры разрешения кризисной ситуации», либо о том, какую ситуацию следует считать «критической для национальной безопасности» страны. Однако детальный анализ актов, принятых в 2000—2002 гг., вряд ли целесообразен, поскольку многие их положения уже не соответствуют современным политическим реалиям. Не случайно в ноябре 2002 г. президент В. В. Путин заявил о необходимости внесения корректив в политику национальной безопасности, а тогдашний министр обороны С. Б. Иванов уточнил, что речь идет о принятии новой редакции Концепции национальной безопасности.

2001—2002 гг. оказались периодом тектонических сдвигов в международной ситуации, глубокой переоценки характера и источников угроз национальной и международной безопасности. Несмотря на то, что в Концепции национальной безопасности 2000 г. НАТО упоминается только дважды, а терроризм 17 раз, все же этот документ принимался в период, когда альянс, расширяющийся на Восток, считался у нас гораздо более серьезной угрозой безопасности. «Парадокс иррелевантности» этой Концепции состоит еще и в том, что, по меньшей мере, три процесса, отнесенные в ней к числу наиболее серьезных угроз национальной безопасности России, реализовались. Блок НАТО расширился на Восток, иностранные войска размещены вблизи границ России (причем там, где их появление вообще не мыслилось — в Средней Азии), наконец, интеграционные процессы в СНГ скорее слабеют, чем укрепляются. Сюда можно добавить выход США из Договора по ПРО 1972 г. и др. Все это формально дает основания утверждать, что результаты проведения политики национальной безопасности России за эти два года были неудовлетворительными. На деле же международное положение России укрепилось, а ее роль и значение в мировой политике неожиданно для многих существенно возросли. Так что необходимость корректировки Концепции оче-

¹ См.: Военная доктрина Российской Федерации.

видна. Однако прежде, чем ее производить, стоит оценить, насколько серьезны изменения в характере угроз национальной и международной безопасности¹.

Российский политолог А. И. Уткин еще в ноябре 2000 г. в работе «Геоструктура XXI века» отметил: «Пять мощных сил ведут мировое сообщество к новому состоянию. Первая — фиксация однополярности, вторая — глобализация мировой экономики, третья — ослабление государств-наций, четвертая — поиски цивилизационной идентичности, пятая сила — восстание бедного большинства мирового сообщества. Речь идет о воздействии на мир пяти неистребимых факторов — мощи, богатство, хаоса, идентичности, справедливости. Результатом будет новая конфигурация миропорядка, новая геополитическая, экономическая, цивилизационная картина мира»². И России предстоит ответить на новые вызовы.

¹ См.: Современные международные отношения и мировая политика.— С. 277—278.

² Там же.— С. 278.

Татьяна Гребенюк

аспирант каф. политологии философского факультета

Томского государственного университета,

Томский государственный университет

Томск, Россия

ПАТРИОТИЗМ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ИТОГИ РАБОТЫ ПУТИНА

Патриотизм, будучи объектом политического дискурса, т. е. отражения социокультурной реальности, во все времена выступал в форме идеологии, обеспечивающей особые способы организации политического действия и служащей мощным инструментом социальной мобилизации для достижения политических целей. Именно поэтому патриотизм в наши дни приобрел в России статус национальной идеологии, используемой всеми без исключения участниками политического процесса, каждый из которых претендует на аутентичность своего национально-патриотического дискурса.

Современный патриотический дискурс сконструирован из патриотических риторик прошлых периодов его развития. С помощью них Советское государство пыталось максимально задействовать потенциал Родины. Советская власть, с одной стороны, «строила» наднациональное сообщество (ссылаясь на К. Маркса и Ф. Энгельса в том, что «исчезнет национальная обособленность и противоположность народов, в которых “рабочие” не имеют отечества»¹), с другой стороны, национальное сообщество («воспевала» «большую Родину» — СССР), и, наконец, этнонациональное сообщество (т. е. «делила» пространство страны на «малые родины» и народы их населяющие не только по территориальному, но и, в основном, по этническому признаку).

Кажущееся на первый взгляд непротиворечие такой политики

¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Изд-е 2-е. Т. 4. — С. 444.

(суверенитет «малой родины», «малая родина» как основа любви к «большой Родине», и вхождение больших Родин/республик в Союз социалистически настроенных государств) на самом деле оказалось одной из причин неустойчивости советской системы. Владимир Малахов отметил это противоречие, назвав его «парадоксом “национальной политики” советского режима»: «будучи ориентирована на формирование сверхнационального сообщества, эта политика культивировала и спонсировала (этно) нации. Свою задачу — слияние советских наций в новой исторической общности — коммунисты решали средствами, которые вели как раз к кристаллизации тех составных частей, от которых ожидалось растворение в будущей общности»¹.

У советского человека в системе патриотических ценностей должны были уживаться, как минимум, четыре схемы самоидентификации: принадлежность к «исторической родине» (ведь в паспорте фиксировалась национальность); к «малой родине» (город, деревня); к одной из республик и, наконец, к СССР. Конкуренция этих идентификаций обострилась в период распада страны. Пока руководители республик «расставались», «взяв себе по кусочку Империи», простые граждане пытались самоопределиваться в новых национальных пространствах. Хуже всего, надо признать, это получилось в России в силу ее обширности и национального многообразия.

В постсоветское десятилетие патриотизм ставился под сомнение и наделялся отрицательными смыслами во многом из-за того, что «контрольным пакетом акций» на патриотический дискурс обладали коммунисты и близкие к ним многочисленные национал-патриотические движения. Патриотизм в переходное время превратился в предмет политических спекуляций и политической борьбы. Каждая политическая партия устами своих лидеров стремилась «доказать, что именно ее образ общества, его прошлого, настоящего и будущего, ее понимание патриотизма соответствует “истинной” любви к родине, в то время как другие политические партии, имеющие другой образ общества, его прошлого, настоя-

¹ Малахов В. «Национальная политика» как феномен политической речи // Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. — М.: Новое литературное обозрение, 2007. — С. 47.

щего и будущего, по сути — носители “ложной” любви к родине»¹. Проблема интерпретации сущности патриотизма становилась предметом постоянной политической борьбы.

С приходом к власти Путина была проделана большая работа по «возврату производства» первичного патриотического дискурса в ведение государства. Сегодня патриотизм во всех его проявлениях и значениях можно рассматривать как основную черту современной политики, проводимой государством во главе с Путиным и вслед за ним всеми политическими институциями. При нем с подачи ВПП «Единая Россия» были приняты две государственные программы патриотического воспитания (с 2002 по 2005 и с 2006 по 2010 гг.). Итогом работы Путина стало то, что патриотизм сегодня занимает одну из ведущих позиций в списке жизненных ценностей россиян. По опросу ВЦИОМ², 83 % россиян считают себя патриотами своей страны. Интересно, что патриотизм — это единственная ценность общественно-политического характера, разделяемая подавляющим большинством наших соотечественников. В рейтинге жизненных приоритетов патриотизм занимает четвертое место — выше него только семья, дети, дом.

Поскольку рейтинг Путина высок, очевидно, что в процессе декабрьской предвыборной агитации в 2007 г. патриотизм стал козырной картой, которую разыгрывали идеологи всех современных политических партий. Тема патриотизма стала «общим местом» в речах и ключевых текстах политиков, желающих склонить на свою сторону непридирчивого к словам избирателя, для которого понятно, что Путин, а значит, и Россия взяли курс на патриотизм. Эта мысль подтвердилась после рассмотрения патриотических риторик во всех предвыборных программах партий, принимающих участие в парламентских выборах. Вся борьба велась на патриотическом поле, границы которого были заданы ежегодными рамочными выступлениями Президента РФ

1 Коробанов В. А. Патриотическое воспитание молодежи в условиях политической трансформации российского общества: Дис... канд. полит. наук: 23.00.02.— М., РГБ. 2005.— С. 7.

2 См.: *Патриотизм истинный и мнимый* // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 591 от 05.12.2006 г. [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3680.html>

перед членами Совета Федерации, так называемым «Планом Путина», монополию на который объявила ВПП «Единая Россия». Поэтому риторика «Единой России» задавала тон разговоров о патриотизме всем остальным политическим партиям. В этих обстоятельствах сводились к минимуму возможности спорить с партией власти и конкурировать между собой в национально-патриотическом дискурсивном поле.

Для того чтобы создать видимость такой конкуренции, понятия «национализма» и «патриотизма» были разнесены по разным осям координат, и тем самым искусственно было создано поле для национально-патриотических дискуссий, где и осуществлялась фиктивная борьба политических сил. Такой ход стал возможным потому, что «патриотизм и национализм — не сущности, чья природа установлена раз и навсегда, они представляют собой чрезвычайно гибкий политический язык, способ выражения политических аргументов при помощи апелляции к родине (*patria*), отечеству (*fatherland*), стране, нации»¹. Эти идеологии зачастую являются двумя сторонами одной медали. По образному выражению Виктора Воронкова и Оксаны Карпенко, патриотизм и национализм сегодня — это «двуликий Янус»² с положительными коннотациями первого и противодействием последнему: сегодня «параллельно с превращением “патриотизма” в острую общественную потребность, происходит проблематизация “национализма”: он все активнее выводится за рамки нормального, оказываясь в перечне угроз, с которыми необходимо бороться»³. Авторы пишут, что в западной академической традиции «патриотизм» и «национализм» являются синонимами, а «национализм» означает просто патриотизм по отношению к своей стране.

1 Брубейкер Р. Именем нации: размышления о национализме и патриотизме // *Ab Imperio*. — 2006. — № 2. — С. 71.

2 Из лекции В. Воронкова «Двуликий Янус: патриотизм и национализм», читаемой в Центре социологических независимых исследований в Санкт-Петербурге 21.10.2007 г. перед слушателями спецкурса «Национализм как политическая идеология».

3 Воронков В., Карпенко О. Патриотизм как национализм (пост) советского человека // *Современные интерпретации русского национализма*. Под ред. Марлен Ларюэль. — Stuttgart: ibidem-Verlag, 2007. — С. 83.

В то же время у нас наравне с запретом на национализм в «предвыборном меню» единороссов с прошлого года активно раскручивался «Русский проект» Ивана Демидова, созданный с целью «перетянуть одеяло» национал-патриотического дискурса на свою сторону. В итоге Демидов занял пост начальника управления по идеологической работе в «Единой России», что означает, по мнению политолога Станислава Белковского, «конец патриотических проектов власти», поскольку «они вредят создаваемому либеральному имиджу будущего президента»¹. Действительно, просмотрев все основные предвыборные речи Медведева, автор настоящей статьи нашла всего два нейтральных упоминания Родины («Свой дом и земля — это капитал для каждого гражданина, это его маленькая родина»², «Без шуток говорю: есть профессии, которые лучше изучать на родине»³), в то время как в «Плане Путина» во всех текстах содержится ее имя, а в трех из них (в 2004, 2005 и 2007 г.) Родина является заключительным (а значит, наиболее весомым) словом.

В сегодняшнем политическом мире «разыгрывание патриотической карты» производится регулярно, ненавязчиво, «банально». Майкл Биллинг, автор идеи «банального национализма», полагает, что практика повседневного напоминания нам о родине разворачивается дискурсивно: «банальный национализм оперирует прозаичными, обыденными словами, благодаря которым нации начинают казаться сами собой разумеющимися. Короткие слова, а не громкие и пафосные фразы постоянно, но редко осознанно, напоминают о родине, не позволяя забыть о “нашей” национальной идентичности»⁴. Таким образом, национализм и патрио-

1 *Ъ-Таратута Ю.* Ведущий вместе. Молодежного вожака назначили идеологом «Единой России» [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=855759&print=true>

2 *Медведев Д. А.* Выступление на V Красноярском экономическом форуме «Россия 2008—2020. Управление ростом». 15 февраля 2008 г. Красноярск [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.medvedev2008.ru/performance_2008_02_15.htm

3 *Ванденко А.* В проекте. Интервью с Дмитрием Медведевым [Электронный ресурс] — Режим доступа: — http://www.itogi.ru/paper2007.nsf/Article/Itogi_2007_04_15_01_4813.html

4 *Биллинг М.* Повседневное напоминание о Родине // Логос.— 2007.— №1.— С. 34.

тизм оказываются «вплетены» в ткань повседневности и, согласно удачной метафоре Биллинга, «вывешиваются» перед нами подобно флагу не только в предвыборный период, но и постоянно, в каждодневной практике. Об этом же напомнил Путин членам Совета Федерации в своем Послании 2003 г.: «Очевидно, что активное общение с людьми не может и не должно ограничиваться рамками предвыборных дебатов и сроками избирательных кампаний. Только повседневная связь государства и общества, которую могут и должны обеспечивать крупные партии, способна уберечь власть от совершения серьезных политических ошибок»¹.

Каков же результат проделанной Путиным такой повседневной идеологической работы? Ответ на этот вопрос можно найти у будущих избирателей, начавших неосознанно впитывать современную патриотическую пропаганду с 10 лет. Школьники — это благодатная среда для патриотической индоктринации, а школьные сочинения есть отражение результата работы идеологов по конструированию современного образа Родины. В Томской области в феврале 2008 года проводился конкурс школьных сочинений «Мой президент моей страны», приуроченный к выборам Президента России². Более 250 старшеклассников со всего региона представили на суд жюри свои размышления о Родине и роли главы государства в жизни каждого его гражданина³. Само название конструировало взаимосвязь «Президент → государство → страна → Родина». «Слово “президент” воплощает власть, а местоимение “мой”... указывает на личную причастность человека к судьбе власти и страны», — пишет Елизавета Мелик-Гайказян из 10 класса Сибирского лицея,

1 Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 года. — [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>

2 Участники томского конкурса школьных сочинений готовятся к награждению // Пресс-служба Томского РО ВПП «Единая Россия». 12.03.2008. — [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?rid=1870&id=128774>

3 В настоящей статье использованы тексты школьников и рабочие материалы, предоставленные И. А. Бычковым, главным специалистом отдела агитационно-пропагандистской работы Исполкома ТРО ВПП «Единая Россия», выступающим менеджером этого проекта. Выражаю благодарность Ивану Анатольевичу за возможность проведения научного анализа этих материалов.

ставшая победителем среди учащихся г. Томска. Образ Президента сакрализируется посредством образа Родины: «Есть такая профессия родиной управлять... Нет, слова «профессия» и «президент» совсем не сочетаются. Стоять у штурвала страны — это, скорее, призвание... это талант» (Анастасия Деева, 9 класс Парабельской школы, лауреат конкурса в номинации «Гражданская позиция»). Анализ школьных сочинений помогает нам увидеть многие мифы, которыми в последнее время оказался перегружен современный патриотический дискурс: «Конечно, президент не сможет со всем справиться в одиночку, если народ не будет соблюдать законы, защищать свою Родину и любить ее. Мы должны помнить, что наше будущее ничем не гарантировано и что только совместные усилия помогут нам преодолеть ситуацию, которая может привести Россию к гибели... И если не возрождать патриотизм, если не воспитывать наших детей на любви к своей родине, если не давать молодежи знания о нашей истории, культуре, жизненном укладе, то мы можем потерять и народ, и государство» (Альбина Дзень, 10 класс Малиновской школы Кривошеинского района, лауреат конкурса в номинации «Творческий подход»).

Владимир Рабинович
канд. истор. наук, зав. каф. рекламы
Иркутского государственного университета
Иркутск, Россия

НАЦИОНАЛИЗМ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕГАПОЛИСА

Этнические знаки не только присутствуют в пространстве современного мегаполиса, но и стали его неотъемлемой частью. И дело не только в его космополитичности, выражающейся в пестроте лиц, говорков, повседневных практик. Современный город — идеальная среда обитания для свободных эгоистов, охотно манифестирующих свою чуждость, необычность, непохожесть на «нормального» горожанина. Инаковость становится эталоном городской нормальности, как бы странно не звучал этот тезис.

Этничность, представленная в пространстве мегаполиса, является важной составляющей повседневной жизни обывателя. В Санкт-Петербурге, городе изначально космополитичном, этническое многообразие становится еще и ресурсом развития. «Культурная столица России» сегодня активно презентуется как фасад, витрина государства, а то и просто как «дача Путина». В этом случае толерантность не просто игра, а часть государственной презентации. Но именно Санкт-Петербург становится местом самых откровенных ксенофобских акций, преступлений на этнической почве, непозволительно либеральных судов над фашиствующими молодчиками. Что это — парадокс или какая-то закономерность? Где и когда этническое многообразие становится основой для возникновения национализма?

Очевидно, что просто присутствие в пространстве обитателя мегаполиса иноэтничных или инокультурных объектов еще не является достаточным основанием для возникновения националистических идеологий. Глупо искать национализм в названи-

ях улиц (например, Английской набережной) или модных причесок, хотя при взгляде на африканские дредды невольно вспоминается происхождение прически.

По мнению автора, важным условием национализма является не просто этническое присутствие или межэтническое взаимодействие. Общение с «другим» является составной частью существования «политического животного», как охарактеризовал человека Аристотель. Национализм (или, по крайней мере, намеки на его присутствие) возникает тогда, когда разные «этничности» начинают сравниваться и оцениваться. Подобная нагруженность уже является основой для появления иерархии народов и культур, а подкрепленная политической или медийной энергетикой легко превращается в националистическую идеологию.

Отметим, что всякая этническая культура предельно эгоцентрична. Мы оцениваем «других», взирая на них через призму родной, предельно понятной и безопасной и, уж конечно, точно истинной ценностной системы. И чем банальнее нам кажется та или иная повседневная практика, чем более аксиоматичным является тот или иной культурный стереотип, тем более разительными будут нам казаться малейшие инокультурные отступления от идеала.

Создавая иерархию этнических культур, мы невольно, а может быть и сознательно, делим мир на близких и дальних «чужих» (Ю. Лотман). С одними мы готовы сотрудничать, договариваться, мы готовы у них учиться и т. п. Других мы рассматриваем как конкурентов и врагов со всеми вытекающими последствиями.

Инаковость и чуждость сегодня в моде, что проявляется и в коммерческих стратегиях предпринимателей. Отчасти обращение коммерсантов к этническому сегментированию своей аудитории тоже является свидетельством того, что инаковость «работает», позволяет привлечь внимание горожанина.

Словарь по общественным наукам «Глоссарий.ru» трактует термин следующим образом: «Мода — нравы или предпочтения в отношении одежды, предметов быта, искусства:

- преобладающие в определенной среде;
- сохраняющиеся в течение короткого времени;

— получающие широкое распространение в обществе.

В своем развитии мода проходит четыре этапа:

1. Этап яркой индивидуальности, когда отдельные потребители (лидеры) начинают интересоваться новинкой;
2. Этап подражания, когда новинкой начинают интересоваться и другие потребители, движимые желанием подражать лидерам;
3. Этап массового распространения;
4. Этап упадка, когда потребители начинают переключаться на другие направления моды».

Таким образом, для нас важным является определить, насколько сиюминутна востребованность этничности в современной городской среде. Если это временное явление, то его изучение вряд ли стоит проводить серьезно. В то же время опыт говорит о долговременном присутствии в нашей жизни националистических маркеров, способных быть в любое время мобилизованными любой политической силой.

С этой точки зрения большее значение приобретает исследование возможных националистических векторов в пространстве современного мегаполиса. Отметим, что отдельные исследования этой проблематики проводятся. В частности, есть серьезные научные работы о граффити, политической рекламе, да и рекламе вообще и т. п. Однако особенностью данных исследований является их сосредоточенность на локальной проблематике, что не позволяет говорить о масштабах явления, его динамике, системности. Назрела необходимость проведения комплексного междисциплинарного исследования, которое позволит оценить реальность проблемы, ее возможные социальные эффекты.

Пилотное исследование проблематики, проведенное в Санкт-Петербурге 21—29 октября 2007 г., позволило выявить следующие возможные исследовательские направления:

Вывески, штандарты, объявления и другие подобные элементы городского пространства.

Важно не только их присутствие в городском пространстве,

но и то, что они нередко сопровождаются этнической символикой, дают представление о национальном ценностном ряде, имеют определенную коннотацию. Примером такого дискурса, имеющим разную эмоциональную окрашенность для представителей разных этносов, могут быть названия сети кафе «Япошка» или канцелярского магазина «Канцелярская Мекка». Особым массивом исследовательских источников являются объявления, информационные сообщения и т. д. Уже появились работы, исследующие феномен языка вражды. Стоит обратить внимание на так называемые антитеррористические листовки и плакаты. Размещаемые во всех публичных местах, особенно в детских учреждениях и школах, они наглядно дают представление о дальних «чужих», рекомендуя, в частности, запоминать акцент террориста.

Граффити, уличная графика.

Сегодня эта практика все больше легализуется, что позволяет говорить о попытке властей использовать подобные практики как инструмент воздействия на молодежь или как средство политической пропаганды. Уже говорилось о том, что граффити — не просто попытка манифестировать определенные идеологические воззрения, но и серьезный инструмент идеологической борьбы, о чем свидетельствует ожесточенная война, развернувшаяся на стенах российских городов между так называемыми «скинами» и «антифой». Важно и то, что националистическая риторика используется обеими силами широко, открыто, является прямым средством воздействия на аудиторию.

Реклама.

Ее присутствие в городском пространстве безгранично. Сегодня все чаще говорится о воспитательном и социализирующем воздействии рекламных сообщений в первую очередь на молодежь, детей и некоторые другие социальные категории. Реклама агрессивна, универсальна, вездесуща. Эти сообщения обычно имеют яркую, запоминающуюся форму, что делает их эффективным инструментом манипуляции общественным сознанием.

Благодаря рекламе потребитель получает представление об образцах социально приветствуемых или неприветсуемых поступков, что имеет прямое отношение к существующей в обще-

стве ценностной системе. С другой стороны, в рекламе присутствуют инокультурные визуальные образы и символы. Простой анализ рекламных сообщений показывает, что лица, имеющие ярко выраженные иноэтнические черты, появляются в рекламе:

— когда речь идет о товаре или услуге, имеющей четкую и прочную привязку к конкретному этносу или государству. Так, японские товары четко ассоциируются с высоким качеством и надежностью. Тем более, что японские этнические маркеры воспринимаются большинством горожан позитивно. Не составляет труда привести множество примеров, рекламных сообщений в которых товары из Японии будут иллюстрироваться образами сумоистов, гейш, самураев и т. д.;

— когда речь идет о товаре или услуге, ассоциирующейся с современным образом жизни, движением, динамичностью и т. д. Особое место в этом ряду занимает, например, реклама компании «Бенеттон», использующая яркие запоминающиеся образы. Разумеется, в первую очередь подобная реклама обращается к молодежи;

— когда мы имеем дело с социальной рекламой. Этот вид рекламных сообщений изначально обращается к проблематике, значимой для всего социума в целом. В таких рекламных сообщениях националистический дискурс представлен достаточно широко.

Особняком в этом ряду стоит политическая реклама. Изначально связанная с идеологическим противостоянием, активным воздействием на обывателя, она становится естественной ареной для столкновения националистических позиций. Знаменитый лозунг ЛДПР: «Мы за бедных, мы за русских!» — яркое тому подтверждение. В политической рекламе образы родины, России, русского, а также родственные понятия «патриотизм», «национализм», «интернационализм» используются широко. Заметим, что с февраля текущего года партия «Единая Россия» запустила «Русский проект». Один из его руководителей, член президиума Генсовета «Единой России» Андрей Исаев (он является одним из ключевых авторов новой программы партии), сделал ряд программных заявлений о том, какие меры необходимо принять для повышения национального самосознания. «До недавнего времени

русский вопрос был монополизирован экстремистскими организациями. Теперь все в наших руках, и мы должны самосохранить нацию. “Единая Россия” ставит перед собой цель возродить Россию как великую державу, но без русского народа это невозможно». Лидер «Русского проекта» Иван Демидов в свою очередь заявил, что партия начинает «битву за слова “национализм”, “нация”, “русские”».

Популярная художественная литература.

Интересен анализ популярной художественной литературы. Она ориентирована на массового читателя, и основным критерием ее оценки является коммерческий успех. Ее потребитель не готов обсуждать серьезные проблемы. Он читает для отдыха, поэтому предлагаемые сюжеты должны быть просты, понятны и изначально приемлемы для мировосприятия обывателя. Отсюда становятся понятными масштабы присутствия националистического фарша, который можно встретить в современной художественной литературе, в том числе и той, которую принято относить к хорошей, качественной.

Этнические образы стали естественным содержанием детективной литературы и жанровых боевиков. Здесь используются прямые, легко читаемые символические образы фанатиков, террористов, этнических преступников и прочих врагов. Оппозиция «свой» — «чужой» представлена ярко и полностью соответствует стереотипному восприятию обывателя.

Иное дело фэнтези. Ряд сюжетов достойны внимания:

— Сюжет о том, что в нашем мире живут представители «иных»: детские «Артур и минипуты» Л. Бессона, «Дозоры» А. Лукьяненко, «Гарри Поттер» Дж. Роулинг и др. Все эти книги популярны, и на их страницах достаточно много места отведено рассуждениям о том, как живет «иным» в мире людей.

— Сюжет о переносе современного человека в другой мир. Главный герой в новом мире обычно становится Героем — спасителем со всеми вытекающими последствиями. Интересен для анализа цикл А. Белянина «Участковый царя Гороха» с полным набором этнических стереотипов. Например, участковый встречает в славянском раю добиблейской Руси портного и гробовщика Шмулинсона.

— Славянское фэнтези. Ярким представителем является цикл «Ведун», в котором Иисус Христос называется лживым богом, чей приход на Русь извратил естественный ход истории, сломав языческий хребет национальной идентичности.

Компьютерные игры.

Тот же откровенный враг, которого нужно убить как можно быстрее, интересные тексты автора и героев, привлекающий внимание фон игры (сюжет, реплики, надписи на стенах и т. п.) — вот лишь малый перечень интересных направлений для исследования.

Мультфильмы.

Современная популярная мультипликация представляет собой большой исследовательский массив. Интересно сравнить иноэтнические образы в таких мультфильмах, как «Илья Муромец и Змей Горыныч» и «Князь Владимир». К слову, последний мультфильм является ярко выраженным националистическим манифестом.

Разумеется, представленный список является лишь небольшим перечнем возможных векторов националистического поля. Очевидно, что данная проблематика ставит перед исследователем задачу определить границы понятия «русский». Этот безусловно идеологизированный термин сегодня трактуется чрезвычайно широко. Так, «Русское радио», передающее только русскоязычные песни, трактует свое название с языковых позиций в первую очередь. Но что имели в виду руководители петербургской фирмы «Русское такси»? Следует ли пассажирам предъявлять паспорт, пользуясь услугами фирмы, или избегать употребления иностранных слов и выражений? Не менее интересна интерпретация термина «Русский проект», который очевидно уже приблизился к финалу своей реализации.

И если уж мы заговорили о «русском вопросе», неплохо было бы определиться, в чем конкретно он состоит. Деконструирование термина будет безусловно полезным для общества. В противном случае мы погрязнем во взвешивании своих и чужих обид, трагедий, взаимных претензий и разбудим «спящие национализмы» современного мегаполиса.

Леонид Савинов

*пом. ректора по связям с общественностью,
канд. полит. наук, доц. каф. социологии и социального управления
Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

РОССИЯНИН И РУССКИЙ: ДИСКУРСЫ И КОНСТРУКТЫ

Одной из наиболее актуальных политических проектов современной России является формирование гражданской нации в условиях многосоставного и полиэтничного общества.

В силу этого предметом исследования выбрана проблема общественно-политического и социокультурного содержания категорий «россиянин» и «русский» в их взаимообусловленности.

Речь прежде всего идет о сущностном анализе дискурса по наиболее острой на сегодняшний день проблеме гражданской идентификации россиян как политической нации, а также этнокультурной и политической самоидентификации государствообразующей этнической группы — русских.

* * *

Сегодня как никогда в российском обществе высок градус дискуссий о так называемом «русском вопросе», с одной стороны, и национальной (общегражданской) идее, с другой. Фактически речь идет о проблеме формирования политической нации — россиян в условиях многосоставного общества с доминирующей этнической группой — русскими. Поэтому не только лидеры общественного мнения и СМИ приватизировали это проблемное поле, но и многие политические и околополитические силы.

Пример первый — партийно-идеологический. 3 февраля 2007 г. в Центре социально-консервативной политики прошел круглый стол на тему «Формирование российской нации». Депу-

таты Государственной Думы, известные журналисты, эксперты по этнонациональным проблемам, ученые-культурологи и представители общественности обсуждали тему, которая сегодня все чаще попадает в центр общественной дискуссии¹.

Что такое «русскость» сегодня, как она соотносится с российской государственностью, как развивается пространство русского языка и культуры, как обеспечить их развитие в глобальном масштабе, соотношение «русскости» и православия — те темы, которые, по мнению участников дискуссии, часто становились «коньками» различных околополитических неконструктивных сил, которые часто пытаются получить популярность на назревших вопросах русского национального (в смысле этнокультурного) бытия.

«Сегодня все более актуальным становится проектное мышление», — сказал один из инициаторов проекта Иван Демидов, советник Политического Департамента ЦИК ВПП «Единая Россия», — «и сегодня мы начинаем “битву за слово”, т. е. за честное и откровенное обсуждение русской проблематики». Он сформулировал в предварительном виде «10 русских вопросов», среди которых: «Россия для русских?», «Что такое русская нация?», «Русский мир. Территория и границы», «Сохранение национальной идентичности в условиях глобализации», «Русские и православие», «Существование религий в России — перспективы», «Русский мир и постсоветское пространство».

Отметив, что первый вопрос, по сути, главный, Иван Демидов озвучил данные опроса ВЦИОМ, согласно которым большинство граждан «готовы поддержать эту идею при условии, что под русскими подразумеваются все граждане России». «Это — стабильный ответ, т. е. все здравые люди никогда не вносят в это понятие ничего ни этнического, ни расового, ни националистического».

Пример второй — церковно-мировоззренческий. 6 марта 2007 г. в рамках XI Всемирного Русского Народного Собора, посвященного теме «Богатство и бедность: исторические вызовы России», прошло открытое заседание секции «Православие —

¹ См.: «Единая Россия» открывает «русский проект» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.edinros.ru/news.html?id=118052>

стержень совместного бытия народов России и восточных славян. Взаимодействие религий и этносов — условие существования и процветания русской цивилизации»¹.

Во вступительном слове протоиерей Всеволод Чаплин отметил, что заявленная проблематика включает сразу несколько блоков вопросов. Среди них — отношения православных христиан с нехристианскими религиями и неславянскими этносами в созидании жизни русской цивилизации, включая темы религиозных меньшинств, миграции, межрелигиозной полемики, которую нельзя исключать из общественного пространства.

Профессор А. Ципко в свою очередь обратил внимание на социально-политический аспект единства православного мира: «Если не будет существовать национальное самосознание, чувство принадлежности к русской православной цивилизации, наша страна распадется».

Руководитель отдела науки и связей с правительственными организациями Духовного управления мусульман европейской России Ф. Асадуллин, говоря об особенностях российского общества, процитировал слова русского философа И. Ильина: «Сколько народов Россия приняла, столько и сохранила». «Из более чем двухсот народов на территории Российской Федерации около тридцати ассоциируют себя с исламом и, сохраняя древние духовные связи с арабским миром, они в то же время остаются неотъемлемой частью общероссийского культурного и исторического наследия», — отметил докладчик.

Пример третий — национал-шовинистический. 4 ноября 2006 г. состоялся второй в постсоветской истории Русский марш. В заявлении Интернет-ресурса «Русский марш» значилось, что «все русские граждане, которые понимают, что в их жилах течет кровь предков, а не просто жидкость, несущая кислород, кто осознают свою ответственность перед будущими поколениями,

¹ В Паломническом центре Московского Патриархата прошло заседание секции XI ВРНС «Православие — стержень совместного бытия народов России и восточных славян. Взаимодействие религий и этносов — условие существования и процветания русской цивилизации» // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.mospat.ru/index.php?page=35345>.

собрались в полдень на Девичьем Поле в Москве»¹.

«Россия для русских!», «Москва для москвичей!» — выкрикивая эти лозунги, активисты прошли по улицам Москвы².

Несколькими годами ранее А. Севастьянов, депутат Государственной Думы (фракция «Родина») в полемике с Б. Мироновым, сопредседателем Национал-державной партии России (НДПР), бывшим председателем Госкомитета России по делам печати, писал: «Мне Ваши проблемы насчет малых сибирских и тому подобных племен и народов — до лампочки... Мы не вытоптали, не вырезали их всех под корень, как евреи семь народов Земли обетованной, как англичане индейцев, как немцы пруссов (и т. д.), — пусть скажут спасибо. Какое нам, действительно, дело до этих темных народов... Да хоть бы и вовсе перебили друг друга» и приводил свою «арифметику национализма», согласно которой он предлагал малые коренные этносы России (0,31 % от всего населения страны) не считать даже статистической величиной: «Забудьте про этот мелкий песочек человеческий — и никогда больше не вспоминайте о нем в разговоре с серьезными людьми»³.

Эти примеры, на наш взгляд, конечно, не определяют весь спектр общественно-политического дискурса относительно проблематики «русский — россиянин» в концептуальном и контекстном содержании. Однако эти примеры показывают высокую степень как сущностных, так и содержательных оснований обозначенной проблемы-абerrации⁴. И все это происходит на фоне системного непонимания некоторыми участниками дискурса необходимости четкой демаркации категорий «русский» и «россиянин» как категорий анализа и как категорий практики. т. е. многие в пылу высокого эмоционального накала дискус-

1 Итоги Русского марша // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www.rusmarsh.org/svidetelstva2006.html>

2 В российской столице сегодня прошли массовые акции, приуроченные ко Дню народного единства // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://echo.msk.ru/news/342192.html>

3 Севастьянов А. Азбучные истины национализма // Независимая газ.— 2002.— №1-В.— С. 4.

4 Словарь Д. Н. Ушакова дает одно из определений абerrации как «ошибки в ходе мысли, случайного заблуждения».

сий относительно острейшей проблемы этнической и гражданской идентификации и солидаризации в современном российском обществе попросту путают в силу разных причин сознательно или бессознательно сферы аналитического и обыденного.

* * *

Итак, социально-политическая практика современной России изобилует аберрациями по линии «русский — россиянин», как категориями этнического и гражданского содержания. Однако внимательное рассмотрение проблемы в исторической ретроспективе позволяет говорить не только о синонимичности этих понятий, но и даже их однозначности.

Вообще в современной истории России достаточно много примеров бинарного противопоставления без учета нашей исторической и социокультурной специфики. К числу таких наиболее актуальных на сегодняшний день противопоставлений мы можем отнести такие, как демократия и авторитаризм, гражданское и корпоративное общество, федерализм и унитаризм.

Вместе с тем очевидно, что сегодня выбор подходов к самоопределению России, исходя из специфики ее истории, культуры и ментальности, достаточно ограничен. При этом ограничения носят не только цивилизационно-исторический, но и нормативно-институциональный характер. Сегодня можно с уверенностью говорить, что государство как политический институт становится в России глобальным — мы наблюдаем возврат Левиафана — происходит сужение политического за счет административного.

Однако проблема самоопределения России в значительной степени является проблемой самоопределения самих россиян и ее народов¹. Поэтому очень важно не только не ошибиться в содержании, но и в форме.

И здесь мы возвращаемся к ключевой для нашего анализа проблеме — «Россия для русских!» Казалось бы, совершенно националистический и шовинистический лозунг, идеологиче-

¹ Согласно словарю Даля, народ — это люд, народившийся на известном пространстве.

ское и мировоззренческое основание которого лежит в границах так называемого «русского вопроса».

Или все же «Россия для россиян!»? Однако мы задаемся вопросом: «Что понимают представители партийно-идеологической, церковно-мировоззренческой и национал-шовинистической позиций, да и иных тоже, когда говорят о России для русских?»

В первом случае, казалось бы, речь идет о русских как россиянах, т. е. в гражданском понимании. Здесь русские определяются и конструируются как нациоцентричная (гражданскоцентричная) общность. Однако в этой системе координат «русский» еще не значит «россиянин».

Во втором случае акцентируется внимание на особой русскости как цивилизационной ценности и русских духовно единых собратьях. Здесь русские определяются и конструируются как цивилизационноцентричная, надэтническая общность. Здесь «русский» — это «православный».

В третьем случае русские это культурно отличительный державный суперэтнос. Здесь русские определяются и конструируются как этноцентричная общность. Здесь нет места россиянину.

В авторитетной энциклопедии «Народы и религии мира» русские (как самоназвание) определяются как крупнейший по численности народ в Российской Федерации, расселенный по всей ее территории. Указывается, что «истоки истории русского народа уходят в эпоху Древнерусского государства, возникшего в IX в. в результате объединения восточнославянских племен»¹. И здесь мы обнаруживаем первую «случайную» ошибку — понятие «русские» не может быть историческим самоназванием данной этнической группы — этноса-народа.

Как это ни странно, но этническое содержание понятие «русский» приобрело достаточно недавно, всего лишь в 30—40 гг. прошлого века усилиями советского государства. Это был результат ленинской, а затем сталинской национальной политики, направленной на институционализацию этнического через этнонациональную федерацию, переписи населения с жестким указанием этнической принадлежности, национальность в паспорте и т. д.

¹ Русские // Народы и религии мира. Энциклопедия.

До этого периода, тем более в Российской империи, «русский» всегда означал «российский». На это прямо указывает директор Института этнологии и антропологии РАН В. Тишков в своей работе «Самоопределение российской нации»: «До советского времени словосочетания “российский народ” и “русский народ” в значительной мере были тождественными: русскими считались не только великороссы, малороссы и белорусы, но все, кто принял православие или, по словам П. Струве, “участвовал в культуре” ... Категория русские приобрела узкоэтнический смысл в период строительства «социалистических наций», когда, начиная с переписи 1926 года, “русскими” стали обозначать только великороссов»¹.

Отметим, что после введения внутренних паспортов в 1932 г. многие указывали свою этничность (национальность) как «великоросс». Тогда же и появились украинцы как этнос. Строго говоря, в императорской России внеэтническое «русский» было собирательным определением великороссов, малороссов и белорусов. Однако в социальной практике «русский» понималось еще более широко, как «россиянин». Именно поэтому А. Пушкин — великий русский поэт, именно поэтому Н. Гоголь — великий русский писатель, а П. Струве — русский философ. И именно поэтому мы говорим о русских евреях, русских армянах и т. д.

В силу этого становится совершенно очевидной политическая инструментальность этнонационалистических воззрений от умеренного А. Ципко до махрового А. Севастьянова². Они используют советскую формулу русской этничности для решения конкретных политических и иных целей.

И в этом ряду знаковой, на наш взгляд, является известная в националистических кругах работа К. Крылова «Россияне и русские. К постановке проблемы», опубликованная еще в 1993 г.³. Со-

1 *Тишков В. А.* Самоопределение российской нации // *Международные процессы.*— 2005.— Т.5.— №2(8).— С. 24.

2 См.: *Ципко А.* Россию пора доверить русским. Критика национального нигилизма российских либералов.. М., 2003; *Севастьянов А.* Время быть русским! Третья сила. Русский национализм на авансцене истории.— М., 2004.

3 См.: *Крылов К.* [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://www/arghipelag.ru/geoculture/langspeoheles/slavyanstvo/russin/>

гласно К. Крылову, русские и россияне — это две разные этнические группы, «ошибочно принимаемые за одну», «два разных народа», сильно различающиеся по моделям поведения, этическим системам, отношению к другим народам и даже (в последнее время) по самоназванию. В основе такого разделения (русские — это патриоты), а «россияне — это демократы) лежит идеологический принцип, что само по себе является «революционным» открытием в этнологии. Еще никто из социальных антропологов не определял этнические группы, да и нации по идеологическому содержанию.

При этом этнические русские понимаются как аборигенные и истинные, а этнические россияне (те же русские, но демократы) как пришлые и ложные. Еще более опасной в работе К. Крылова является идея о том, что так называемый «межэтнический конфликт» между русскими и россиянами приведет к «изматывающей борьбе двух народов за контроль над территорией и ресурсами России», «спорной территорией в данном случае является все пространство бывшего СССР, и, может быть, некоторые области за его пределами». Автор также опасается, что этот конфликт только на руку «третьей стороне», в основном Западу, и «третьим нациям», в основном евреям.

Представляется, что разделение по линии «россиянин — русский» — такое же политически опасное явление, нежели разделение по линии «русский — не русский» как «свои — чужие» или «наши — не наши».

Итак, мы вновь возвращаемся к вопросу о содержании понятий «русский» и «россиянин». Очевидно, что наполнение этих понятий выходит далеко за рамки рационального и научного представления. В них есть нечто такое, что будит не только сознание, но и эмоции самых широких масс.

В современной российской практике «россияне» — это в большей степени собирательное название жителей России ([Российской Федерации](#)) вне зависимости от их этнической принадлежности, не переводимое на большинство иностранных языков отличительно от перевода слова «русские»¹. Это слово использовалось еще в [XVIII в.](#) в торжественно-высоком стиле, к примеру,

¹ Сравнить, однако, нем. *rusländisch*, образованное от названия России — *Russland*, в то время как «русский» — *russisch*.

Феофаном Прокоповичем и Михаилом Ломоносовым, и обычно в авторских текстах. В «Истории государства Российского» Н. Карамзина оно не противопоставляется понятию «русские (люди)».

В конце XX в. слово вновь вошло в обиход уже как термин более широкий, чем «русские» во время избирательной кампании блока «Демократическая Россия», выступавшего с лозунгами суверенитета России (РСФСР), но против русского национализма (1990).

В 90-е гг. XX в. термин регулярно использовал президент Б. Ельцин в телевизионных обращениях к народу («Дорогие россияне!..»). Однако В. Путин предпочитает использовать обращение «Дорогие соотечественники!..».

Вместе с тем в президентском послании Федеральному Собранию РФ 2005 года В. Путин широко использовал термин «российский народ», сделав, таким образом, важный шаг в сторону утверждения в политическом лексиконе и в общественном сознании этого ключевого понятия. Термин использован в тексте несколько раз, в том числе как историческая категория («российский народ веками безмолвствовал»), как некий аналог советского народа («распад Советского Союза для российского народа стал настоящей драмой») и как современный «народ России».

До этого одним из наиболее определенных было высказывание президента на празднике, посвященном Дню России 12 июня 2003 года: «Где бы мы ни родились, где бы ни выросли — это все наше Отечество. А вместе мы — один, единый, могучий российский народ».

* * *

Подводя итоги, необходимо признать, что проблема самоидентификации российской нации, впрочем, как и русского народа, остается актуальной и острой. И она имеет не только политические, но и исторические, а также социально-психологические и иные ментальные основания.

При этом наиболее сложным является вопрос о формировании (конструировании/реконструировании/деконструировании) российской гражданской нации — россиян. И этот политиче-

ский проект должен быть органически включен в более широкие социальные проекты — формирование гражданского общества и национальной идеи, на основе которых необходимо создавать новую национальную идентичность.

Итак, проблема содержания понятий «россиянин» и «русский» является производной из более фундаментальной проблемы самоидентификации россиян как гражданской нации и так называемого «русского вопроса» в самом широком смысле. Решение проблемы видится в усилении роли государства и институтов гражданского общества — политических партий, общественных организаций, церкви, СМИ и т. д. в формировании общегражданской политической идентичности и проведении сбалансированной этнополитики относительно как доминирующей этнической группы — русских, так и миноритарных народов России.

Виктория Муха

*канд. социол. наук,
руководитель Центра социологических исследований
Кубанского государственного технологического университета
Кубань, Россия*

Эмир Тужба

*канд. социол. наук,
ст. препод. каф. социологии и работы с персоналом
Кубанского государственного технологического университета
Кубань, Россия*

РОССИЯ И АБХАЗИЯ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Этнополитическая ситуация в современной России определяется не только процессами, происходящими на федеральном и региональном уровнях, но и этнополитическими реалиями в республиках бывшего Советского Союза. Важнейшим явлением, кардинально повлиявшим на международное положение и социально-экономическое развитие России в 1990-е гг., стало значительное сокращение ее территории. В общей сложности территория нового российского государства, по сравнению с СССР, сократилась в 1,3 раза, население — почти в 3 раза. И хотя в настоящее время угроза сецессии не стоит так остро, как в начале 1990-х, тем не менее Россия должна начать возвращать в сферу своего стратегического, политического и экономического влияния временно утраченные территории.

В 1990-е гг. Кавказский регион стал своеобразной странственной кульминацией постперестроечного кризиса в России. Сконцентрировав острейшие политические, экономические, социокультурные и религиозные противоречия, он столкнул в прямом

противостоянии многочисленных акторов как внутривосточных, так и глобальных международных интересов. Причины этого явления многочисленны, но важнейшими являются две: во-первых, наличие в регионе значительных запасов углеводородного сырья, рекреационных зон; во-вторых, геополитическое положение на пересечении мировых цивилизаций. Естественно, что Россию интересует собственная безопасность в регионе, и любые внутренние конфликты в Закавказье рассматриваются с этой позиции.

В настоящее время Россия осуществляет свою политику в закавказском регионе в условиях продолжающейся здесь нестабильности, связанной с трудностями национально-государственного строительства, сохранением остроты межнациональных противоречий, а также последствий разрыва хозяйственных связей с Россией и низкого уровня жизни населения. Но несмотря на проблемы, миротворческая деятельность России сыграла и продолжает играть ключевую роль в разрешении конфликтов в Закавказье и установлении относительного, хотя и неустойчивого, мира в регионе. Именно размещение российских военных контингентов, как это имеет место в Абхазии и Южной Осетии, или военных наблюдателей вдоль азербайджано-армянской границы в 1991 г. привело к прекращению конфликтов. Однако множество проблем, порожденных этими конфликтами, в том числе статус Нагорного Карабаха, Южной Осетии и Абхазии, все еще остаются нерешенными.

На протяжении 1992—1993 гг. Россия не имела четко сформулированной политики в отношении грузино-абхазского конфликта. При этом российские войска базировались как в Грузии, так и на территории Абхазии. Отдельные группы военных, выступая против официальной политики руководства Российской Федерации, открыто поддерживали абхазов. Они выказывали недовольство грузинами за фактическое разграбление имущества российской армии в Грузии и совершенные ими убийства российских военнослужащих. Проабхазские и антигрузинские настроения были характерны и для определенной части высшего руководства России, особенно для членов законодательной власти, чем и объясняется определенная двойственность, неопределенность политического курса в отношении грузино-абхазского конфликта.

Военная стадия конфликта в Абхазии совпала с обострением поляризации среди российских политических сил между демократами, ведомыми президентом Ельциным, и противостоящими ему некоммунистами и националистами. Сторона Ельцина склонялась к поддержке правительства Шеварднадзе, к признанию территориальной целостности Грузии; коммунисты и националисты в свою очередь поддерживали абхазов и выступали с призывами присоединить Абхазию к России. Кроме того, некоторые представители российской элиты, в том числе и военные, а также организации и ведомства владели в Абхазии собственностью, что создавало и конкретные экономические интересы. Тем не менее в то время как российские военные самолеты бомбили контролируемый грузинами Сухум, другие российские части продолжали снабжать оружием грузинскую армию.

Но российскую военную помощь абхазам не следует преувеличивать, как это делается практически во всех грузинских и во многих западных публикациях, считает В. Чирикба. В грузино-абхазском конфликте, утверждает автор, все оружие обеих сторон имело, в конечном счете, русское происхождение. Различие было лишь в том, что в то время как Грузия получала от России огромное количество вооружения и снаряжения бывшей Советской армии даром (в соответствии с Ташкентским соглашением стран СНГ, а также через многие другие неофициальные каналы), Абхазия была вынуждена покупать оружие у частей российской армии, расположенных в Абхазии и за ее пределами¹.

На уровне массового сознания негативное отношение населения Абхазии к России в период правления Б. Н. Ельцина, изолировавшего Абхазию в результате введения в 1994 году «особого» режима на абхазо-российской границе, постепенно стало меняться в лучшую сторону с приходом к власти В. В. Путина. Процессы, происходившие на внешнеполитической арене до 2000 г., кардинально не изменили положение русскоязычного населения в самой Абхазии, что подтверждали результаты социологического опроса, проведенного в 2003 г.² и данные пило-

1 См.: Грузины и абхазы. Путь к примирению // Общ. ред.: Б. Копптерс, Г. Нодия, Ю. Анчабадзе.— М.: Весь мир, 1998.— С. 77.

2 См.: Опрос проводился в августе 2003 г. в Гагрском, Гудаутском, Су-

тажного исследования 2007 г.¹ Картина представляется наглядно, если сравнить показатели дискриминации по национальному признаку внутри Абхазии и за ее пределами. В 2003 г. испытывали дискриминацию по национальному признаку в России 33 % жителей Абхазии, среди которых 11 % — респонденты русской национальности указали на факт дискриминации, тогда как в самой Абхазии только 6 % русских испытывали ущемление своих прав. В 2007 г. 4 % опрошенных русских в Абхазии сталкивались с дискриминацией по национальному признаку.

В настоящее время на территории Абхазии проживает 24 тыс. русских, которые составляют 11 % населения. И как показывают данные пилотажного исследования, русское население Абхазии вполне положительно оценивает свой культурно-языковой и социальный статус. Этноязыковая ситуация, сложившаяся в республике, свидетельствует о сохранении языковой практики русского населения и полноценном функционировании русского языка во всех сферах общественной жизни абхазского общества. В свою очередь билингвизм абхазов определил их пророссийские интеграционные мотивации. В Абхазии русский язык наряду с абхазским является языком государственных учреждений. Более того, из 175 общеобразовательных школ республики 64 — абхазских, 52 — русских, 20 — русско-абхазских, 39 — армянских².

Об относительном социальном благополучии русского населения Абхазии свидетельствуют показатели социального самочувствия: 69,8 % опрошенных отмечали улучшение социально-экономического положения своей семьи за последний год. Тем не менее в сознании русского населения доминировала этнополитическая ориентация на Россию: 63 % респондентов предпочли бы видеть Абхазию в качестве автономной республики в составе России, и только и 37 % опрошенных поддерживали стремление абхазов к независимости. В свою очередь 71,5 % абхазов были

хумском, Гульрипшском, Очамчирском, Ткуарчалском районах республики. Выборка составила 265 человек.

1 Пилотажное исследование проводилось в августе 2007 г. в г. Сухуми, опрошено 150 респондентов.

2 См.: Отчет министерства образования республики Абхазия за 2004—2006 гг.— Сухуми, 2007.

ориентированы на строительство независимого государства. По данным ранее проведенного опроса в 2003 г., население Абхазии также позитивно оценивало состояние взаимоотношений России и Абхазии: 80 % респондентов отмечали, что «ощущают помощь России», «считают ее дружественной страной», «гарантом стабильности и безопасности». Недовольных российско-абхазскими отношениями оказалось 20 % опрошенных, которые в качестве причин указали: проблему границы; взяточничество со стороны русской таможни; непризнание Россией суверенности Абхазии; использование Абхазии как средства шантажа грузинской власти.

Для Абхазии российское присутствие является единственной гарантией защиты от губительного возобновления военных действий, от риска потери того, что было достигнуто в результате борьбы за независимость. Россия была и остается самой крупной союзницей Абхазии, а других политически значимых союзников, если не считать этнолингвистически родственных северокавказских этносов, проявивших свою солидарность в ходе войны, у нее просто нет. Население Абхазии при любой возможности выбора предпочтет сближение с Россией, чем с Грузией. В свою очередь, по данным опроса, проведенного Левада-Центром в 2007 г., большинство россиян выступают за то, чтобы Абхазия вошла в состав России (34 %) или стала суверенным государством (32 %), и лишь 7 % желают видеть Абхазию в составе Грузии¹.

В то же время Россия не готова принять решение о формальном включении Абхазии в ее пределы, но намерена способствовать поддержанию ее независимости. С согласия России население Абхазии получило возможность принятия второго российского гражданства, тем самым граждане Абхазии фактически оградили себя от гражданства Грузии. Показателем нового курса России стали визиты делегаций высокого ранга для налаживания социально-экономических связей с Абхазией. Важны и горизонтальные «подвижки» субъектов РФ в плане сотрудничества с Абхазией.

К настоящему времени процесс суверенизации Абхазии зашел настолько далеко, что представляется сомнительным, что найдутся аргументы, способные заставить Абхазию отказаться

¹ См.: Общественное мнение-2007. Ежегодник.— М.: Левада-Центр, 2007.— С. 217.

от независимости и вернуться в лоно грузинской государственности. Поэтому в переговорном процессе (которого в принципе и нет) вопрос возвращения Абхазии в состав Грузии следует исключить и вообще не обсуждать, так как здесь нет ни одного фактора, заслуживающего внимания и дающего надежду на решение проблемы в грузинском варианте. Очевидно, что на данный момент сотрудничество России и Абхазии представляется наиболее перспективным и несет взаимные выгоды. В экономическом плане открытая миру Абхазия способна быстро превратиться в свободную экономическую зону и, учитывая ее выгодное географическое расположение, дать серьезный стимул развитию всего региона. В этнополитическом плане демократическая Абхазия станет буферной территорией, разделяющей Россию и Грузию, что будет только способствовать политической стабилизации всего Кавказского региона.

Екатерина Самсонова

*зав. лабораторией социологических исследований
и изучения общественного мнения МУ ЦСППМ «Шанс»,
заместитель директора по научной работе*

Тула, Россия

Екатерина Юдина

специалист по работе с молодежью лаборатории социологических исследований и изучения общественного мнения МУ ЦСППМ «Шанс»

Тула, Россия

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСОБЕННОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Не вызывает сомнения тот факт, что в современном мире такие категории, как этничность, нация, национализм не являются пустым звуком или изобретением ученых-политиков. Несмотря на огромное количество исследований, направленных на изучение этих проблем, актуальность этой темы с течением времени не уменьшается. Этническое заложено в самой природе человека, в глубоких пластах его психики, а потому сознание и поведение человека отчасти подчинено определенным закономерностям, используемым некоторыми политиками, националистическими и экстремистскими группировками в своих целях. Помимо этого, противопоставление «свой — чужой» играет в этничности решающую роль, и это во многом объясняет наличие в обществе межэтнической напряженности, существующей подчас не только на бытовом уровне. Насколько актуальна эта проблема для нашего региона?

На сегодняшний день на территории Тульской области про-

живает 96,1 % русских, поэтому область в целом является моноэтнической. Более того, в последнее время сохраняется тенденция уменьшения доли нерусского населения, о чем свидетельствует снижение совокупного прироста иноэтнического населения.

При этом спектр народов и национальностей (этнических групп), проживающих в Тульской области достаточно широк: украинцы (0,63 % от численности населения области), цыгане (0,23 %), армяне (0,22 %), белорусы (0,15 %), азербайджанцы (0,13 %), грузины (0,08 %), молдаване (0,05 %), дагестанцы (0,04 %), казахи (0,05 %), узбеки (0,03 %), таджики (0,02 %), чеченцы (0,02 %), ингуши и киргизы (менее 0,01 %).

За последний год по количеству выезда в Россию из числа бывших союзных республик выделяются Узбекистан, Казахстан и Таджикистан. Люди, приезжающие из этих стран, в числе первопричин выезда называют языковую дискриминацию. Известно, что после распада СССР и образования новых независимых республик во всех них введен государственный язык титульной нации, а русский язык (на котором говорит большинство) неслуженно дискриминируется. Причем языковая принадлежность довольно часто, по словам вынужденных переселенцев, становится причиной разного рода конфликтов. Так, незнание государственного языка может стать причиной увольнения или понижения в должности. Некоторые из переселенцев указывают и на факты грубого физического насилия по отношению к ним, их детям, знакомым, а причиной этого считают свою национальность (русские) или языковую принадлежность (русский).

Управление по делам миграции при УВД Тульской области начало свою работу с июля 2002 г. (до этого — Территориальный орган Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации в Тульской области). И если ранее для указания причин прибытия в Россию было достаточно лишь назвать факт языкового или национального притеснения, то теперь необходимо документальное подтверждение подобного факта, а также факта бездействия органов государственного правопорядка или (если граждане РФ) Посольства РФ. Проблема для вынужденных мигрантов теперь заключается именно в способности или возможности докумен-

тально подтвердить совершенное в отношении их правонарушение и притеснение. И если они не смогут этого сделать, то статус вынужденного переселенца, дающий в установленном законом порядке право на получение жилья или субсидии для покупки жилья, а также материальной помощи социально незащищенным семьям, им предоставлен не будет¹.

Таким образом, количество вынужденных мигрантов сокращается как естественно (постепенная нормализация межэтнических отношений в бывших союзных республиках, которая нередко достигается за счет выезда иноэтничного, в основном русского или русскоязычного населения), так и искусственно — путем непредоставления в силу указанных причин статуса вынужденного переселенца. Однако отток мигрантов из стран ближнего зарубежья, прибывающих в Россию в поисках работы, продолжается, что объясняется общим экономическим кризисом, охватившим постсоветское пространство.

Общая ситуация в Тульской области в сфере межконфессиональных и межэтнических отношений стабильная. Нарушений действующего законодательства в указанной сфере нет. В качестве примера можно привести компактное поселение турок-месхетинцев: национальная община турок-месхетинцев (102 чел.) проживает в дер. Головино Дубенского района с 1989 г. Органы местного самоуправления Дубенского района тесно взаимодействуют с представителями данной общины по всем вопросам, результатом чего является отсутствие конфликтов на почве национальных отношений между турками-месхетинцами и местными жителями.

В настоящее время в области зарегистрировано 9 национальных общественных объединений (НОО), указывающих в своем названии на принадлежность к определенной нации. Наряду с общественными организациями национальных меньшинств русское большинство также образует общественно-политические объединения по национальному признаку — 3 организации.

Все национальные организации положительно взаимодей-

¹ См.: *Соболева Н. А.* Региональные особенности межэтнических отношений (на примере Тульской области) / Современное российское общество: социальный и политический анализ. Сб. науч. работ. Вып. 2.— Тула: Изд-во ТулГУ, 2003.— С. 158.

ствуют с тульскими властями, а именно с администрацией г. Тулы, что в общем не является исключением, поскольку Тульская область — один из тех регионов РФ, в которых в последнее время сложились позитивные, конструктивные взаимоотношения органов государственной власти и местных официальных организаций национальной общественности.

Таким образом политика властей являет собой пример лояльности и дружелюбия к иноэтничному населению. Поскольку область в основном моноэтнична, то вышесказанное позволяет сделать вывод об отсутствии предпосылок для острых межнациональных конфликтов и межэтнической напряженности, содержащей угрозу стабильности на общегосударственном уровне. Однако это не отрицает наличия межнациональной неприязни, существующей на бытовом уровне, которая в то же время может обостряться во время политической и социально-экономической нестабильности в регионе.

Известно, что в основе этнической неприязни на бытовом уровне лежат скорее культурно-психологические и экономические причины, нежели реально осознаваемый шовинизм или агрессивный национализм. Этносоциальная действительность в Тульской области свидетельствует о наличии этнофобных настроений преимущественно по отношению к «лицам кавказской национальности» и к цыганам. По мнению русских, представителей этих этнических групп отличает наглость, агрессивность, враждебность, нахальность, высокомерие. Предприимчивость и мобильность приезжих с Кавказа и цыган раздражает граждан русской национальности еще и потому, что эти качества, по данным некоторых исследований, не входят в структуру русского менталитета.

Подобные стереотипы возникли у русских еще и по причине предполагаемой (или действительной) криминализации данных этнических групп (аферизм, вымогательство, мошенничество, торговля наркотиками). По крайней мере, как показывает практика, подобные опасения в отношении цыган небезосновательны. По данным отдела по борьбе с мошенничеством УВД Тульской области, заявления по фактам преступлений, связанных с мошенничеством цыганского населения, поступают с регулярностью в 1—2 месяца. Можно предположить, что в действитель-

ности мошенничества происходят намного чаще.

Опыт показывает, что этническая неприязнь наиболее развита у молодежи. Скорее всего, это обусловлено присущими данной социальной группе юношеским максимализмом, установкой на «свою» группу, «своих» товарищей. Такой группой может стать любая, начиная с уличной банды и кончая военизированным формированием экстремистского толка. Врагами для подростка могут стать люди «чужой» крови. Этничность как чувство принадлежности к «кровной» группе становится самоценностью, которая только и может обеспечить психологическую защищенность в сложных социальных условиях.

По данным социологического исследования «Межнациональная толерантность в молодежной среде г. Тулы»¹, проведенного лабораторией социологических исследований МУ ЦСППМ «Шанс» в III квартале 2006 г., превалирующее число тульской молодежи не допускает для себя возможность вступления в экстремистскую организацию и не имеет среди своих друзей и знакомых членов таковых.

Однако определенная часть тульской молодежи является носителем негативной этнической установки, следствием которой является шовинизм, — это скинхеды, или «бритоголовые», «лысые» — молодежное движение, различные группировки которого часто находятся под влиянием экстремистских идеологий². К врагам они причисляют цыган, кавказцев, африканцев, индусов, словом, все неславянские этносы. Скинхеды считают себя патриотами России, выдвигая лозунг «Россия — для русских».

Официальные представители иностранных студентов в Туле заявляют о частых избиениях и всяческих притеснениях последних. Это, безусловно, создает немалый потенциал для взаимной ненависти.

Хотя движение скинхедов относительно немногочисленно

1 Массив опрошенных — 250 человек: 51,7% мужчин и 48,3% женщин, эмпирический объект исследования — молодежь пяти административных районов г. Тулы в возрасте 14—30 лет: от 14 до 19 лет (30,4%), от 20 до 24 лет (37,8%) и от 25 до 30 лет (31,7%).

2 См.: Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / Под ред. А. А. Козлова. — СПб.: ХИМИЗДАТ, 2003. — С. 352.

в Тульской области, актуальность этой проблемы не уменьшается. Ее необходимо решать не только на региональном, но и на федеральном уровне, так как негативные проявления национализма — болезнь в масштабе всей страны и многих стран мирового сообщества в той или иной мере. В целях недопущения возникновения конфликтов на почве межнациональной неприязни следует решать эту проблему на ранней стадии ее возникновения, т. е. в латентном состоянии.

Итак, вынужденные мигранты относятся к той категории лиц, которым необходима государственная поддержка, осуществляемая на федеральном, региональном и местном уровнях. Люди, вынужденные уехать из бывших союзных республик, нуждаются не только в материальной помощи, но и в духовной. Приезжая в Россию, они нередко испытывают культурный дискомфорт, чувство одиночества и ненужности, социальной и культурной фрустрации.

Несмотря на отсутствие межэтнических конфликтов в Туле и Тульской области, на бытовом уровне и уровне межличностного общения наблюдается некоторая напряженность, причинами которой, на наш взгляд, являются ксенофобия и этнофобия, уходящие своими корнями глубоко в природу человека. А экономическая нестабильность, безработица, низкий уровень зарплат лишь способствуют развитию нетерпимости в общении.

Михаил Зан

*канд. истор. наук, доц. каф. политологии
факультета общественных наук
Ужгородского национального университета
Ужгород, Украина*

ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ РУСИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ЗАКАРПАТЬЕ: ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ, ЭВОЛЮ- ЦИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Автор рассматривает русинство как активизацию группы интересов на почве местного партикуляризма, противопоставления властному центру. Закарпатцы (русины), представляя особую в этнокультурном плане мозаичную часть украинского этноса, реанимировали идею русинства в новых этнополитических реалиях конца XX в. Своей задачей автор ставит проиллюстрировать возрождение русинства на Закарпатье, исходя из анализа архивных и обнародованных документов; ретроспективно представив проблему русинства, сформулировать перспективы изучения данного этнополитического и этнокультурного явления на переломе XX—XXI вв.

В начале 1990 г. на этнополитической арене Закарпатья появилось возрожденное русинское движение. 17 февраля 1990 г. в Ужгороде была созвана учредительная конференция, на которую прибыло 324 делегата и 87 приглашенных. Единогласно было принято решение об образовании областного культурно-просветительского Общества карпатских русин, принят Устав этой организации. Общество возглавил архитектор М. Томчаний¹. В первом обнародованном документе Общества «Обращение к населению Закарпатской области» акцентировалось внимание на существовании отдельного

¹ См.: Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 14. Делопроизводство.— Дело. Решение от 20.02.1990 г. № 39 «О регистрации Устава областного культурно-просветительского Общества карпатских русин».— С. 112—115.

русинського етноса. Уже второй документ от 29 сентября 1990 г. («Декларация Общества карпатских русин об возвращении Закарпатской области статуса автономной республики») представлял политические претензии¹. Как отмечал историк В. Сурнин, такая идея «...была положительно одобрена местной партийной и советской элитой. Она импонировала тем, что обещала новые привилегии и широкие властные полномочия»². Областная власть проигнорировала события 17 июля 1990 г. в с. Вилко Виноградовского района. В этот день венгры Закарпатья устроили митинг в честь венгерского деятеля национально-освободительного движения начала XVIII в. Ференца Ракоци II. На этом митинге была принята «Декларация об автономном статусе Закарпатья», где противопоставлялись «русинь» и «украинцы», предлагалось на государственном уровне возродить национальность коренному населению края³.

Постепенно вырисовывались два противоположных лагеря этнополитического характера. С одной стороны, прорусинский, который поддерживала областная элита. С другой, формировалась национально-демократическая элита, которая уже в 1990 г. ставила вопрос о борьбе за государственную независимость Украины. Только в 1990 г. на Закарпатье состоялось 40 митингов под руководством областного отделения Народного Движения Украины за перестройку. Это направление завоевывало популярность среди населения края⁴.

1 См.: *Балега Ю.* Політичне русинство і будівництво Української держави // Українські проблеми.— 1994.— № 2.— С. 67; *Майборода О.* «Політичне русинство». Закарпатська версія периферійного націоналізму.— Київ: НаУКМА, 1999.— С. 10.

2 *Сурнін В. Б.* Принцип самовизначення націй та особливості його реалізації на Закарпатті в 90-х роках ХХ ст. // Міжетнічні відносини на Закарпатті: стан, тенденції і шляхи поліпшення: Матеріали науково-практичної конференції / Під загальною редакцією П. В. Токаря.— Ужгород: Госпрозрахунковий редакційно-видавничий відділ управління у справах преси та інформації, 2001.— С. 140.

3 См.: *Мишанич О. В.* Карпати нас не розлучать: Літературно-критичні статті і дослідження.— Ужгород: Срібна Земля, 1993.— С. 233.

4 См.: *Зан М.* Орієнтувальний матеріал членам і кандидатам в члени обкому Компартії України... // *Carpatica-Karpatika*. Випуск — 19. Історія і культура Карпат (До десятиріччя утворення НДІ карпатознавства).— Ужгород: Приватна друкарня Романа Повча, 2002.— С. 177—192.

Политическая ситуация изменилась после событий московского путча в августе 1991 г. и провозглашения 24 августа независимости Украины. В условиях развала СССР и ослабления влияния республиканского центра еще более актуальными для областной партноменклатуры стали рецепты Общества карпатских русин. На VII внеочередной сессии областного Совета звучали прямые заявления: «Нас просто присоединили... нам нужна автономия и за нее надо бороться»¹. Депутат областного Совета И. Лутак сравнил потенциал национальной нетерпимости в области с Молдовой, Грузией, Арменией, Азербайджаном. В течение осени 1991 г. в Закарпатье особо остро дискутировался вопрос о будущем статусе в независимой Украине, готовились проекты автономии, звучали и сепаратистские нотки.

Результаты референдума 1 декабря 1991 г. зафиксировали убежденную ориентацию населения Закарпатья на украинскую государственность. За независимость Украины проголосовало 90 %, а 60 % отдали свой голос за первого президента Украины Л. Кравчука. В то же время 78 % голосующих положительно ответили на вопрос областного референдума о статусе Закарпатья как специальной самоуправляемой административной территории².

В мае 1993 г. в Мукачево было провозглашено о создании «Временного правительства Подкарпатской Руси» во главе с И. Туряницей. В состав «правительства» вошли также граждане Словакии и Венгрии. Самостоятельно провозглашенное правительство начало кампанию дискредитации украинской государственности, привлечения внимания общественности к русинам Закарпатья. Венгерское телевидение 13 августа 1993 г. рекламировало министров «временного правительства», его лидера И. Туряницу. Венгерская пресса активно муссировала идею автономии Карпатского Еврорегиона и политического ру-

1 Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 14. Делопроизводство.— Дело. VII внеочередная сессия областного Совета народных депутатов XXI созыва (Первое заседание) и решения, принятые сессией от 27 сентября 1991 г. На 207 л.— С. 10.

2 См.: Там же.— Дело. IX сессия Закарпатского областного Совета народных депутатов XXI созыва. Первое заседание от 24 января 1992 г. На 240 л.— С. 139.

синства¹. К поддержке сепаратизма присоединилось и оргбюро Закарпатского отделения Союза коммунистов².

5 октября 1993 г. глава областного Совета Д. Дорчинец выдал распоряжение о созыве 29 октября сессии по вопросу провозглашения самоуправления. Только через противостояние национал-демократических организаций и обсуждение в Верховном Совете Украины вопроса о свободной экономической зоне сессия не была созвана³. С другой стороны, неудовлетворенность деятельностью Президента и Верховного Совета Украины, избрание Президентом Л. Кучмы в 1994 г. стали объективными факторами торможения перспективы самоуправления Закарпатья.

Неактуальными становились русинские лозунги. Этнополитическая активность русинства сосредоточилась в руках отдельных радикальных представителей русинских обществ. Первенство русинской пропаганды, начиная с 1994 г., занял лидер «временного правительства» И. Туряница. В его предвыборной программе было четко задекларировано: «...добиваться реализации результатов областного референдума о восстановлении автономной державности Подкарпатской Руси...»; «...хватит зря говорить, время действовать»⁴.

В сентябре 1994 г. рассматривался вопрос об автономном статусе края. Группа из 17 депутатов подготовила заявление, где констатировалось провозглашение Подкарпатской автономной республики и в ее составе Береговского национально-культурного

1 См.: *Балега Ю.* Сепаратистські тенденції в сучасному Закарпатті // *Культура Українських Карпат: традиції і сучасність / Матеріали міжнародної наукової конференції (Ужгород, 1—4 вересня 1993 року).*— Ужгород: Гражда, 1994.— С. 66—69.

2 См.: Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 14. Делопроизводство.— Дело. VII внеочередная сессия областного Совета народных депутатов XXI созыва (Первое заседание) и решения, принятые сессией от 27 сентября 1991 г. На 207 л.— С. 70.

3 См.: *Балега Ю.* Політичне русинство і будівництво Української держави.— С. 72.

4 См.: Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 14. Делопроизводство.— Дело. Листовки кандидатов в депутаты Верховного и областного Совета и на должность главы областного Совета. На 112 л.— С. 104.

округа. Областной Совет предполагалось переименовать в парламент Подкарпатской автономной республики в составе Украины¹. Поименное голосование показало, что большинство депутатов высказались против такого проекта (6 — «за», 9 — «воздержались», 33 — «против», 10 — отсутствовали). На следующих заседаниях областного Совета вопрос об автономии вообще не обсуждался.

Во второй половине 90-х гг. русинство как этнополитический фактор, ситуативно спровоцированный в условиях развала СССР, теряет патронаж со стороны областного Совета. Только в отдельных моментах русинство иллюстрируется как фактор специфики области в контексте борьбы за свободную экономическую зону. В частности, на сессии 11 апреля 1996 г. предложение Е. Жупана об информировании отдела по делам национальностей и миграции о нарушении прав русин было отклонено абсолютным большинством депутатского корпуса².

Антигосударственная позиция «временного правительства» во главе с И. Туряницей полностью дискредитировала русинское движение. Обращения к российскому президенту в 1994 г., президентам США, Венгрии проиллюстрировали иностранные факторы политического русинства³. В августе 1996 г. Мировой Совет русин в г. Пряшев (Словакия) объявил о недоверии И. Турянице, как «провокатору в русинском движении». А 29 марта 1997 г. в Мукачево он был отстранен от руководства обществом. Общество было перерегистрировано и получило название «Общество подкарпатских русин». Его возглавили И. Талабишка, Л. Лецович и И. Петровций⁴. Эта организация провоз-

1 См.: Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 14. Делопроизводство.— Дело. Листовки кандидатов в депутаты Верховного и областного Совета и на должность главы областного Совета. На 112 л.— С. 3—5.

2 См.: *Майборода О.* «Політичне русинство». Закарпатська версія периферійного націоналізму.— К.: НаУКМА, 1999.— С. 11.

3 См.: Ведомственный архив Закарпатской областной государственной администрации.— Ф. 195. Закарпатский областной Совет народных депутатов.— Оп. 23. Канцелярия.— Дело. Т. III. Информации о выполнении постановлений и распоряжений Кабинета Министров Украины. 7 мая 1997 г.— 14 апреля 1997 г. На 155 л.— С. 69—70.

4 См.: Делопроизводство Закарпатского областного Совета народных депутатов.— Дело. XIII сессия Закарпатского областного Совета народных депу-

гласила четкую этнокультурную ориентацию. Свидетельство этому проведенные фестивали русинской культуры.

Однако в самом Закарпатье проблема русин перестала восприниматься серьезно. Запрос депутата Е. Жупана на сессии областного Совета от 8 декабря 2000 г. о присвоении отдельного идентификационного кода русинам при переписи населения вообще не рассматривался депутатами¹. Агитацию проводили представители русинских обществ, особенно в связи с проведением переписи населения 5—14 декабря 2001 г. Результаты переписи зафиксировали проживание на Закарпатье 1 254 614 человек, среди которых доля украинского населения становится 1 010 127 человек (80,5 %). Русинами идентифицировали себя 10 063 человек (0,8 %)². На данном этапе действуют организации, которые вызывают симпатии среди небольшого числа людей.

Русинство на Закарпатье конца XX — начала XXI вв. представляется нам ситуативной этноидентификацией отдельной части украинского населения. Ее причины нужно искать в комплексе факторов: провоцировании («конструировании») движения в начале 1990-х гг.; этнопсихологическом протесте украинского населения через социально-экономические проблемы; факторе «выгодности» противопоставления («быть особым»), добываясь средств для удовлетворения амбиций отдельных лидеров, экономических вознаграждений, институционализируя свою деятельность в русинских обществах Закарпатья. Таким образом, перспектива изучения феномена русинства состоит в выяснении процентного соотношения примордиальных качеств украинского населения края и ситуативных ценностей отдельных групп, идентифицировавших себя русинами.

татов III (XXIII) созыва. Первое заседание от 8 декабря 2000 г.

1 См.: Розподіл населення за національністю та рідною мовою за даними перепису 2001 р. Закарпатська область. Все населення. Табл. 5.1. на 4 сторінках. Постійне населення. Абсолютні дані.

2 См.: Там же.

Павел Леньо

*препод. каф. истории Древнего мира и Средних веков
исторического факультета Ужгородского национального университета*

Ужгород, Украина

РУСИНЫ-УКРАИНЦЫ КАК ОБЪЕКТ СЛОВАЦКОГО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Недавно государства с унитарной формой правления (Испания, Украина, Словакия, Румыния) оказались в щекотливой ситуации в связи с провозглашением независимости республики Косово (17 февраля 2008 г.). В случае непризнания нового государства эти страны рискуют оказаться в меньшинстве, что может привести к негативным последствиям на международной арене. Если же признать Косово полноценным субъектом международной политики — создается опасный и нежелательный прецедент. Может начаться процесс «размораживания» горячих точек в разных регионах мира, — опасный для конкретного унитарного государства, если оно на своей территории кроме того имеет этническое меньшинство, которое является коренным населением, а по соседству страна его материнского этноса. Как результат — угроза будущей территориальной целостности. Поэтому не удивительно, что такие страны, как Испания, Украина, Словакия могут признать независимость Косово только с определенными оговорками. Иначе не миновать внутренних проблем с активизацией движения крымских татар в Украине, басков в Испании, венгров в Словакии.

Вместе с тем таким способом (полупризнание нового государства) решить внутренние этнополитические проблемы не получится. В условиях информационной глобализации, убыстряющегося темпа общественной жизни этнос и нация остаются безопасной основной нишей для индивидуума, поэтому следует ожидать расцвета этнического ренессанса. Для многих унитар-

ных стран, которые имеют в своем составе этнические меньшинства, этот процесс в лучшем случае может привести к федерализации государственного устройства, а то и к сепарации новой самоопределившейся нации. В связи с этим для сохранения мира и поддержания целостности своей территории такие государства используют определенный набор инструментов этнополитического менеджмента. Следует отметить, что эти инструменты на деле не всегда этичны. Для иллюстрации данного тезиса хочется обратить внимание на некоторые особенности этнополитики Словакии.

Словацкая республика (далее СР) — унитарное государство. За переписью населения 2001 г. она насчитывает 5,4 млн чел. населения. Словаки составляют 85 % населения страны, венгры — около 10 %, среди остальных заметную роль играют чехи, цыгане, украинцы-русины, немцы, евреи¹. В действительности ситуация несколько отличается от официальной статистики, поскольку многие (особенно цыгане) предпочли задекларировать себя представителями словацкой национальности и фактически каждый четвертый гражданин страны не является словаком по происхождению. И если с цыганами пока что особых проблем нет, с другими могут возникнуть трения, которые приведут к нежелательным внешним и внутренним этнополитическим последствиям, что обусловлено особенностями политической истории республики. Среди таких обстоятельств необходимо учитывать следующие:

1) После второй мировой войны И. Сталин фактически заставил ЧССР отдать большинство (но не все) этнических украинских земель, которые вошли в состав Закарпатской области Украины. Провозглашение Украиной независимости в 1991 г. существенным образом повлияло на рост самосознания украинцев во всем мире. Как результат, следовало опасаться украинского национального движения и в самой СР.

2) В 1993 г. Словакия обрела независимость путем «мирного развода» с Чехией². Этому процессу не смогла помешать

1 См.: *Pekar Martin*. Identita narodnostnych menšin na Slovensku po roku 1918 v suradniciach štatnej politiky a zmluvy o ustave pre Evropu // *Evropske občianstvo a narodna identita*. — Prešov, 2006. — S. 44.

2 См.: *Коровицына Н. В.* Два решения национального вопроса: Чехия —

даже доктрина чехословакизма (была официальной идеологией ЧССР на протяжении 1920—1980 гг.), которая провозглашала чехов и словаков единым народом. Несмотря на официальное разделение ЧССР, среди чехов до сегодняшнего дня можно услышать, что «мирный развод» это историческая ошибка, а значит надо вернуть непутевых родичей-словаков в семью.

3) Существуют напряженные моменты и с Венгрией. Период между двумя мировыми войнами (1920—30 гг.) в этой стране прошел под лозунгом «*Nem, nem, soha!*» (Нет, нет, никогда!), что означало — никогда не смирится с решением Трианонского договора (в 1920 г. этот международный договор более чем на половину урезал ее территорию)¹. Теоретически Венгрия может претендовать на земли южной Словакии, используя венгров, которые населяют Словакию в качестве «пятой колонны».

Закономерно, что государственные интересы СР не предвидят потакание росту националистических требований этнических меньшинств страны. Поэтому власть использует ряд ассимиляционных инструментов. Основные среди них — политика в сфере просвещения, влияние СМИ, содействие росту этнически смешанных браков².

Перечисленные методы не всегда оказывают желаемое действие. Например, в случае с венграми, для которых нормальным явлением есть очень высокий уровень эндогамии браков и уважение к традициям своей культуры. Они сопротивляются государственной политике перевести программу обучения в венгерских школах на словацкий язык, поддерживают постоянные контакты с материнским этносом, активно участвуют в политической и культурной жизни страны³. С другими национальными меньшинствами в СР таких проблем нет, но не исключена их поляризация в будущем. Тем более что автор этих строк уже в 2006 г. видел в Братиславе (столица Словакии) предвыборный

Словакия до и после 1989 года // Славяноведение.— 1995.— № 6.— С. 46—55.

1 См.: *Леньо П. Ю.* Розвиток етнографії Словаччини в міжвоєнний період (1918—1939) // Народна творчість та етнографія.— 2005.— № 3.— С. 111.

2 См.: *Зан М. П., Леньо П. Ю.* Українці Пряшівщини та Мараморощини на початку ХХІ ст. (словацька та румунська моделі асиміляційних процесів) // Етнічна історія народів Європи.— 2007.— № 23.— С. 46.

3 См.: *Mazurek Jaroslav.* Slovensko ako problem menšín // Evropa medzi identitou a integritou.— Prešov, 2002.— S. 262.

биллборд — «*Vratime Slovensko do ruk slovakov*». Буквально — «Вернем Словакию в руки словаков» или фактически «Словакия для словаков». Логически правильно предположить, что такие призывы не появляются без причин, а значит в стране действительно существуют проблемы с политической активностью не титульных народов.

Кроме стандартных приемов ассимиляции правительство СР использовало еще несколько методов, которые показали свою эффективность особенно в отношении русинов-украинцев. Эту политику характеризовали два направления. На протяжении 1990-х гг. в стране шел процесс извращения позитивного имиджа украинцев. В СМИ систематически наблюдалось фальсифицирование этногенеза и истории украинского населения Словакии, поощрялась дискриминация украинцев, воспитывалась украинофобия. Параллельно шел процесс творения новой этнической реальности — четвертого восточнославянского народа «русинов», что подавалось как восстановление исторической справедливости¹. Этот процесс нашел подтверждение тенденциозными выводами ученых, которые свидетельствуют, что украинского меньшинства в ЧССР до середины XX в. никогда не было².

Уже после падения «железного занавеса» во время первой переписи населения страны (1991) пункты «украинец» и «русин» в графе «национальность» фигурировали отдельно³. Такая формулировка была использована, несмотря на то, что в опубликованном годом ранее «Этнографическом атласе Словакии» русины-украинцы выступают монолитной этнической общностью, а оба этнонима используются как синонимы⁴. Но уже в следующем фундаментальном труде (Энциклопедии на-

1 См.: *Zan M. P., Lenko P. J.* Українці Пряшівщини та Мараморощини на початку XXI ст. (словацька та румунська моделі асиміляційних процесів) // *Етнічна історія народів Європи.* — 2007. — № 23. — С. 47.

2 См.: *Sopoliga Miroslav.* Encyclopedia ľudovej kultúry Slovenska z hl'adiska prezentácie rusinov-ukrajincov // *Slovensky Narodopis* — 1995. — № 4. — С. 503—506.

3 См.: *Pekar Martin.* Identita narodnostnych menšin na Slovensku po roku 1918 v suradniciach štátnej politiky a zmluvy o ustave pre Evropu // *Evropske občianstvo a narodna identita.* — Prešov, 2006. — С. 34/52.

4 См.: *Etnografický atlas Slovenska.* — Bratislava, 1990. — 124 s.

родной культуры Словакии)¹ можно узнать, что это две разные культуры (русины — автохтоны, украинцы появились в результате политики насильственной украинизации русинов во второй половине XX в.), которым в энциклопедии посвящены отдельные статьи². Немного странным кажется тот факт, что коллектив ученых, которые принимали участие в работе над упомянутыми обобщающими трудами, фактически не изменился.

Результаты переписи 1991 г. показали, что русинами записалось приблизительно 17 тыс., украинцами — почти 14 тыс., еще более 49 тыс. граждан декларировали реально не существующий русинский язык как материнский³. Эти обстоятельства и деятельность русинских организаций («*Rusinska Obroda*» и др.) привели к быстрому «изготовлению» и реализации кодификации литературного русинского языка в 1995 г.⁴ На основе положений Закона о государственном языке 1990 г. и Закона о языках национальных меньшинств 1999 г. с середины 1990-х гг. в селах начали организовывать русинские школы⁵. Вместе с тем не было дипломированных учителей с русинским педагогическим образованием, так же как и учеников и т. п. Результатом такой политики стала деградация как украинского, так и русинского образования, значительно сократилось финансирование украинских школ при общем уменьшении их численности⁶. Среди дезориентированного населения этнических украинских земель наблюдалась тенденция сокращения украинской идентичности при одновременном росте русинской ориентации. Де-

1 См.: *Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska*.— Bratislava, 1995.— 872 s.

2 См.: *Sopoliga Miroslav*. *Encyclopedia ľudovej kultúry Slovenska z hl'adiska prezentácie rusinov-ukrajincov* // *Slovensky Narodopis* — 1995.— № 4.— S. 504.

3 См.: *Pekar Martin*. *Identita narodnostnych menšin na Slovensku po roku 1918 v suradniciach štátnej politiky a zmluvy o ustave pre Evropu* // *Evropske občianstvo a narodna identita*.— Prešov, 2006.— S. 34—52.

4 См.: *Зан М. П., Леньо П. Ю.* Українці Пряшівщини та Мараморощини на початку XXI ст. (словацька та румунська моделі асиміляційних процесів) // *Етнічна історія народів Європи*.— 2007.— № 23.— С. 47.

5 См.: Там же.

6 См.: *Kredatusova Jarmila, Kredatusov Juraj*. *Ukrajinska menšina na Slovensku súčasnosť a perspektívy* // *Evropske občianstvo a narodna identita*.— Prešov, 2006.— S. 245/253.

формация этнического самосознания приводила украинцев к желанию быстрее стать членом словацкого социума, скинуть бремя украинства — этническая идентичность вытеснялась гражданской, словацким патриотизмом¹.

Последствия политики деукраинизации и развития русинского движения продемонстрировали результаты официальной переписи в 2001 г. Украинцами себя декларировало на 3 тыс. человек меньше, чем при предыдущей переписи (около 11 тыс.), тогда как количество русинов выросло на семь тысяч (всего около 24 тыс.)².

Таким образом, на наш взгляд, с 1989 г. в стране проходит политика деукраинизации, инспирированная еще чехословацким федеральным правительством. Она не имеет целью привести к развитию демократической мультикультурной среды Словакии. Скорее наоборот — посредством метода «разделяй и властвуй» на наших глазах происходит исчезновение украинского меньшинства страны. Некоторые факторы пока что содействуют сохранению меньшинства (язык, православная и униатская вера, остатки элементов традиционной культуры). Однако реалии длительного сожительства в одной стране со словаками не приводят к значительному сопротивлению ассимиляционным процессам, особенно теперь, когда традиционная культура не играет такой охранительной роли, как было еще лет 40—50 назад.

Следует признать, что унификация есть естественное стремление каждой унитарной страны, как необходимость обеспечить территориальную целостность государства и суверенитет титульного народа. Но с другой стороны — форсирование темпов природной ассимиляции этнических меньшинств не должно быть стандартом при разрешении этноконфликтных ситуаций и проблем в XXI в.

1 См.: *Сополига Мирослав*. До питань етнічної ідентифікації та сучасних етнічних процесів українців Пряшівщини // Науковий збірник Музею української культури. Випуск 22.— Пряшів, 2001.— С. 232.

2 См.: *Kredatusova Jarmila, Kredatusov Juraj*. Ukrajinska menšina na Slovensku súčasnosť a perspektívy // *Evropske občianstvo a narodna identita*.— Prešov, 2006.— S. 245.

Александр Гронский

*канд. истор. наук, доц. каф. гуманитарных дисциплин
Белорусского госуниверситета информатики и радиоэлектроники*

Минск, Беларусь

МОЖНО ЛИ НАЗЫВАТЬ БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XX В. НАЦИОНАЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЕМ?

В настоящее время белорусская гуманитарная наука использует для обозначения некоторых прошлых реальностей термины, зачастую не соответствующие смыслу этих реальностей. Однако эти термины закрепились, обросли идеологическим антуражем и часто являются символами «борьбы за самоопределение». Мифологичность таких явлений неизбежна, однако одно дело немного идеализировать деятельность национальных групп и другое — вкладывать в их деятельность те аспекты, которые не были для них характерны. Начало XXI в. в белорусской гуманитарной науке практически ничем не отличается от всего XX в. Первые белорусские националисты начала XX в. (и даже конца XIX в.) навешали на себя положительных ярлыков (на своих оппонентов, естественно, — отрицательных), потом эти ярлыки, чуть подогнав под свою идеологию, использовала советская власть, а позже — идеологическая машина уже независимой Белоруссии. До сих пор прошлое влияет на этнополитическую ситуацию в Белоруссии, навязывая определенное восприятие, подогнанное под удобство не критического функционирования представлений о своем национальном прошлом.

Пожалуй, самая главная идеологическая проблема — это проблема дефиниций, особенно термина «национальное движение». Были ли белорусские группировки национальным движением, как об этом пишут белорусские исследователи, хотя никто из них не объясняет, почему используется именно эта терминология? Национальное движение — это «массовое движение в среде этнической группы для достижения ею своих

интересов...»¹. Однако основным признаком общественного движения — массовостью белорусский национализм не обладал. О его существовании знало абсолютное меньшинство тех, кого сами националисты определяли как белорусов. Маргинальное положение белорусского национализма не давало ему шансов на завоевание более или менее многочисленной аудитории. Положение спас лишь Октябрь (даже не Февраль) 1917 г. Таким образом, какого-то белорусского общественного движения, состоящего из сторонников отдельности белорусского этноса, не было, были лишь маргинальные националистические группировки. Белорусское движение может быть представлено в тот момент западно-русизмом — идейным течением, возглавляемым учеными и публицистами и поддерживаемым подавляющим большинством местного населения. Это течение, имея все признаки общественного движения (в первую очередь массовость), не рассматривало белорусов как нечто отдельное, а выступало за более тесное взаимодействие всех ветвей «триединого русского народа». Желание видеть белорусов не отдельной нацией, а частью русского народа в то время вряд ли можно было считать антинациональным актом. Белорусы в массе не стремились определять себя как отдельный народ, поэтому состояние «русского триединства» вполне может рассматриваться как достижение интересов этнической группы (в нашем случае народности).

Тем не менее белорусские националисты начала XX в. определяли свою деятельность именно как национальное движение, ставя ее в противовес польской и русской деятельности, которые определялись как национализм². Налицо предвзятость такого подхода, при котором своя активность называлась национальным движением и рассматривалась как нечто положительное, а активность политических оппонентов воспринималась негативно и обозначалась как национализм.

Полицейская аналитика того времени, в которой также отразились оба термина, не всегда точно различала понятия «на-

1 *Этнические* и этно-социальные категории: Свод этнографических понятий и терминов.— М.: ИЭА РАН, 1995.— Вып. 6.— С. 81.

2 См.: *Новіна А.* (Луцкевич А.) На дарозі да новага жыцця.— Пецярбург: Друкарня Пенткоўскага, 1912.— С. 10.

циональное движение» и «национализм». Так, вышедшая из под пера офицеров Департамента полиции докладная записка «Обзор революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады» (первый вариант в 1908 г. и второй, со вставками, в 1913 г.)¹ была посвящена только деятельности белорусского национализма. Хотя, исходя из названия, на ее страницах должна была рассматриваться деятельность в первую очередь польских и еврейских революционных организаций, имевших куда более заметное влияние на революционную ситуацию в Белоруссии, чем малочисленные белорусские группы. Тем не менее под «революционным движением в Белоруссии», видимо, подразумевалось только «белорусское движение». В записке под белорусским национальным движением понимаются в первую очередь националистические группы. Это можно определить по тому, что оно противопоставляется «русской консервативной группе» и «польской шовинистической группе»². Во втором варианте записки есть вставка, в которой упоминается и о западно-белорусском движении, но только о той его части, которая беспокоит политическую полицию, по каким-то причинам выступая как националистическая организация³. Видимо, для политической полиции под белорусским национальным движением понималось все же то, что связано с подозрительной деятельностью среди белорусов, т. е. то, что можно было подогнать под понятие революционного движения. В той же записке наряду с понятием «белорусское национальное движение» используется понятие «белорусский национализм»⁴. Вряд ли сотрудники политической полиции видели в этих терминах положительное или отрицательное наполнение. Для авторов записки, судя по всему, и тот, и другой термины выступали как синонимы.

Так же расплывчато использовали термин «белорусское движение» и ученые. В частности, академик Е. Ф. Карский в своем ис-

1 См.: Обзор истории революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады // Гістарычны альманах. Т. 6.— Гародня, 2002.— С. 199—203.

2 См.: Там же.— С. 202.

3 См.: Там же.— С. 202-203.

4 См.: Там же.— С. 203.

следовании «Белорусы» посвятил проблеме белорусской активности начала XX в. и ее влиянию на литературу целый параграф, который так и озаглавил: «Белорусское движение»¹. Карский не употребляет термин «национальное», он пользуется понятием «белорусское движение», которое в зависимости от сюжета рассматривает или очень широко, включая в него как националистов, так и западнорусов, или достаточно узко, когда говорит только о националистах. Во всяком случае уже только включение в параграф информации о западнорусских изданиях дает повод говорить, что для Карского белорусское движение имеет в первую очередь широкое наполнение.

Свою трактовку национального движения предложил М. Хрох. Он указал, что для того, чтобы активность членов этнической группы называлась национальным движением, нужно, чтобы эта активность преследовала три цели. Во-первых, «развитие национальной культуры, основанное на местном языке и его нормальном использовании в образовании, управлении и экономической жизни. Во-вторых, «обретение гражданских прав и политического самоуправления — сначала в форме автономии, а в конечном счете... и независимости». И в-третьих, «создание завершенной социальной структуры, пронизывающей всю этническую группу и включающей образованные элиты, классы чиновников и предпринимателей, но также, где это необходимо, свободных крестьян и организованных рабочих»².

В принципе, если переносить современные реалии на начало XX в., т. е. модернизировать историю, наполняя ее не существовавшими ранее актуализациями, то белорусский национализм подпадает под статус национального движения. Однако реалии того времени различали чехов, говоривших на языке славянской группы, которых приводит в пример М. Хрох, и немцев, говоривших на языке германской группы. То же самое можно сказать и в отношении сербов, говоривших на славянском языке,

1 См.: *Карский Е. Ф.* Белорусы. В 3 т. Т. 3. Кн. 2.— Минск: БелЭн, 2007. — С. 372—402.

2 *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://nations.gender-ehu.org/text/Horh.doc>

в то время как представители титульных наций империй, в которых жили сербы, говорили на языках германской (в Австро-Венгрии) и тюркской (в Османской империи) групп. В этом случае развитие культуры на национальном языке, использование его в образовании было более или менее обоснованным: различия в языках достаточно заметны, поэтому сложно объявить сербский ответвлением турецкого или немецкого. В Белоруссии ситуация была иная. Официальный язык и язык белорусских крестьян появились из языка жителей Древней Руси, т. е. были очень близки. Собственно белорусский язык в то время официально являлся диалектом русского. Поэтому развивать образование, управление и экономическую жизнь на диалекте ни для кого не имело смысла. Ведь никто не требовал, например, переводить администрацию Архангельской губернии на поморский говор, а экономическую жизнь Вологодской губернии на своеобразное вологодское произношение, или тогда придется считать такие гипотетические попытки также развитием национальных архангельского или вологодского движений. Белорусская реальность начала XX в. не могла пользоваться категорией «местный язык», имея в виду язык в полном смысле этого слова. Для того чтобы заявить о своих требованиях перевода жизни на белорусскую речь нужно было еще доказать, что она является именно языком, а не диалектом. Поэтому первый пункт определения М. Хроха для белорусской ситуации, мягко говоря, подходит слабо.

Вторая функция национального движения, наверное, более всего соответствует деятельности белорусского национализма. Он как раз выступал за обретение гражданских прав, а кроме того, был не прочь получить и политическое самоуправление в форме автономии.

Еще одна функция национального движения, по мнению Хроха,— создание завершенной социальной структуры нации. В этом отношении опять нужно напомнить о переносе современных понятий на прошедшую ситуацию. В начале XX в. белорусы воспринимались гуманитарной наукой как часть русского народа. Белорусские националисты, доказывая отдельность «своего» народа от остальных «русских племен», естественно претендовали на статус национальной элиты, т. е. стремились

создать, со своей точки зрения, завершенную национальную структуру. Однако в реалиях того времени белорусы все-таки были частью русского народа, а у русских была завершенная социальная структура, они имели не только свою интеллигенцию, предпринимателей, но и дворянство, даже император — лицо, имевшее самый высший статус в России, тоже входил в верхушку русской национальной структуры. т. е. белорусским националистам стать белорусской элитой было выгодно в первую очередь для себя. Своими пропагандистскими действиями они пытались подменить собой русскую элиту, но не для всего «триединого русского народа», а лишь для его части. Именно поэтому можно сделать вывод, что для белорусских националистов актуально было в первую очередь не создание законченной социальной структуры, а разрушение прежней, общерусской.

В целом белорусский национализм не может быть описан как национальное движение по методике М. Хроха. Между попытками создания законченной социальной структуры и реальной ситуацией того времени была пропасть шириной в научные исследования, подтверждавшие существование «триединого русского народа» и принимавшиеся как объективное утверждение большинством российских интеллектуалов.

Если использовать терминологию обозначения белорусского национализма начала XX в. со словом «движение», то скорее можно применить термин «квазидвижение», поскольку национализм состоял из нескольких группировок (что естественно для движения), но эти группировки не имели абсолютно никакого влияния на массы (что полностью противоречит понятию общественного движения).

Екатерина Бабосова
аспирант Института социологии
Национальной академии наук Беларуси

Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИОННЫХ УСТАНОВОК НАУЧНЫХ КАДРОВ НАН БЕЛАРУСИ

В условиях перехода республики Беларусь на инновационный путь развития экономики и других сфер общественной жизни большое значение приобретает расширение масштабов вовлеченности молодежи в научную деятельность, а также исследование миграционных устремлений молодых ученых. Поэтому существенно актуализируется исследование мотивационной структуры ориентации молодых людей на профессиональное занятие научной деятельностью, возможных способов и путей влияния на эту структуру. Если руководители научно-исследовательских учреждений будут лучше знать, что именно мотивирует вовлеченность молодежи в научную деятельность, они смогут разработать и практически применять более эффективные способы плодотворной работы в научных организациях и активного вовлечения в их деятельность молодых людей, а также предотвратить отъезд за рубеж навсегда перспективных молодых ученых.

За время, прошедшее после распада Советского Союза, проблема миграции научных кадров приобрела для Беларуси актуальное значение. Достаточно напомнить, что общая численность эмигрантов-ученых и преподавателей вузов в 1996—2005 гг. составила 701 человек (из них 51 докторов и 289 кандидатов наук). В 2005 г. из нашей страны эмигрировали или остались за границей после временного пребывания 54 научных работника и вузовских преподавателя. Причем в последние годы наблюдается снижение эмиграции научной элиты и профессуры вузов и научных организаций (рис. 1).

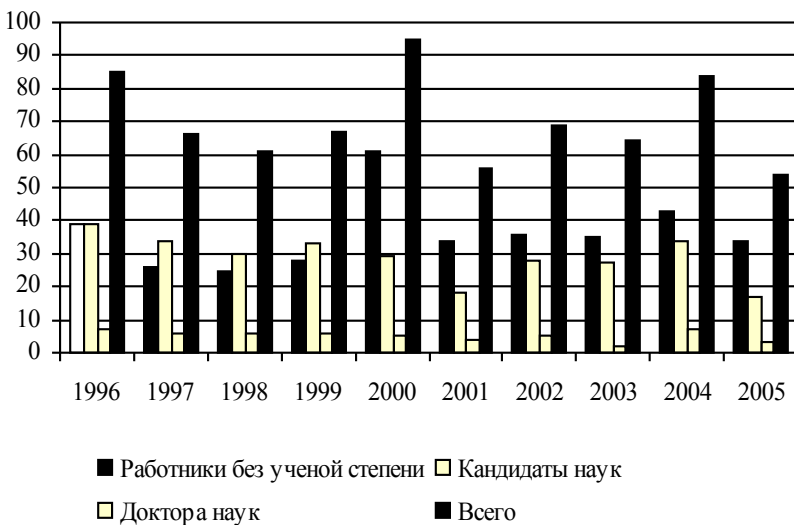

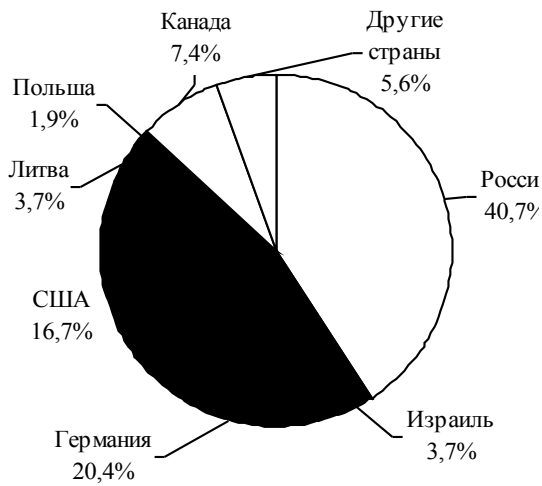
Рис. 1. Динамика численности научных, научно-педагогических работников и аспирантов, эмигрировавших из Республики Беларусь, по странам выезда в 2001—2005 гг.

К настоящему моменту в научной сфере одной из ведущих проблем является процесс старения научно-исследовательских кадров, который вызван оттоком из науки лиц более молодых возрастов и отсутствием достаточного для нормального воспроизводства кадров притока молодежи. В силу особого характера труда в научной сфере приход в науку лиц среднего возраста из других отраслей экономики ограничен. А это значит, что в отличие от иных сфер деятельности фактически единственным источником обновления кадров здесь является приток молодежи. Таким образом, ключевой вопрос решения проблемы кадрового кризиса в науке — создание действенных условий для привлечения и закрепления молодых специалистов. Необходимо сохранить и упрочить наметившуюся в данном направлении положительную тенденцию, выразившуюся в том, что в 2005 г. по сравнению с 2004 г. численность научных работников в Беларуси возросла на 5,1 %. На фоне продолжавшегося много лет старения научных кадров несомненно положительным выглядит тот факт,

что с 2000 по 2005 г. в республике количество кандидатов наук из числа исследователей в возрасте до 29 лет увеличилось на 42 %, а в Национальной академии наук — вдвое. Если рассмотреть этот процесс в общереспубликанском масштабе, то оказывается, что за пять последних лет число молодых ученых возросло в Беларуси на 20 % и составляет сегодня почти 2,5 тыс. человек. В некоторых институтах процент молодых исследователей увеличился до 20—25 %, что считается оптимальным показателем.

За последнее десятилетие существенно изменилась география и интенсивность миграционных устремлений, ориентированных на те или иные страны. Если в 1995 г. основная масса исследователей и преподавателей вузов была ориентирована на США, куда выехало 25 научных сотрудников, то спустя 10 лет наибольшее количество этой категории работников выезжает в Россию, куда в 2005 г. выехало 22 научных сотрудника. За эти же годы снизилось количество исследователей, выезжающих в Израиль, с 12 до 2 человек, а количество ученых, иммигрировавших в Германию, увеличилось с 2 до 11 (рис. 2).

В 2006 г. в рамках государственной программы «Научные кадры» группой сотрудников Института социологии НАНБ было организовано и проведено социологическое исследование в ряде научных учреждений всех отделений Академии наук по теме «Социально-экономическое положение научных работников и перспективы их научной деятельности». При организации исследования был поставлен ряд задач, касающихся различных аспектов научно-исследовательской деятельности научных кадров НАН Беларуси, среди которых исследовались миграционные устремления и причины миграции научных работников. Было опрошено 578 научных сотрудников, среди которых доля респондентов в возрасте до 30 лет составила 139 человек. В рамках данного исследования в общем массиве респондентов из этой возрастной когорты насчитывается 207 кандидатов наук и 143 человека, закончивших аспирантуру. Такой состав респондентов позволяет сделать вывод о высокой степени репрезентативности полученных эмпирических данных.

2001 г.

2005 г.

Рис. 2. Изменение географии миграционных устремлений научных работников и вузовских преподавателей Беларуси

Анализ данных, полученных при ответе на вопрос: «Имеете ли вы планы уехать за границу навсегда или на определенный срок?», показал следующее — 65,1 % опрошенных не имеют планов уехать за границу навсегда или на определенное время, 11,3 % респондентов выразили намерение выехать за рубеж на определенный срок (10,6 % от всего количества опрошенных) или навсегда (0,7 % от всех опрошенных). Среди респондентов, которые намеревались уехать на определенный срок, 9,9 % опрошенных хотели бы уехать с целью работы по контракту, а 0,7 % — уехать и продолжить учебу в аспирантуре или магистратуре.

На вопрос анкеты: «Если Вы хотите уехать за границу для работы по контракту, то какие причины побуждают Вас к этому?» были получены следующие ответы: основной причиной, порождающей планы выезда исследователей за границу для работы по контракту, является их профессиональный интерес (50,0 % от общего количества респондентов), низкая социальная и материальная оценка научного труда (42,4 %) и невозможность обеспечить себе достойную жизнь на родине (37,3 %). Также к выталкивающим факторам относится желание обеспечить будущее детям, дать им хорошее образование (22,0 %). Чаще всего ученые и специалисты покидают свою страну в пользу другой, если находят там более высокое материальное вознаграждение, более широкие возможности для творчества и саморазвития, лучшее лабораторное оборудование, более комфортные бытовые условия. Здесь необходимо иметь в виду, что существуют большие различия в оплате труда высококвалифицированных кадров, занятых в научно-исследовательской сфере в России, Беларуси и других странах бывшего социалистического содружества, с одной стороны, и в развитых странах — с другой.

Установка на миграцию за рубеж во многом зависит от пола респондента. Данные опроса показывают, что ученые-женщины не так сильно склонны к миграции, как ученые-мужчины. Среди мужчин-исследователей 12,4 % опрошенных имеют установку на работу за границей по контракту, а среди женщин этот показатель составляет 7,3 %. Стоит добавить, что доля мужчин, у которых нет планов уехать за границу навсегда или на определен-

ный срок, меньше доли женщин, не имеющих таких планов, и составляет 60,0 % у мужчин и 70,4 % у женщин.

Тревожным показателем является то, что больше всего на временную миграцию за границу нацелены молодые исследователи в возрасте до 30 лет. Среди опрошенных молодых людей 14,5 % респондентов намереваются выехать для работы по контракту и 1,4 % опрошенных хотят учиться в аспирантуре или магистратуре. Если сравнить миграционные устремления исследователей до 30 лет с прочими группами опрошенных, результатом является то, что в других возрастных группах миграционные установки выражены значительно слабее. До уровня 0,9—0,7 % снижается доля планирующих учебу в заграничной аспирантуре (магистратуре) в возрастных группах 31—40 и 41—50 лет и тех, кто нацелен на эмиграцию (до 0,7 % в возрастной группе 41—50 лет и отсутствие таковых в возрасте 31—40 лет). Что касается работы по контракту, то в возрастной группе 31—40 лет также наблюдается уменьшение доли исследователей, планирующих выехать с этой целью (10,2 %), однако в следующем возрастном интервале (41—50 лет) доля таких исследователей не только не уменьшается, но даже наблюдается небольшой рост до 10,5 %.

Давая общую оценку интеллектуальной миграции научных кадров в зарубежные страны, следует отметить, что за последние годы в Беларуси произошли некоторые положительные сдвиги. Можно сделать вывод о том, что установка на миграцию за рубеж у исследователей НАН Беларуси является слабой, так как выразили желание уехать из страны навсегда или на время лишь 11,3 % респондентов. Также стоит отметить как положительный факт снижение количества научных сотрудников и преподавателей вузов, выезжающих на постоянную работу в зарубежные страны. В частности, за последние два года численность докторов наук, уехавших на постоянную работу в страны дальнего зарубежья, уменьшилось более чем вдвое, кандидатов наук — в два с половиной раза. Этому содействует система закрепления кадров, созданная и функционирующая в Национальной академии наук, благодаря чему миграция ученых в другие страны и сферы деятельности не только стабилизировалась, но и имеет тенденцию к сокращению.

ВЛАСТЬ И ЭТНОПОЛИТИКА

Оксана Бессчетнова

*канд. социол. наук, доц. каф. социальной работы
Балашовского филиала Саратовского государственного университета
им. Н. Г. Чернышевского
Балашов, Россия*

РУССКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ¹

Внутренняя политика государства в отношении этнических общностей и межэтнических отношений обычно называется этнической политикой. Главной задачей государственной национальной политики является согласование интересов всех проживающих в стране народов, обеспечение правовой и материальной основы для их развития на базе добровольного, равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. Этнополитика России имеет давнюю историю.

До середины XVII века Россия, как и многие страны Европы, была многонациональным государством, однако расширение границ в XVIII—XIX вв. привело к тому, что страна превратилась в многонациональную империю, в которой доля русского населения оказалась в меньшинстве. Если в 1646 г. на долю русского этноса приходилось около 95 % всего населения страны, то к 1914 г. — 44,6 %, а на долю около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку и культуре, — 55,4 % населения. Одними из самых многочисленных народов, проживавших на территории Российской империи в 1719 г. были украинцы — 12,9 %; белорусы — 2,4 %; эстонцы — 2 %; татары — 1,9 %; чуваша — 1,4 %; калмыки — 1,3 %; башкиры — 1,1 %; латыши и финны — по 1 %;

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках регионального научно-исследовательского проекта РГНФ «Национальные семейные традиции народов Поволжья в культурно-историческом наследии России (на примере Саратовской области)», грант № 08-03-27307a/B.

мордва — 0,7 %; немцы — 0,2 %¹.

Несмотря на различия в традиционной культуре многочисленных народов, возникновение конфликтов между ними, открытые выступления против царских указов, Российская империя вплоть до революции 1917 года никогда не испытывала существенных потрясений на межнациональной почве. Этому способствовала грамотная национальная политика, сущность которой заключалась в следующем.

Во-первых, при присоединении народов, имевших государственность, заключался формальный договор; при отсутствии таковой дело ограничивалось принесением присяги на верность русскому царю. Добровольное присоединение осуществлялось в форме протектората, переходившего со временем в полное подчинение. В случае покорения и захвата территорий в военных походах административное и общественное устройство завоеванных областей зависело от воли России, которая обычно предоставляла завоеванной области широкую автономию, не приводившую к ее обособлению в отдельное государство. Основным принципом политики на завоеванных территориях было сохранение существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры.

Во-вторых, центральное правительство Российской империи широко сотрудничало с нерусскими элитами, которые в большинстве своем получали права русского дворянства, примером чему может служить Левобережная Украина, в результате присоединения которой украинская элита вошла в состав российского дворянства на равных с ним правах.

В-третьих, национальность не являлась критерием для продвижения по социальной лестнице, благодаря чему между социальным статусом и национальностью отсутствовала связь, поэтому политическая, военная, культурная и научная элиты России были многонациональными.

В-четвертых, национальная политика предусматривала создание некоторых преимуществ в правовом положении нерусских эт-

¹ См.: *Миронов Б.* Кому на Руси жилось хорошо / Б. Миронов // *Родина.* — 2003. — № 7. — С. 13.

носов по сравнению с русскими. Например, у нерусских народов отсутствовало крепостное право; до введения всеобщей воинской повинности большинство нерусских народов Сибири, Средней Азии и Европейского Севера было освобождено от службы в армии; другие народы — молдаване, немцы, белорусы, марийцы, мордва, чуваша имели существенные льготы; кроме того, предусматривались льготы в сфере налогообложения¹.

Несмотря на ряд положительных моментов существования многонационального Российского государства, существовал комплекс проблем, который привел к кризисным явлениям внутри общества: значительная «свобода» входящих в Российскую империю территорий привела к отсутствию единой администрации, законов, прав и обязанностей всех подданных империи, невозможности контролировать ее автономные области. Под влиянием необходимости и требований модернизации российское правительство с 1860-х гг. стало проводить последовательную политику в области управления, интеграцию всех частей империи в единое национальное государство, правовое, административное, культурное и экономическое пространство. Из-за большого числа этносов интеграция проводилась под флагом русификации, так как моделью для унификации служили административные, правовые и политические порядки, установленные в губерниях Центральной России. В то время русификация рассматривалась и в действительности была средством увеличения социальной интеграции, а русский язык выступал в роли языка модернизации.

Несмотря на предпринимаемые усилия, более двухсот этносов до октября 1917 г. так и не смогли стать единым российским национальным государством из-за недостатка времени, больших различий в культуре и уровне социально-экономического развития этносов, а также вследствие политических ошибок, недостатка административных ресурсов правительства, роста революционного и национального движения и нестабильности в обществе. В результате политика централизации, унификации и интеграции вызвала взрыв этнического протеста, рост оппозиции, для подавления которых у правительства не хватало ни административных,

¹ См.: *Миронов Б.* Указ. соч.— С. 14.

ни финансовых ресурсов. Таким образом, с одной стороны, не возникло согласия членов российского общества в отношении общих ценностей, с другой — обострились давние конфликты и противоречия, что привело к распаду империи.

Длительное соседство многочисленных народов в составе Российской империи на протяжении нескольких веков оказало существенное влияние как на развитие титульной нации, так и на формирование других наций и народностей, входящих в ее состав. Говоря о положительных и отрицательных моментах такого соседства, следует отметить, что Россия обеспечивала безопасность всем этносам, помогая им развиваться. В составе России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли это сделать, будучи самостоятельными.

Победа октябрьской революции в Москве и Петрограде в 1917 г. имела решающее значение для установления Советской власти на всей территории страны, а также в Прибалтике и Белоруссии. Однако наиболее трудно смена власти проходила на Украине, Кавказе, в Молдавии, Средней Азии, Казахстане. Наряду с решением социально-экономических, политических, оборонных и других задач, новое правительство большевиков приступило к ликвидации национального гнета и неравенства. Так, в ноябре 1917 г. была принята «Декларация прав народов России», которая провозгласила равенство и суверенность народов, их право на самоопределение. Советское правительство признало государственность Финляндии и Польши, которые впоследствии отделились от России и образовали самостоятельные государства, а также Украины и Прибалтики, которые в 1922 г. вошли в состав СССР. К тому времени на территории Советского Союза существовало 33 национально-государственных и национально-автономных образования, чье дальнейшее развитие было связано с проблемами взаимоотношения «центра» и «периферии»¹. К концу XX в. «на территории СССР проживало более 100 наций и народностей различных по языку, культуре, особенностям быта, общности исторических судеб... Языки коренных народов СССР были распространены в

¹ См.: *Мунчаев Ш. М., В. М. Устинов.* История России: Учеб. для вузов. — 3-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2004. — С. 442.

15 союзных, 20 автономных республиках, 8 автономных областях и 10 автономных округах»¹. Однако несмотря на получение республиками статуса суверенных государств, наличие собственной конституции и финансово-бюджетной политики по Конституции РФ 1993 г., национальный вопрос продолжал оставаться одним из самых острых.

Распад на пороге XXI в. крупнейшей многонациональной державы — СССР, сочетавшего в форме своего устройства национально-государственные и территориально-административные элементы, не мог не привести к всплеску национальных проблем и обострению этнического самочувствия населявших его народов, о чем свидетельствуют этнополитические и территориальные конфликты на постсоветском пространстве в Азербайджане, Армении, Молдавии, Грузии, Чечне и т. д.². На смену СССР в ноябре 1992 г. пришло СНГ — Содружество Независимых Государств, каждое из которых торопилось стать независимым, иметь свою собственную внешнеэкономическую политику, получить дипломатическое признание внешнего мира. Стремление республик окончательно освободиться от «попечения» Центра осуществлялось в обстановке глубокого экономического кризиса, низкого уровня жизни населения, нестабильности, массовых выступлений, невыплаты заработной платы, безработицы, инфляции. Все это привело к обострению конфликтов на межнациональной и религиозной почве, подчас порождая раскол внутри самих республик, грозя их уничтожению. Получив независимость и самостоятельность, многие республики бывшего СССР столкнулись с огромным количеством разноплановых проблем из-за отсутствия у них опыта самостоятельного развития, спада производства, неразвитости политической системы, институтов власти, политических партий и т. д. Так, говоря о современной Украине, по утверждению В. Г. Городяненко, «...резкое обострение политического противостояния обусловило дестабилизацию государственного устройства и рост социальной конфронтации», которая с самого начала осложнялась серьезными культурно-историческими отличиями между западными и юго-

1 Мунчаев Ш. М., В. М. Устинов. Указ. соч.— С. 456—457.

2 См.: Рыбаковский Л. Л., Е. П. Сигарева, Н. Н. Харланова. Этнический фундамент населения России // Социс.— 2001.— № 4.— С. 96.

восточными регионами страны. «За годы независимости действие этих факторов не только не ослабло, но и усилилось, в результате раскол внутри украинской нации проходит почти по всем определяющим показателям: ценностно-мировоззренческим, культурно-языковым, политико-идеологическим, конфессиональным, межэтническим и региональным»¹. «С одной стороны, современное Украинское государство развивается на социально-экономической и культурной основе СССР, с другой стороны, под влиянием внутривнутриполитического раскола, официальная идеология предпочитает не обращать внимания на преемственность УССР с независимой Украиной, отрицает совместное историческое прошлое России и Украины, усиливая экстремистские настроения, вызывая эскалацию межэтнических, языковых и религиозных конфликтов. И это несмотря на то, что по данным последней переписи населения в России проживает около 4 млн. украинцев, а число тех, кто имеет украинские корни, достигает 20 млн человек»².

Россия не только выиграла от ликвидации Союза, но и потеряла, если сравнивать геополитическое положение, которое имело Российское государство до октября 1917 г. «Ее территории сжались, западные границы отодвинулись на восток»³, она утратила важные выходы к морю, [была] вынуждена разрешать территориальные претензии бывших союзных республик — Балтии, Украины и др., оказывать патронаж новым независимым государствам; защищать права граждан России от дискриминации по национальному признаку в странах СНГ. Тем не менее Россия всегда стремилась к добрососедским, партнерским отношениям со всеми народами. Национальная политика только в том случае станет консолидирующим фактором, если будет отражать все многообразие интересов народов России, в том числе и этнокультурные.

1 *Городяненко В. Г.* Проблемы консолидации украинского общества на современном этапе // Социс.— 2007.— № 2.— С. 15.

2 *Городяненко В. Г.* Там же.— С. 16.

3 См.: *Мунчаев Ш. М., В. М. Устинов.* Указ. соч.— С. 446.

Константин Тендит

*канд. филос. наук, доц. Комсомольского-на-Амуре
государственного технического университета*

Комсомольск-на-Амуре, Россия

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ КАК КУЛЬТОВАЯ ИДЕЯ СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ

Одним из важнейших аспектов формирования национальной политики России в XX веке стало значительное присутствие в ней культовой составляющей в виде устойчивой культурно-идеологической традиции в лице культа коммунистического (социалистического) интернационализма.

Марксизм, провозглашая идею мировой революции, свою этнополитическую доктрину базировал на учении о коммунистическом интернационале. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — гласил призыв, с которым к рабочим всех стран обратились К. Маркс и Ф. Энгельс в своем Манифесте коммунистической партии. Это же воззвание стало лозунгом на гербе Союза Советских Социалистических республик, написанное на языках народов, входящих в состав Советского союза. Согласно теории коммунистического интернационала, коммунизм не может возникнуть в одной взятой стране, в среде одного из многочисленных народов мира. Коммунизм может наступить только в том случае, если объединить усилия и ресурсы всех стран и народов. Причем объединение это должно произойти в ходе всемирной пролетарской революции, так как господствующий класс не отдаст в руки рабочих свою собственность на средства производства. Поэтому интернациональный союз пролетариев разных стран и национальностей в борьбе за свержение капитализма и установление коммунизма должен стать основным содержательным элементом любой национальной политики, которую будет вести государство диктатуры пролетариата. Однако в данном тезисе ясно подчерки-

вается классовый характер коммунистического интернационала, провозглашенного марксизмом. Интернациональная дружба возможна лишь между рабочими разных стран, а в отношении «империалистической буржуазии» пролетариат должен испытывать ненависть, а если это пролетариат угнетенных стран (колоний или доминионов), то данная ненависть должна иметь и националистический характер. Национально-освободительное движение в этих странах, по мнению классиков марксизма, должно перерасти в пролетарскую революцию, в которой революционный рабочий класс развитых капиталистических стран поддержит своих «братьев» в угнетенных странах.

Таким образом интернационализм, будучи одной из основополагающих частей учения марксизма, становится базовым принципом, на котором строилась внешняя и внутренняя политика в советском государстве. Он, как и многое другое в марксизме, был принят на веру, став по сути культовым догматом, который ни в коем случае нельзя было подвергать сомнению. Однако практика показала обратное. Ленинизм, а затем и сталинизм, исходя из реалий тех социально-революционных процессов, с которыми столкнулось советское руководство в годы социалистического строительства, вынуждены были внести существенные поправки в данный принцип пролетарского интернационализма.

В. И. Ленин, учитывая слабость и малочисленность пролетариата в России, еще в годы первой русской революции взял курс на сближение с трудовым (беднейшим) крестьянством, трансформировав лозунг марксизма на «Трудящиеся всех стран, соединяйтесь!». Под этим лозунгом совершалась Октябрьская социалистическая революция, он же стал девизом и первого пролетарского государства. В дальнейшем по мере «очищения рядов» крестьянства от «кулацкого элемента» уточнение, что пролетариат заключил союз с беднейшим крестьянством, стало уже неактуальным. Таким образом в круг интернациональной дружбы было включено и крестьянство всех стран. Поэтому лозунг о пролетариате в том виде, в каком его понимали К. Маркс и Ф. Энгельс, уже не ставился: под пролетариатом в III коммунистическом интернационале понимались трудящиеся вообще — это и рабочие, и крестьянство, и даже коммунистическая

интеллигенция.

В первые годы советской власти большевистское руководство все еще лелеяло мечту о мировой революции и братском интернациональном единстве трудящихся всех стран. Интернационализм стал национальной доктриной для новой Советской империи рабочих и крестьян. Однако отрезвление пришло сразу после Советско-польской войны (1919—1920), когда трудящиеся Польши, в том числе и революционный рабочий класс, поднялись на защиту своей родины от имперских устремлений РСФСР. В лице Польши большевики получили как раз пример национально-освободительного движения в защиту своей независимости, с таким трудом полученной в ходе революционных событий 1917 года. Такой же урок наша страна получила в ходе «Зимней» Советско-Финляндской (1939—1940) войны. Советское руководство хорошо поняло — на штыках революцию в Европу принести не удастся. Кроме того, в среде рабочего класса после Первой мировой войны стали зреть националистические настроения, в Европе стали возникать националистические революционные рабочие партии (фашисты в Италии, национал-социалисты в Германии, франкисты в Испании и так далее). Естественно, что данные движения ни в коем случае не могли стать союзниками коммунистического интернационала, так как хотели социализма только для своих народов в ущерб остальным народам. Поэтому советское руководство в дальнейшей внешней этнополитике взяло курс на «интернациональное воспитание» своего союзника в лице «трудового элемента» зарубежных стран. Необходимо было через систему Коминтерна подготовить трудящихся других стран (причем не только капиталистических, но и развивающихся) к захвату власти и осуществлению мировой революции.

Ленинская внутренняя национальная политика строилась в основном на принципе «не навредить» межнародной дружбе между союзными республиками. Боясь возникновения сепаратизма на национальной почве, В. И. Ленин категорически отверг сталинское предложение о культурной автономии народов СССР и положил в основу право наций на самоопределение. Этот принцип, по мнению Владимира Ильича, также создавал

благоприятную возможность для расширения Советского Союза за счет других стран, но именно это право станет в будущем юридическим основанием для сепаратистских устремлений и раскола СССР в годы перестройки.

И. В. Сталин, оказавшись пред фактом несвершившейся мировой революции, отказавшись от идеи Л. Д. Троцкого о перманентной революции, решает строить социализм в отдельно взятой стране. В качестве одного из идеологических обоснований возможности такого строительства Иосиф Виссарионович выдвигает фактор интернационального единства пролетариата Советского Союза. Не стоит забывать, что сталинизм — это прежде всего догматическое учение и обоснование всякой идеи, которое должно было строиться на развитии изначальных принципов марксистско-ленинского учения. И хотя в основе коммунизма лежало объединение трудящихся всех стран, социалистическое строительство вполне могло начаться в интернациональной среде достаточно большого региона, включающего обширную территорию и многонациональное население. СССР как раз отвечало подобным требованиям — это был интернациональный союз нескольких стран и народов, поэтому вполне можно было допустить, что социализм в этом государстве может быть построен. Кроме того, по мере продвижения социалистического строительства в круг «братских народов» могли включаться и другие страны, в которых победит национальная революция и которые в качестве своей цели выберут социализм и коммунизм. В круг таких потенциально союзнических стран в тот период (30—50 гг. XX в.) включались прежде всего Китай и Монголия.

Параллельно во внутренней политике велась работа по укреплению интернационального единства страны. По мнению И. В. Сталина, право наций на самоопределение должно было стать лишь красивым принципом, но не самой возможностью для подобных политических устремлений. Центральный аппарат партии сосредоточил в своих руках фактическое руководство СССР. Союзные правительства, по сути, были превращены в марионеточные кабинеты, не обладающие никакой реальной властью. Однако дабы не возбуждать излишнего недовольства в народной среде, республикам фактически была дана культурная ав-

тономия. Интернационализм становится культовым идолом советской пропаганды. Везде и всюду подчеркивалась братская любовь народов СССР: об этом снимают игровое кино, которое становится культовым для советских людей (вспомним замечательный фильм И. А. Пырьева «Свинарка и пастух», 1941 г.), дома и на работе люди поют культовые песни о дружбе народов. Создавались клубы интернациональной дружбы, собирались международные форумы и фестивали. Многонациональное руководство страны с экранов и фотографий щеголяет в национальной одежде республик Союза ССР, встречается с хлопкоробами Средней Азии, нефтяниками Азербайджана, белорусскими крестьянами, украинскими шахтерами и так далее. С малых лет в советских людях воспитывалось чувство любви и уважения ко всем культурам СССР. В советской культуре всячески подчеркивался интернациональный характер империи трудящихся народов СССР, а в качестве понятия для обозначения Союза официальная риторика начинает использовать слово «страна» (если раньше говорилось о союзе стран, то теперь говорится лишь о союзе народов). Для устранения возможных сепаратистских устремлений в среде различных народов, особенно малочисленных, так как в силу закона самосохранения эти народы стремятся к обособленности своего существования, сталинская система проводила политику русификации населения. Культурная элита этих малых народностей через обучение в Москве и Ленинграде на факультетах народов Севера подвергалась культовой альтернации. Это была вынужденная мера из-за того огромного, во многом пассивного, сопротивления, которые данные народы оказывали социалистическому строительству на своей территории (коллективизация и культурная революция среди народов Севера и Дальнего Востока официально закончилась только в 50-е гг. XX в.).

Русская культура для этих людей становилась культовой реальностью, которую они внедряли у себя на родине через систему школьного обучения и воспитания. Недовольные сталинской национальной политикой народы подвергаются принудительному переселению в неосвоенные регионы страны, а потенциально недовольные подвергаются расселению и смешению с другими этносами. При этом, будучи «правоверным» марксистом, И. В. Ста-

лин все-таки постоянно подчеркивал, что когда мы говорим об интернационализме, речь идет о дружбе трудящихся, а интернационализм для всех — это, в его понимании, космополитизм, явление негативное, контрреволюционное, с которым следует нещадно бороться, так как оно стремится к смягчению классовых противоречий, а следовательно, препятствует развитию коммунизма в мире.

Фактически И. В. Сталин за годы своего правления сумел воплотить в жизнь свои идеи о культурной автономии народов, входящих в социалистическое государство. У республик Союза ССР оставалось лишь право на культурную самоидентификацию, а в дальнейшем (в эпоху Л. И. Брежнева) советское руководство и вовсе возьмет курс на политику создания особой нации «советский народ» и, в принципе, в этом вполне преуспеет.

Говоря об интернационализме сегодня, мы четко понимаем, что данное слово относится к уже ушедшей эпохе советской истории. Однако если не видеть в нем той политической составляющей, которая, конечно же, была ведущей линией в формировании чувства «интернационального долга» у советских людей, то интернационализм может стать, пожалуй, единственным решением той государственной проблемы, с которой столкнулось наше руководство в последнее время. Идеология интернационализма показала свою политическую эффективность в процессе управления многонациональным населением России при решении задач по предотвращению распространения идей сепаратизма и космополитизма (в сегодняшней риторике глобализации) среди народов нашей страны. Кроме того, интернациональная культурная альтернатива на основе привития российской культуры представителям других национальностей позволяет легко их интегрировать в систему нашей жизни, не подвергая опасности нашу культурную традицию. Ведь пройдя систему российского образования, какой бы национальности не был ребенок, он фактически становится «русским»: он усваивает «русский язык», «русскую литературу», «русскую историю», «русскую музыку». Пример подобной интеграции можно увидеть в лице «русских корейцев», которые сегодня лишь фенотипом отличаются от нас, а душой они вполне «русские люди».

Современное российское общество в своем большинстве состоит из людей, воспитывавшихся и сформировавшихся в советское время. Во многих из нас еще живут культовые традиции социалистического образа жизни. Старшее поколение вспоминает советское прошлое как некий утраченный «золотой век». Истоки современного постсоветского сознания лежат в культовом сознании советских людей, и если мы сменили идеологические идеи коммунизма на идеи демократии и либерализма, это не значит, что мы в одночасье избавились от того, что определяло жизнь не одного поколения наших предков, поэтому интернационализм в качестве национальной доктрины еще может послужить нашей стране.

Жанна Кыдыралина

*канд. истор. наук, доц. каф. политических технологий
Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан*

Астана, Казахстан

ЭТНИЧНОСТЬ, НАЦИОНАЛИЗМ И ВЛАСТЬ

Историческая и современная практики показывают, что феномены этничности и национализма не утратили ни актуальности, ни остроты. Все чаще они ассоциируются с национальным сознанием, идейно-политической и духовной жизнью вообще, в том числе с патриотизмом, идеями и практикой национальной солидарности и нациестроительства, укрепления государственности.

«Этничность», «этническая идентичность» и «национализм» относятся к числу многогранных и сложных понятий, не имеющих единых общепризнанных определений. Под этничностью принято понимать форму социальной организации культурных различий, совокупность культурных черт, характерных для той или иной этнической общности. Иногда вместо понятия «этничность» используется синоним «этническая идентичность». Под этнической идентичностью, как известно, понимается осознание своей принадлежности к определенной этнической общности, переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделение себя от других. Иными словами это выражено в другом определении: «... это самоопределение индивида, вырабатываемое в ходе когнитивно-эмоционального процесса, в ходе производимой им идентификации/дифференциации в социальном пространстве относительно множества представленных этносов»¹.

Термин «национализм» называется некоторыми авторами сим-

¹ *Зверев А. Л.* Этническая идентичность в условиях политической трансформации постсоветского периода: политико-психологический анализ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. «Политические науки». — 2006. — № 1. — С. 29.

волом, и как символ он неоднозначен, не определен. Этот термин принадлежит к числу слов, по поводу значения которых еще идет острая борьба. Одни авторы пишут о национализме с явной симпатией, другие — со столь же явной антипатией. По-видимому, удержаться от проявления личных эмоций, когда затрагиваются такие деликатные вопросы, как этническая (национальная) идентичность и солидарность, вообще невозможно. Та или иная языковая традиция употребления данного термина также накладывает отпечаток на его восприятие и интерпретации. К примеру, в англо-американской литературе распространено нормативно-нейтральное понимание национализма, не содержащее оттенка ни неодобрения, ни одобрения. Как известно, Э. Геллнер дал блестящие идеи и суждения о естественной природе национализма, формах его проявлений. Он рассматривал национализм и как политическую идеологию и практику массовых движений, и социально-психологическую характеристику масс, и индивидуальное сознание¹.

Эволюция национализма на протяжении двух последних столетий в бывшем СССР и на постсоветском пространстве показывает историческую изменчивость его смыслового содержания. Особый подход коммунистическая идеология выработала не только к термину «национализм», но и в целом к национальному (этническому) вопросу. Приоритетными для нее, как известно, являлись не права личности, а сфера классовых отношений и политика пролетарского интернационализма. Несмотря на свою «коллективистскую» основу, фактор этничности (национальности), в силу присущего ему «надклассового» характера, оценивался в теории строительства социализма негативно.

Такой же строго отрицательный смысл имело в советский период понятие «национализм». Национализм в СССР был враждебной социализму силой. С национализмом как буржуазным явлением, политикой и идеологией велась самая беспощадная война. Тоталитарным режимом в корне пресекались любые проявления национальных чувств, если они были направлены на защиту национальных традиций, языка, культуры, требо-

¹ См.: Геллнер Э. Нации и национализм // Вопросы философии.— 1989. — № 7.— С. 123.

вали полного учета национальных интересов. Все это расценивалось как «национализм», «националистические проявления».

Характеризуя современный уровень знаний о национализме, следует отметить, что существуют различные подходы и оценки его различных проявлений и свойств. Выявлено множество граний национализма: как психологии, политики, идеологии, социальной практики и др. Восприятие его зависит и от того, живем мы в бывшей метрополии или бывшей колонии, принадлежим этнокультурному большинству или меньшинству и т. д. К примеру, в казахском языке для выражения естественного чувства уважения к национальному, любви к своему народу и его культуре есть несколько терминов («ултшыл», «ултжан» и др.), в которых нет ничего отрицательного. В этих понятиях нет выражения этнического эгоизма и исключительности, пренебрежения к другим этносам и противопоставления своей культуры иным культурам.

Однозначно лишь, что центральное место в восприятии данной категории как политической идеологии и практики занимают интересы нации. Национализм отражает устремления нации.

Многолетний теоретический дискурс по проблемам национализма, так же как и по проблемам нации, этничности между примордиалистами и конструктивистами, все еще продолжается. Некоторые серьезные авторы уверены в невозможности построения единой универсальной теории национализма, ибо, по их мнению, существуют разные национализмы.

Таким образом, сегодня признается многозначность понятия «национализм», употребляемого и как синоним «национального». Предлагаются и различные типологии национализма: политический, этнический, государственный, культурный, лингвистический, бытовой и др. Но всякое деление в «чистом виде», понятно, существует только в воображении теоретиков и потому условно, в действительности же все эти «формы» взаимосвязаны и проникают друг в друга. Это можно сказать и о часто выделяемых в исследовательской литературе двух основных типах национализма — государственном, или гражданском, и этническом, или этнокультурном. Принято их различать, исходя из разного понимания категории «нация». Так, если агенты социального

действия исходят из политической модели нации, перед нами государственный или гражданский национализм. Когда же социальные акторы понимают под нацией этнокультурное сообщество, то имеем дело с этническим национализмом. К сожалению, оптимальное состояние массового и индивидуального сознания встречается крайне редко в силу действительно неравного положения ряда народов и народностей в большинстве государств мира. Почти повсеместно права народов на разные формы самоопределения ущемляются. Существование объективного неравенства между титульными и не титульными этносами (большинством и меньшинством) в составе полиэтнических государств служит предпосылкой для государственного и этнического национализма. Поэтому государственный и этнический национализм в полиэтничном государстве являются двумя сторонами одной «националистической» медали: они взаимно обуславливают друг друга.

Нельзя смешивать национализм как естественную заботу о национальном с национальным экстремизмом. Такой воинствующий национализм представляет особую опасность. Не менее вредны «территориальный», а также «бытовой» национализм, основанный на чувстве национальной исключительности, пренебрежении национальным достоинством других народов.

И сегодня часто «национализм» отождествляется с «шовинизмом», «этническим экстремизмом», «этноцентризмом», «этнократией» и т. п. Потому становится насущной потребностью выявление тех едва уловимых граней и критериев отличия национализма как проявления естественной заботы о национальном от национального экстремизма. Так, М. О. Мнацаканян подчеркивает необходимость обособленного отделения национального от националистического. «Всегда, — подчеркивает он, — даже в самом его (национализме.— Ж. К.) скрытом проявлении можно уловить тонкие, подвижные, но явственно видимые грани, отделяющие национализм от национального. Национальное — комплекс языковых, культурно-психологических, духовных признаков людей, которые отличают одну человеческую общность от другой, которые становятся основой осознания принад-

лежности к данной общности»¹. Он противопоставляет национализму национальное самосознание — «действительную квинтэссенцию национального, основу не только самоидентификации. Национальное сознание есть выражение всего национального в умах, представлениях и чувствах людей. Такое национальное самосознание формирует реалистичные суждения и представления о будущем нации, о ее судьбе и о реальных источниках процветания»². Следует заметить, что Мнацаканян, противопоставляя категории «национализм» и «национальное», отводит национализму однозначно отрицательную роль: «национализм есть форма деградациии, извращенности национального в сознании и подсознании индивида, ее концептуализированное и идеологизированное выражение, в котором нормальные и неискоренимые чувства любви и гордости гипертрофируются и деформируются»³.

Другие же авторы считают, что национализм не «плох» и не «хорош», неоднозначен и контекстуален. Таким образом, разработка теории национализма, дальнейший поиск и выявление методологических оснований данного феномена продолжают.

В современных условиях наблюдается значительное повышение роли этнического фактора в общественных процессах, расширение спектра проявлений национализма. Одним из проявлений национализма можно отметить его воплощение в идеологии политизированной идентичности. Речь идет об идеологии различных движений, связанных с отстаиванием культурной, языковой, этнической, религиозной идентичности, но не выдвигающих требований политического суверенитета. Источником этого является стремление сохранить или развивать собственную самобытность и отличительность от окружения. Политические требования при этом ограничены какой-либо сферой общественной жизни. Их требованиями могут быть, например, изменения в сфере языковой политики, этнический паритет в представительных органах власти. Полиэтническая среда всегда накладывает отпечаток на этническую самоидентификацию личности, которая в таких

1 Мнацаканян М. О. Национализм: идеальный тип и формы проявлений // Полис.— 2007.— № 6.— С. 34.

2 Там же.— С. 33—34.

3 Там же.— С. 34.

условиях может зависеть от принадлежности личности к группе большинства или меньшинства.

В целом, этнический фактор играет заметную роль во всех сферах жизни общества, и актуализация этнической идентичности является как данностью, так и потенциальным источником конфликтогенности. Современный мир полон социальных и политических конфликтов по этническим линиям. Отсюда очевиден в целях обеспечения безопасности и стабильности на постсоветском пространстве постоянный учет властью и обществом данного фактора и извлечение уроков из прошлого.

И на наднациональном уровне, в условиях глобализации, мы наблюдаем противоречивые тенденции. С одной стороны, национальное государство как институт утрачивает контроль над самоидентификацией индивидов. Глобализация ведет как к стиранию различий (культурной унификации), так и появлению «воображаемых сообществ», основанных на идеологии, религии, знании. Для некоторых индивидов принадлежность к таким сообществам — субнациональному или наднациональному — может быть важнее их принадлежности нации-государству. В то же время новый импульс придается национальной (этнической) идентичности. Сегодня в мире мы наблюдаем особое продвижение идеологии национализма, возрастание его мобилизующей роли и потенциала.

По справедливому замечанию А. М. Кузнецова, «несмотря на признаки всеобщей унификации, реальное этническое многообразие человечества сохраняется, что не позволяет согласиться с утверждением о скором появлении единой глобальной нации»¹. Думается, без национального невозможно современное развитие. Русский философ И. А. Ильин предостерегал в свое время: «...все великое может быть сказано человеком и народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, духа и уклада; ...национальное обезличение есть великая беда и опасность в жизни человека и народа». Он утверждал также, что «...настоящий патриот не способен ненавидеть и презирать другие народы, потому что он видит их ду-

¹ Кузнецов А. М. Этническое и национальное в политологическом дискурсе // Полис. 2007. — № 6. — С. 20.

ховную силу и их духовные достижения»¹.

Примечательно, что многие государства, появившиеся в XX в., все еще находятся в начале процесса нацистроительства. В таких государствах этнические общности по-прежнему имеют большое значение. В любом случае этнические процессы и нацистроительство получили сегодня новый импульс, последствия которого еще трудно оценить. Это актуально и для постсоветских государств.

Сегодня в постсоветских государствах не прекращаются дискуссии, с еще большей остротой обсуждаются проблемы национально-государственного строительства, государственного языка, модернизации политической системы, совершенствования межэтнических отношений, продолжается борьба на идейно-духовном фронте. Вновь встают вопросы взаимосвязи и преемственности поколений, национальной идеи. Это означает, что в изменившихся условиях поиск оптимальных моделей развития продолжается. На следующем витке истории национальный вопрос ищет себе решение в рамках общецивилизационно-го развития народов, наций, государств.

История и современность доказывают, насколько важен постоянный учет этнического фактора в повседневной жизни. Способность государства и общества своевременно распознавать предпосылки кризисов и эффективно бороться с ними становится одной из ключевых задач современных правительств. Комментируя и перефразируя известную фразу, И. А. Ильин писал в свое время: «Каждый народ заслуживает своего правительства». . . Нет, наоборот: каждый народ заслуживает, — и морально, и политически, — лучшего правительства. . . ибо именно лучшее правительство сделает и его самого лучшим. Каждое правительство призвано действовать, руководствуясь инстинктом самосохранения, присущим его народу, каждое призвано видеть далее своего народа, быть мудрее его и подсказывать ему верные пути жизни»².

Идеалом этнонациональной политики признается политиче-

1 Ильин И. А. О русском национализме. Сб. ст.— М.: Российский Фонд Культуры, 2006.— С. 34.

2 Ильин И. А. Указ. соч.— С. 108.

ское и социальное равенство всех граждан без этнических различий и право каждого этноса на культурное самоопределение.

За почти 17 лет своей независимости Казахстан реализовал собственную модель обеспечения общественной стабильности, межэтнического согласия, формирования казахстанской идентичности. Для Казахстана как страны с ярко выраженным полиэтничным и поликонфессиональным составом населения достижение и укрепление социально-политической стабильности, гармонизации интересов личности, отдельных социальных групп и общества тесно связано с задачей поиска оптимальных форм взаимодействия этнических общностей, профилактики экстремизма и ксенофобии. В стране проживают представители более 130 этносов, 45 конфессий. Это культурное многообразие, являясь неиссякаемым источником духовно-нравственных ценностей, вместе с тем порождает определенные проблемы. Развитие гармоничных межэтнических взаимоотношений требует комплексного подхода и эффективных механизмов государственного и общественного прогнозирования и регулирования. Это подчеркивается в ежегодных Посланиях Главы государства народу. В стране реализуется Программа совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. Введение выборов девяти депутатов в нижнюю палату Парламента республики от Ассамблеи народа Казахстана, повышение в рамках конституционной реформы статуса и полномочий этого уникального общественного органа призваны подчеркнуть этническое многообразие Казахстана и одновременно способствовать развитию общекзахстанских ценностей. Главным условием дальнейшего успешного развития страны продолжает оставаться обеспечение внутривнутриполитической стабильности, гражданского мира и межэтнического согласия.

Владимир Примин

*канд. филос. наук, и. о. доц. каф. политических технологий
Академии государственного управления
при Президенте Республики Казахстан,
член Ассамблеи народа Казахстана*

Астана, Казахстан

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСТАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ – ОДНА ИЗ ВАЖНЫХ ЦЕЛЕВЫХ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

Прошло 16 лет после обретения Казахстаном независимости. Теперь мы отдаем себе отчет в том, что все мы — казахстанцы и находимся в одном социальном политическом, экономическом, правовом, культурном пространстве. Мы не просто наследники казахской культуры и народов, населявших в разное время эту землю, но и строители качественно новой культурной общности. Уже сейчас это является внутренним смыслом, содержанием нашей жизни, объединяющих казахстанцев в единый народ.

Приоритетом нашего государства является стремление к политическому и гражданскому единству. Это главный стержневой вопрос любого полиэтнического общества.

Каковы же были предпосылки начала формирования гражданской идентичности в Казахстане? Ими стали исторически сложившиеся стремления к человеческому согласию каждого казахстанца. В жизненных невзгодах, нелегком совместном труде, в буднях и праздниках складывалась удивительная полиэтническая общность народа Казахстана, сформировавшая его нынешний облик. Сегодня без ложного пафоса можно утверждать, что чувство казахстанского Отечества одинаково присуще как самому казахскому народу, давшему название этой древней земле, так и всем другим населяющим республику этносам. Полиэтнический Казахстан создал психологию людей, оградившую

наше общество от злых костров межэтнических разборок.

Нельзя не заметить, как часто сегодня ведется полемика об укреплении патриотического духа. Нередко в разных аудиториях и с разными собеседниками приходится сталкиваться с мнением, что психология рынка ведет к безнравственности, порождает культ наживы, эгоизма. Но нельзя забывать, что в каждой национальной культуре существует ядро духовности, позитивный информационный багаж, который передается от поколения к поколению. Существуют и отрицательные стереотипы о других национальностях, которые необходимо постоянно развенчивать. Это нужно прежде всего нашей молодежи для будущей мирной жизни.

Вчерашние школьники, которые сегодня все увереннее входят в общественную и экономическую жизнь страны, уже, конечно, не помнят уклада и психологии нашего бытия даже десятилетней давности. Идет стирание памяти. Спросите молодых людей — знают ли они историю названия улицы, города, села, аула, знают ли они всю правду без прикрас, правду истории? Но ее хорошо помнят их родители и представители более старшего поколения. Казахстану повезло в том, что благодаря усилиям старшего поколения в ратных и трудовых испытаниях в обществе родилась и окрепла система ценностей, которая и сегодня помогает всем нам выстоять в нелегких кризисных ситуациях. Многолетнее совместное проживание представителей разных этносов выработало особый казахстанский менталитет, который можно сформулировать как совокупность норм общественной жизни полиэтнического общества, характерных для каждого его представителя, независимо от национальной принадлежности. Это внутреннее состояние человека, чуждое националистическим крайностям, обособленности и выраженное в стремлении к людскому единению, взаимообогащению народных и бытовых традиций. Ему присущи любовь к Казахстану как своей Родине, гостеприимство, бескорыстие, доброта, взаимопомощь, общие праздники и многообразие национальных кухонь.

У казахского народа, выдержавшего испытание временем, богатая и сложная история. Но тем не менее самое главное для него — стремление жить в мире, согласии и добрососедстве с другими

народами. При этом одна из основных особенностей менталитета казахского народа — уважение к культуре, религиям, традициям и обычаям других этносов. Достижения национальных культур, их открытость для диалога, инноваций, взаимного влияния и обогащения стали общенациональным достоянием всех казахстанцев. Кроме того, этническим группам, проживающим в республике, отводится важная миссия — быть мостами культурного диалога между Казахстаном и другими государствами. Только в 2007 г. делегации Ассамблеи народа Казахстана побывали более чем в 14 странах дальнего и ближнего зарубежья, где рассказали, как казахстанское общество изначально строится на принципах уважения, дружбы, доверия. Интересно прошли дни нашей Ассамблеи в Москве в декабре 2007 г. В этой связи отмечалась общность приоритетов развития России и Казахстана. Необходимо, чтобы и дальше от нас исходил ясный и понятный всем сигнал: вражда — это нарушение моральных, нравственных и этических норм. Дружба и мир, единство народа — это главное условие нашего развития.

Практически на всех гостей, оказавшихся в Казахстане впервые, сильнейшее впечатление производят песни на многих языках, танцы разных народов, здравицы и тосты, окрашенные различным национальным колоритом. И также не случайно, что часть наших бывших соотечественников, привыкших к такому разнообразию, но однажды покинувших республику в надежде на лучшую долю за рубежом, возвращается в родную казахстанскую среду.

Ни национальность, ни социальные и религиозные отличия не являются для казахстанцев препятствиями слушать и слышать друг друга, знать и понимать нужды и запросы представителей всех национальностей. И не только понимать, но и посредством действенных механизмов государственного и межкультурного взаимодействия оперативно решать эти проблемы.

В рамках правительственной Программы совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия на 2006—2008 гг. постоянно проводятся конференции, «круглые столы», семинары-тренинги, дни культуры этносов, фестивали, конкурсы, концерты национальных театров.

Причем не только в Казахстане, но и за рубежом. Постоянно совершенствуется материальная база Ассамблеи. Сейчас в стране действуют восемь домов дружбы, республиканский Дом дружбы в Алматы, Дворец Мира и Согласия в столице Астане, идет строительство новых домов дружбы в других областях. Государственная поддержка оказывается развитию национальных театров, школ, СМИ, языковых программ.

Проведенные в Казахстане мероприятия, посвященные 65-летию Сталинградской битвы с участием членов Ассамблеи и студенческой молодежи, послужили началу подготовки к празднованию 65-летия Победы в Великой отечественной войне. Оставшееся до юбилея время мы обязаны провести как эстафету передачи их подвига новым поколениям. Ведь чем дальше нас отделяет время от Великой Победы, тем зримей подвиг «поколения победителей и созидателей», патриотизм которых неизмерим и служит неисчерпаемым кладезем в организации патриотического воспитания молодежи.

Эта работа ведется дифференцированно, с учетом культуры и исторических традиций казахского народа и других казахстанских этносов. Наше население, прежде всего молодежь, должно знать, что патриотизм — это вовсе не прославление лишь одной нации, не ее агрессия по отношению к другой, а глубокое осознание того, что мирное взаимодействие культур, традиций и религий, казахский, русский, этнические и иностранные языки являются мощным ресурсом развития Казахстана. Совместные учеба и отдых, занятия спортом и участие в объединениях по интересам способствуют лучшему изучению культуры и языков народа Казахстана, истории нашей Родины. Эта работа имеет систему, начиная с семейного воспитания, и заканчивая школой и вузом. Здесь хорошо зарекомендовали себя школьные и студенческие объединения. В этой связи используются возможности учреждений и организаций дошкольного воспитания, общеобразовательных школ и внешкольных учреждений. Всемерно повышается ответственность национально-культурных объединений за нравственную чистоту нашей молодежи. Прежде всего в процессе этнического взаимодействия, которое стимулирует Ассамблея народа Казахстана, формируется атмосфера дружбы

и сплоченности, чувства ответственности за уважительное отношение к представителям как к своей, так и другой национальности. «Не уважая своего народа, не полюбишь другого», — так гласит народная мудрость. Так учат национальные традиции наших предков.

Казахская культура близка и понятна этническим группам, для которых, как и для казахов, проблемы нравственности, совести были всегда первостепенными, национально значимыми. В этом состоит глубинная родственность всех этносов народа Казахстана. Взросли они на одной евразийской почве, на основе диалога традиций. Национальная идентичность формируется в диалоге с культурами всех казахстанских этносов в рамках унитарного государства.

Принадлежность к казахстанской общности, к единому народу, показывающему образцы мирного созидания, межнационального согласия, становится все более почетной. Не потому ли у наших граждан республики, особенно молодежи, все более ярко выражается чувство гордости, уважения и любви к своему Отечеству, ко всему тому, что представляет собой символы государства — Гимн, Герб, Флаг, а также государственный язык. Культ государственной символики — приметы современного Казахстана. В этой связи очень своевременным было принятие Парламентом Республики Казахстан Закона о государственных символах. С 1 апреля 2008 г. вступили в силу государственные стандарты на государственные символы — Флаг и Герб Казахстана.

Казахстанский патриотизм является катализатором единения общества, суть чего ярче всего отражает новое название Ассамблеи — Ассамблея народа Казахстана. До мая 2007 г. она носила название Ассамблея народов, куда входили представители всех основных этносов. Теперь, выполнив на первом этапе свою консолидирующую миссию и имея новый конституционный статус, право избирать в Мажилис Парламента 9 депутатов, Ассамблея усиливает свою роль объединения всех казахстанцев в единый народ. Со слов «Мы — народ Казахстана...» начинается Конституция страны и через эту призму смотрят друг на друга граждане Казахстана разных национальностей.

Речь идет о формировании глубинных пластов патриотиз-

ма — и в массовом, и в индивидуальном сознании. Ассамблеей принимается ряд дополнительных мер по активизации выполнения Государственной программы патриотического воспитания граждан Республики Казахстан на 2006—2008 гг. Прежде всего важно привлечь министерства и ведомства, которые серьезно будут заниматься этой проблемой. По нашему глубокому убеждению патриотизм формируется и проявляется не в кабинетах и не на научных семинарах, а там, где проводит основное время наше население, наша молодежь — на работе, в школах, вузах, на улицах городов и аулов, в быту, в общественном транспорте и т. д. При этом важно учитывать, что патриотизм всегда конкретен. Он воспитывается на конкретных примерах, проявляется в конкретных поступках.

В этой связи важно продумать и принять дополнительные меры, которые бы влияли самыми различными средствами на формирование патриотических чувств наших людей. Например, если мы находимся в поезде — при отправлении и прибытии в столицу республики исполняется Гимн страны, в дороге — звучат лучшие патриотические песни, вдоль трассы — соответствующая наглядная агитация. В этом направлении в Казахстане делается много, но предстоит сделать еще больше. В процессе совместной работы Ассамблеи с учебными заведениями по воспитанию поликультурной личности и казахстанского патриотизма (а это интернациональные и этнокультурные объединения, клубы по интересам, организация летних языковых лагерей, школ национального возрождения, республиканская смена Ассамблеи народа Казахстана, Золотой мост дружбы в Республиканском оздоровительном лагере «Балдаурен» (казахстанский «Артек»), конкурсы сочинений учащихся на тему: «Моя Родина — Казахстан», различные фестивали, смотры и т. д.) красной нитью проходит главная мысль, что казахстанское общество строится на принципах уважения, дружбы и доверия, межнационального согласия. Согласитесь, что когда учащиеся разных национальностей связывают одни дела, дружба, взаимное доверие, именно тогда формируется то духовное родство и единство, которое потом так необходимо нам в повседневной жизни.

Тематика укрепления казахстанского патриотизма является

приоритетной при формировании государственного заказа как в республиканских, так и в региональных средствах массовой информации. Через телевизионные и радиопередачи, фильмы, Интернет-ресурсы, литературу формируется уважительное отношение к государственным символам, государственному языку, расширяются точки соприкосновения всех этносов, популяризируются успехи казахстанцев всех национальностей в бизнесе, науке, искусстве, спорте.

В настоящее время Министерство образования и науки Республики Казахстан работает над проектом госпрограммы патриотического воспитания граждан на 2009—2011 гг. Здесь важно использовать огромный потенциал, которым располагает Ассамблея при организации воспитательной работы в учебных заведениях. Особенно неоценимую помощь может оказать молодежное крыло Ассамблеи, созданное по инициативе Президента Республики Казахстан, студенческие ассамблеи. В этой связи педагоги и воспитатели могут много еще сделать не только в деле привлечения к этой работе членов Ассамблеи, но и всех авторитетных членов общества, истинных патриотов страны, повседневно укрепляющих мир и межнациональное согласие.

В каких направлениях будет продолжаться и развиваться эта работа? Это поддержка деятельности патриотических, краеведческих, поисковых, оборонно-спортивных клубов и объединений молодежи; развитие системы связей молодежи с ветеранскими объединениями, в том числе ветеранами из национально-культурных объединений; подготовка молодежи к службе в вооруженных силах Казахстана; развитие системы массовых мероприятий и конкурсов гражданско-патриотического и военно-исторического характера. Нам важно учить многонациональную молодежь идентифицировать себя с историей Казахстана и важнейшими жизненными ценностями предыдущих поколений. «Не помня прошлого, не построишь будущего» — главное правило этой учебы. Особым приоритетом становится постоянное внимание к развитию государственного языка как консолидирующего фактора межнационального общения. Именно на молодежь ориентирован президентский проект «Триединство языков» (казахского, русского, английского — *прим. автора*).

Как отмечает Глава государства Н. А. Назарбаев: «Мы пред-

ставляем разные этносы, но страна у нас одна. Мы должны интегрировать общество вокруг понятия “казахстанец”. Мы — казахстанцы. Казахстан — моя Родина, моя страна! — таков наш лозунг и такова цель».

Вера Куклина

*канд. географ. наук, научный сотрудник
Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН*

Иркутск, Россия

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭТНИЧНОСТИ НАРОДОВ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ВУЗОВ)

Среди исследований этничности в современной России отдельным направлением выделяются работы о коренных народах Севера. При этом дискуссии главным образом связаны с противоречиями между предполагаемыми перспективами развития регионов. С одной стороны, речь идет об интенсивном индустриальном развитии, предполагающем разработку полезных ископаемых, с другой — о постиндустриальном, экологически сбалансированном развитии, трансграничном сотрудничестве и экотуризме.

Основными акторами, активно формирующими этничность народов Севера (в том числе используя понятие «коренные малочисленные народы Севера»), являются представители политической и экономической элиты, средств массовой информации, научного сообщества, самих коренных малочисленных народов и тех жителей северных территорий, которые не относят себя к последним.

Однако в воспроизводстве этничности народов Севера в общероссийском масштабе особую роль играют специализированные вузы, среди которых можно выделить Институт народов Севера при педагогическом университете им. Герцена, Государственную полярную академию, Институт технологии и дизайна.

Институт народов Севера имеет преемственную историю существования — с 1926 г. началась подготовка учителей для школ Крайнего Севера на подготовительных отделениях при Тобольском, Хабаровском и Архангельском педагогических техникумах, на Северном отделении Томского рабфака, на Северном

факультете Восточного Института в Ленинграде. В 1930 г. последний был преобразован в Институт народов Севера. В настоящее время это Институт народов Севера при педагогическом Университете им. Герцена.

Как и прежде, сюда съезжаются студенты из разных регионов. Однако институт не является таким консервативным, как может показаться на первый взгляд. В нем постоянно происходят изменения. Например, если раньше в этот институт принимались лишь представители народов Севера, то теперь поступают абитуриенты независимо от этнической принадлежности. Главное условие — изучать в течение пяти лет один из языков народов Севера.

Другой пример подготовки элиты для северных регионов — Полярная академия. Свою конкурентоспособность в образовательном поле академия формирует через качество образования, наличие высококвалифицированных специалистов, в том числе приглашаемых из-за рубежа. Идеология вуза: «Подготовка квалифицированных кадров призвана содействовать полноправному вхождению народов в новые социально-экономические и политические отношения современного мира, способствовать сохранению природы и окружающей среды с использованием современных технологий и инноваций». Действуя в рамках декларируемой идеологии, Полярная академия, тесно взаимодействуя с северными регионами и международными организациями, включена в формирование общего арктического пространства.

Отметим, что акцент на этничности этничность же и актуализирует. По наблюдениям Д. А. Васильевой, «намного острее, чем раньше, респонденты ощущают, что “дома все намного проще”, что там “свое”, поэтому более обоснованно (в своих собственных глазах) идентифицируют себя с данной этнической группой. Также появляется новое ощущение себя “северянкой” (“северянином”), что тоже определяется территориальной локализацией “студентов народов Севера” на одном факультете и зачастую в одном общежитии, и соответственно определенным кругом общения»¹. Студенты, представители коренных малочис-

¹ *Васильева Д. А.* Образование как фактор самоидентификации коренных народов Севера // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного раз-

ленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, могут доказать свою этническую принадлежность записью в свидетельстве о рождении. На основе этого они получают социальную стипендию и примерно два раза в год — дополнительные пособия на литературу и одежду.

Этнизация Севера связана еще и с тем, что в этих вузах обучаются не только жители тех регионов, которые относятся к северным, но и к другим национальным субъектам Федерации (например, Тыва, Бурятия и др.).

Студенты специализированных для народов Севера вузов в основном взаимодействуют внутри сформировавшейся сети этих вузов: участвуют в общих конференциях, устраивают общие встречи. Таким образом, эти вузы выполняют не декларируемую функцию адаптации.

Вернувшись домой, студенты-выпускники в большей части становятся преподавателями родного языка и культуры. И главное, они формируют элиту своего народа.

Современная политика регионализма позволяет, апеллируя к правам народов Севера, отстаивать интересы своего региона, как, например, в случае с Ханты-Мансийским округом, который смог противостоять объединению с Тюменской областью. Здесь первыми ввели понятие «родовые земли» в региональные законы округа. Для приграничных регионов использование этничности народов Севера — это шанс большего развития трансграничного сотрудничества и туризма¹. Такие элементы аутентичной культуры, как язык и предметы быта, становятся востребованным турпродуктом.

В международном сообществе все более отчетливо формируются представления о Севере как «центре» развития, а о его жителях — как носителях особой «циркумпольярной цивилизации»². В 1996 г. создан Арктический совет, в который наряду с арк-

вития региона.— СПб.: Астерион, 2007.

1 См.: Уоллак Т. Путешествую в незнакомое // Северные просторы.— 2004.— № 1—2.— С. 147—149.

2 См.: Набок И. Л. Североведение: культурологические уроки XX века / Север. Северяне. Североведы: Сб. науч. тр.— СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006.— С. 102; Роббек В. А. О научной и научно-организационной деятельности института проблем малочисленных народов Севера СО РАН // Там

тическими странами, «постоянными участниками» Арктического совета, входят Циркумпольная конференция инуитов, Международная ассоциация алеутов, Совет саамов, Ассоциация Коренных малочисленных народов Севера, Арктический совет атабасков и международный совет гвичинов¹. Из категории «наблюдателей» коренные народы перешли в разряд постоянных участников, заседающих за одним столом с арктическими государствами и способных вносить свои предложения.

Становление в международном и государственном праве особого корпуса прав коренных народов и их рассмотрение в качестве отдельной правовой категории, не смешиваемой с основным населением и меньшинствам, по мнению В. С. Соколовского связано с колониальной доктриной *terra nullius* (ничейная земля), общие посылки которой оказались включенными в семантику термина «туземцы»². В экономической политике доктрина ничейной земли стала предпосылкой и вошла в качестве уже не осознаваемых сегодня оснований целого спектра теорий «освоения» и «развития» «отсталых национальных окраин».

В России попытки решения проблем коренных малочисленных народов Севера с 1991 г. представлялись в более чем 30 федеральных законах, а также в более 1 000 нормативных правовых актах органов исполнительной власти Российской Федерации и ее субъектов. В настоящее время законодательное обеспечение прав и интересов малочисленных народов нашло отражение в целом ряде федеральных законов, среди которых необходимо выделить «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири

же.— С. 98—101.

1 См.: *Арктика — наш дом* // Северные просторы.— 2006.— № 1—2.— С. 2.

2 См.: *Соколовский В. С.* Категория «коренные народы» в российской политике, законодательстве и науке // *Этнометодология*. Вып. 5.— М., 1999.

и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации», и перечень районов их традиционного проживания был составлен в связи с необходимостью защиты среды обитания и традиционного образа жизни этнических общностей¹.

Все представители коренных и малых народов Севера (КМНС) могут практически беспрепятственно получить образование в перечисленных специализированных вузах, беда в том, что у многих из них нет и среднего образования — занимаясь охотничьим и другими видами традиционного промысла, они более озабочены обеспечением собственного существования и не видят смысла в продолжении своего образования. Тем более что в тех регионах, где у них есть лишь перспектива традиционного природопользования, при существующем уровне безработицы их высокая квалификация не будет востребована.

Студенты из более благополучных регионов в вузах получают дополнительные дотации. Также в экономически развитых регионах есть больше механизмов для поддержки представителей коренных народов. Регионы, наиболее заинтересованные в специалистах, проводят специальные «землячества», на которых устраивают встречи студентов с компаниями, заинтересованными в специалистах — КМНС. И хотя существует противопоставление традиционного природопользования индустриальному, наиболее обеспечены поддержкой те представители КМНС, которые занимаются традиционными видами природопользования в промышленных развивающихся регионах.

Таким образом, несмотря на малочисленность представителей КМНС и множество социальных проблем в регионах их расселения, нет сомнений в том, что в дальнейшем дискуссии вокруг их этничности не только не утихнут, но и даже станут более оживленными.

¹ См.: *Тишков В. А., Жуков М. А.* Предварительные предложения по составу Перечня малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации [Электронный ресурс].— Режим доступа: <http://arctictoday.ru/region/population/200000128/>

КУЛЬТУРА И ЭТНОПОЛИТИКА

Елена Яхонтова

канд. искусствоведения, доц. каф. культурологии и русского языка
Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей,
экономики и права

Санкт-Петербург, Россия

МИРОПОНИМАНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОПОНИМА- НИЯ

Взаимодействие культур — способ их существования. Неповторимые «образы мира», воплощенные разными культурами, нашли выражение в понятии «картина мира», которое сегодня прочно вошло в лексикон ученых. Несовпадение этих «картин» у разных народов — причина взаимонепонимания и недоразумений, что имеет прямое отношение к этнополитике, которая должна строиться на достижении межкультурного консенсуса и поиске универсалий.

После Второй мировой войны, в 1946 г., когда экспансия американских ценностей стала частью политики США, был создан Институт службы за границей под руководством Эдварда Холла. Именно здесь постепенно сформировалась новая учебная дисциплина «межкультурная коммуникация», которая вначале, отвечая на запросы американских чиновников, трактовалась как «практическое руководство», способное помочь взаимопониманию между представителями разных народов. Недостаточность знания лишь языка при контактах с представителями разных культур, необходимость постичь их традиции, обычаи и привело к возникновению научного направления «межкультурная коммуникация».

Сам термин «межкультурная коммуникация» приобрел широкое распространение после выхода в 1954 г. книги Э. Холла и Д. Трагера «*Culture as Communication*», а межкультурная коммуникация как область, изучающая культурное взаимодействие,

стала предметом постоянного внимания не только этнологов, но и политиков.

В России интерес к межкультурному взаимопониманию как взаимодействию миропониманий имеет более глубокие корни. Он обусловлен геополитическими особенностями России как государства полиэтнического, раскинувшегося на огромных пространствах Европы и Азии. Формирование русского культурного архетипа связано с результатом «встречи» Востока и Запада, коснувшейся в первую очередь духовной сферы. Способность не столько соединить (как об этом часто говорится), сколько воспринять и адаптировать западные и восточные элементы в культуре обусловила восприимчивость и жадный интерес России к иному опыту. Эти особенности русского национального миропонимания отмечались многими исследователями.

Термин «миропонимание» в нашем современном лексиконе употребляется довольно часто, но, несмотря на это, его трактовка в исследовательской практике неоднозначна. То, что миропонимание — русское слово и означает понимание мира, не вызывает сомнений. Из этого складывается определение, данное С. И. Ожеговым в его словаре: «миропонимание — то или иное понимание мира — действительности, система взглядов, идей».

Нередко миропонимание трактуется как синоним мировоззрения и даже мировосприятия, мироощущения. Так, философский словарь¹, давая определение мировоззрению, объясняет его и как «понимание мира», при этом отмечается, что в случае необходимости подчеркнуть эмоциональную сторону мировоззрения часто употребляют термин «мироощущение».

Русский философ П. Флоренский, рассуждая о художественных типах и их соотношении с жизненной правдой, писал: «Раз открытый, художественный тип входит в наше сознание как новая категория мировосприятия и миропонимания»². Упоминание о категории в единственном числе говорит о синонимичности миропонимания и мировосприятия для ученого.

В концептуальном словаре, открытом коллективом авторов

1 Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. — М., 1991. — С. 263.

2 Флоренский П. А. Имена // Опыт / Сост. А. В. Гулыга. — М., 1990. — С. 361.

в Интернете для обсуждений и дополнений¹, справедливо отмечается: «Различие между миропониманием и мировоззрением в том, что миропонимание невозможно без языковых средств, а мировоззрение, представляя собой модель Объективной реальности на основе образов, свойственных психике индивида, может существовать и без языковых средств. Соответственно, одно и то же мировоззрение может выражать себя в разных языковых средствах разных народов, обладающих языковым своеобразием культур».

В результате возникает представление, что мировоззрение шире миропонимания.

Академик Н. Н. Моисеев, который немало размышлял о проблемах мировоззрения человечества в духе умонастроений русского космизма, склонен был считать миропонимание как мировоззренческую универсалию: «У каждого человека, по большому счету, есть собственное мировоззрение. Но все люди принадлежат к единому биологическому виду, и значит, для обеспечения стабильности рода человеческого необходимо должны быть некоторые универсалии, определяющие представления людей об окружающем мире и своих обязанностях по отношению к тому, что их окружает — по отношению к Природе и другим людям. Именно эти универсалии мне и хотелось бы назвать миропониманием»².

Примечательно, что термин «миропонимание» входит в лексикон ученых именно в XX веке и связан с поисками представителей точных наук (физика, математика и т. д.) в области миростроительства, а следовательно, тесного соприкосновения с гуманитарной сферой.

В словаре В. Даля еще нет понятия «миропонимание», вместо него присутствует понятие «миросозерцание как умственное созерцание мира-миров, вселенной»³, что симптоматично и обусловлено прерогативой религиозной картины мира у людей XIX в. по отно-

1 Гольцшев К. Г. и др. Концептуальный словарь [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://korrektor.narod.ru/imitator/2_5_1.htm (проверено 17.02.2008 г.)

2 Моисеев Н. Н. О мировоззрении имиропонимани [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.abc-globe.com/moiseev-1.htm> (проверено 18.02.2008 г.)

3 Даль В. Толковый словарь. Т.2. / Репринтное изд. — М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1956.— С. 331.

шению к поколению наследников.

Мир, созданный Творцом (как миропорядок), можно созерцать, но не понимать («понять» от «поять» — настигнуть, накрыть собою, вместить), так как не может быть редукции низшего к высшему.

В то же время человек, созданный по образу и подобию Божьему, создан как творец и уже в Первой книге Бытия приводится благословение человеку на постижение мира: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт. 2,19).

Таким образом, научное изучение мира человеком не только его онтологическое право, но и обязанность, при этом человек должен изучать то, что способен вместить, ибо вмещающая невместимое, он его искажает, что недопустимо.

Этим правом в полной мере пользуется человечество XX и XXI вв. Научная мысль овладела многими тайнами природы, однако некоторые ученые бьют тревогу, наблюдая нарастающий кризис во взаимоотношениях природы и общества.

Не случайно академик Н. Н. Моисеев высказывался за введение для студентов вузов пропедевтического курса «Современное миропонимание», который давал бы им представление об общей логике развития мира, и в условиях многозначности понимания многих основополагающих процессов выявить те универсалии, которые бы привели людей к консенсусу.

Человек — существо социальное, поэтому понимание предполагает взаимопонимание, которое возможно на пути поиска универсалий.

В своей книге «Миропонимание и экоэтика XXI века» профессор В. Н. Волченко используя и научный, и религиозный опыт человечества, предлагает информационно-энергетическую модель витальности (*IEV*) Универсума. По его мнению «эта модель позволяет облегчить разработку новой научной парадигмы, которая рассматривает сознание как физическую реальность. В рамках модели объяснимо большинство феноменов сознания (Дух, Душа, духовность, нравственность и т. п.). Предлагаемый

подход дает возможность наглядно представить эволюцию не как случайное стечение невероятных ситуаций, а как номогенез — развитие по четкому закону Творца-Природы. В результате появляется возможность целостного миропонимания, предполагающего в первую очередь непротиворечивость и взаимодополнительность тонкого, непроявленного (информационного) мира наряду с миром вещественным, проявленным», — пишет автор¹.

Взаимодействие природы и культуры как мира искусственных объектов, созданных человечеством в целях преобразования природы, в наше время носит судьбоносный характер. Из сферы межкультурной и межэтнической оно выходит на уровень глобальной мировой политики.

Развивая идеи Н. Ф. Федорова, В. В. Докучаева, В. И. Вернадского, академик Н. Н. Моисеев счел возможным провозгласить приоритет «экологического императива» в условиях коэволюции природы и общества, обозначив необходимость осознания границы допустимой активности человека в его преобразовательной деятельности.

Взаимопонимание, к которому должно стремиться человечество, лишь отражение тех процессов коэволюции, которые являются важной приметой нашего времени и современного миропонимания.

¹ Волченко В. Н. Миропонимание и экоэтика XXI века. Наука — Философия — Религия. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2001. — С. 4.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Василий Богомолов

*канд. полит. наук, доц. частного учреждения
высшего и послевузовского профессионального образования
«Институт инфраструктуры предпринимательства»*

Москва, Россия

Сущностной чертой технологического рывка, приведшего к возникновению информационного общества и глобализации, является появление и стремительное распространение так называемых «метатехнологий».

Наиболее наглядные примеры метатехнологий:

а) сетевой компьютер: рассредоточение его памяти в сети дает разработчику всю информацию пользователя и позволяет первому вмешиваться в деятельность последнего или даже управлять ею (принцип внешнего управления включенного в сеть компьютера уже реализован);

б) современные технологии связи, позволяющие перехватывать все телефонные сообщения на территории всего мира; в ближайшее время станет возможна полная компьютерная обработка всего объема сообщений и перехват всех сообщений в сети «Интернет»;

в) организационные технологии; их основные подгруппы:

— технологии управления (государства или корпорации), ориентированные на культуру и систему ценностей страны-разработчика, снижают конкурентоспособность корпораций, представляющих другие культуры, способствуют распространению в обществе чужеродного типа культуры;

— технологии формирования массового сознания, которые появляются сначала в стране-лидере, а уже затем тиражируются

в остальных странах, в результате чего массовое сознание обществ, использовавших эти технологии, выходит из-под контроля государства;

— относительное обесценивание традиционных технологий, так как последние претерпевают качественные изменения — они либо заменяются роботизированными производственными системами, либо размещаются на периферии мирового развития;

— переориентация технологий с формирования нужных материальных предметов на формирование нужного типа сознания и культуры (переход от «*high-tech*» к «*high-hume*»).

Именно эти технологии из-за наибольшей производительности стали господствующими. Именно они, стремительно распространившись в последние годы, стали технологической составляющей информационного общества.

Суть перехода от создания новых технологий к их распространению состоит не в их собственном совершенствовании, а в комплексном применении уже имеющихся технических решений для обеспечения «информационной прозрачности» стран-потребителей для стран, создающих метатехнологии, что обеспечивает последним интеллектуальное, психологическое и технологическое лидерство. Другая сущностная черта этих технологий — их возможность перестраивать массовое сознание.

Влияние на сознание оказалось эффективным. Связанные с ним технологии получили название «*high-hume*» в противовес традиционному «*high-tech*». Если раньше технологии были направлены на природу, то теперь они перенацеливаются на общественное сознание и культуру.

Кажущаяся легкость и безнаказанность воздействия на сознание порождает и наиболее опасную профессиональную болезнь работников *public relations* — соблазн решать проблемы не реально, а «промывкой мозгов» или, если пользоваться более корректным немецким аналогом этого американского термина, «массажем душ». Система управления (государства или корпорации) начинает заниматься самогипнозом, что делает ее неадекватной.

Технологии «*high-hume*» опасны не только для объекта воздействия, но и для субъекта, так как перестраивают и его созна-

ние. Для достижения политического результата создателю «*high-hume*» достаточно формировать нужный тип сознания у не более чем 20 % населения (пользователей), составляющих элиту общества.

Это отделяет элиту от массы и создает внутреннее противоречие между самозагипнотизированной элитой и народом. Более того, элита, отделившись от народа, начинает воспринимать только идеи, соответствующие ее установкам. В результате 80 % интеллектуального потенциала общества растрачивается, в то время как при обычной демократии и даже во многих видах относительно авторитарных режимов не существует двух обособленных типов сознания, и рожденные в низах идеи по различным капиллярным системам все-таки диффундируют на самый верх.

Таким образом последовательное применение информационных технологий к элите общества ограничивает поле деятельности механизмов самой элиты и тем самым сокращает потенциал общества. Мы видели это на примере российских реформаторов 1992—1998 гг., когда они за счет применения передовых информационных технологий сумели за семь лет оторваться от населения едва ли не сильнее, чем коммунисты за семьдесят лет.

В результате возникает парадокс: при противоборстве с неинформационным более передовое информационное общество оказывается менее гибким и адаптивным и, следовательно, менее жизнеспособным, хотя и более сильным.

Возможно, данный феномен является гарантией от информационного империализма, от подчинения мира одной, наиболее информатизированной, стране.

Основными противоречиями информационно-технологической революции в развитии человечества являются:

— углубление и приобретение непреодолимого характера разрыва между развитыми и остальными странами, а также развитыми странами, создающими новые информационные технологии, и остальными развитыми странами, потребляющими эти технологии;

— обособление работников информационных технологий во внутреннее «информационное сообщество», его сосредоточение в развитых странах; постепенная концентрация «информа-

ционного сообщества» мира, а с ним и мирового прогресса в «наиболее развитых» странах;

— прекращение прогресса за пределами развитых стран; социальная, интеллектуальная и финансовая деградация развивающихся стран.

Обосновано, что развитие человечества определяется и будет определяться в ближайшее десятилетие двумя фундаментальными процессами: развитием новых информационных технологий и глобализацией.

Трактовка глобализации как следствие информатизации, высшей на данный момент фазы интернационализации (интеграции) экономики, политики и культуры, как объективного развития производительных сил, как идеологии развитых стран во главе США, навязываемой остальному миру, высвечивает основные направления глобализации — стирание географических границ социальных и культурных систем.

Под воздействием информационных технологий радикальному изменению подлежит вся материальная и духовная культура. Человечество, пройдя этап «дописьменной» и «книжной» культуры, неуклонно движется к экранной культуре. Мы становимся свидетелями изменения культурного кода цивилизации.

Формирующаяся массовая экранная культура, однотипный образ жизни не означает сплава этносов, культур, политических институтов, победы западной, в особенности, американской культуры над всеми остальными. Культурное многообразие является условием развития, выживания социума в быстро меняющейся (информационной) среде.

Трактовка глобализации как потери культурного разнообразия — это драма. Культура немислима без табу, норм и регламентаций, представлений о долге, чести и совести, без опоры на моральные, религиозные и эстетические регуляторы. Это ценностно-рациональное отношение к миру, оно ограничивает свободу индивида, его личные интересы, требуя «служения» чему-то внешнему, высшему, социуму или Богу.

Если принципы служения общепонимаемому благу закрывают общество, делая его традиционным, то правовое государство стремится преодолеть остатки ценностного подхода к социальным

проблемам вплоть до провозглашения «приоритета права над благом». Открытость общества предполагает, что люди в нем действуют, руководствуясь принципом полезности и личной выгоды.

Полное манипулирование странами, потребляющими новые информационные технологии, как раз невозможно из-за различий в культуре, которая автоматически отстаивает минимальный интеллектуальный и информационный суверенитет каждой нации. Но уповать на это как на основное решение грядущих проблем интеграции культур в одну общемировую (на первом этапе в три основных — христианскую, исламскую и буддийскую) слишком наивно.

Рассматривая частный случай информационной войны — «культурную агрессию» (то есть навязывание своей культуры обществу, потенциалу которого она не соответствует) как инструмент международной конкуренции (применяемый пока в основном неосознанно, в порядке завоевания рынков сбыта для товаров носителей данной культуры), государству следует переоценить и усилить роль традиций.

Преодоление эгоцентризма требует сохранения, восстановления культурно-исторических традиций. Национальная культура является основой, определяющей жизнеспособность нации. Поэтому культура должна рассматриваться как один из важнейших объектов национальной безопасности России, а информационная безопасность — как элемент информационной культуры.

Александр Бушев

*канд. филол. наук, доц. каф. гуманитарных дисциплин филиала ГОУ
ВПО «Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономиче-
ский университет» в г. Твери*

Тверь, Россия

ТРАНСЛЯЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Возле тверской церкви Белая Троица, построенной «замышлением боярина Тоушинского» в эпоху Ивана Грозного, поутру часто слышишь гортанную речь мусульман. Жилье было дешевым, а рынок — где многие приезжие находили работу — рядом. По утрам среди маленьких русских домов в слободе, известной с XIV в., на колонку идут — правда, без коромысла — девочки в хеджабах. Для них нет вопроса, стоит ли укутывать голову национальным шарфом. Без этого нельзя. Также как без законов шариата. В школу бредут или едут на такси — у кого как с деньгами — школьники с совсем не тверскими лицами. Меж собой они разговаривают не по-русски. Не будем говорить, что у нас нет проблем парижских предместий.

Известно, что есть московские районы, где клиники, школы, рестораны предназначены для тех, кому по религии нельзя есть свинину. Известный московский лингвист профессор Базылев исследует проблему «русский язык как иностранный в современной московской школе». Существуют «школы с культурным компонентом». В них учатся переселенцы, которые группируются в землячества — держась друг друга, легче выжить. Естественно их желание не терять своих корней даже на новом месте, их желание изучать культуру и язык страны, откуда родом их предки. Логично, что в Екатеринбурге проводится конференция «Изучение русского языка как один из путей к адаптации к

проживанию в России»¹.

Работает миграционное законодательство. На тверских стройках давно трудятся жители Узбекистана. «Самарканд, Бухара, Хива...», — мечтательно вспоминают они свои теплые страны. — «Родные, нам без вас никак. Просто некому будет трудиться», — говорят им московские власти. Трудяги-мигранты вполне современны: «Вы знаете Хорезм?!» — спрашивают они меня. — Он славен тем, что производит машины *Daewoo*».

Другие... Популярный прозаик Л. Улицкая создает целую серию книг «Другие о других».

Одна из самых острых и больших проблем мира — мультикультурализм. Косово, Австралия, Канада, Британия, Франция, Скандинавские страны подступаются к решению этой проблемы.

По установленной спутниковой тарелке смотрим мировые телевизионные каналы. Львиная доля из них — из стран Ближнего Востока. Британский канал *BBC* в новостях часто рассказывает про проблемы мусульман в Британии. Так, недавно раздавались призывы ввести элементы шариата в британское, канадское законодательство. «Эти призывы неуместны, потому что порождают антимусульманские настроения. Они создают разделения, а не объединяют, — говорили в интервью сами мусульмане. — Что же касается законодательства, то в таких вопросах, как брак, развод, гражданский закон — равняемся на шариат». Что будет делать Британия, если большинство в ней будут составлять мусульмане?!

Весь мир обошла история о британской учительнице начальной школы. Вроде бы без всяких задних мыслей она в африканской школе стала вести с ребятами дневник. Дневник был посвящен плюшевому медведю. Медведя назвали именем одного из учеников — Мухаммед. Что из этого вышло и каких дипломатических усилий потребовало выдворение англичанки на родину, знает теперь весь мир.

Мы знаем и исторический ракурс проблемы. Россия сплав-

¹ См.: Изучение русского языка и приобщение к русской культуре как путь адаптации мигрантов к проживанию в России // Материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 12—14 ноября 2007 г. / Гл. ред. проф. Б. М. Игошев. — Екатеринбург, 2007.

ляла все народы. «Земля руськая» (Д. С. Лихачев), православие ассимилировало народы: так Мансуровы, Юсуповы, Лазаревы становились православными.

Посещая Тверскую область, политические лидеры разных направлений всегда отмечают, что она по сути дела — одна из немногих поистине русских, где подавляющее число населения — русские. Это не значит, что мы не столкнемся с проблемой мультикультурализма. Отголоски ее чувствуются постоянно. Наивно думать, что мультикультурализм — это студенты-мусульмане, торговцы с рынка, мирно идущие к Белой Троице.

В связи с этим традиционно придается внимание воспитанию, толерантности, пониманию «единства в многообразии». Виной этому — остывающая религиозность европейских народов. Французы более не изучают катехизис, католические церкви Италии пусты.

Есть и противоположные примеры. В Польше иная связь между государством и церковью. Церковь поддерживала солидарность на протяжении того времени, когда та была запрещена, и свержение коммунизма — по большей части заслуга католической церкви. И неудивительно, что преподавание Закона Божьего было вновь введено в школах, как только из программы было исключено преподавание марксистской идеологии. Законодательство обязало передавать библейские программы христианских ценностей по общественному и частному радио и телевидению. Церковь потребовала возвращения имущества, конфискованного не только коммунистами, но и русскими царями.

Корреспондент «Литературной газеты» в Париже А. Ваксберг анализирует опыт Франции. Преподавание религии в школах отменено здесь еще в 1882 г. Церкви закрыт доступ в государственное, но не частное образование. Никаких ограничений для церкви в создании своих школ не существует. По соглашению 1958 г., заключенному с католической церковью, государство берет на себя расходы по преподаванию в частных религиозных школах единых для всей страны общеобразовательных дисциплин (Госстандарт). Преподавание же собственно религиозных предметов оплачивается церковью и семьей и носит исключительно добровольный характер. Факт обучения религи-

озным дисциплинам в таких школах не отмечается в аттестате и никакого влияния на продолжение образования не оказывает. Такие школы очень популярны даже у нерелигиозных родителей в связи с высоким уровнем преподавания. В 2002 г. тогдашний министр образования Франции в своем аналитическом докладе нарисовал печальную картину, свидетельствующую о глубоких провалах в гуманитарном образовании, которое, как отметил министр, грозит «превратить французов в дебилов». Без знаний «нельзя понять ни кафедральный собор в Шартре, ни картины Тинторетто, ни музыку моцартовского “Дон Жуана”, ни произведения Виктора Гюго, ни даже “Страстную неделю” коммуниста Луи Арагона. Без знаний истории религий быть культурным человеком просто невозможно. “Невежды поневоле” не могут разобраться в событиях, сотрясающих бывшую Югославию, постичь, кто такой Мартин Лютер Кинг, каковы истоки современного джаза, и уж, конечно, того, что породило трагедию 11 сентября 2001 г.— ведь для этого надо иметь хотя бы элементарное представление о том, что такое ваххабизм. Преподаватели гуманитарных дисциплин обучаются “философии светского подхода к истории религий”. Практика показывает, что многие французские школьники понятия не имеют, почему государство освобождает людей от учебы и работы в Пасху, Вознесение и Рождество, не могут на самом примитивном уровне рассказать о Христе, Магомете, Аврааме и Заратустре. Преподается не религия (преподавание религии, да еще представителями церкви, привело бы страну на грань войны), а сведения о ней... Новый закон 2004 г. во Франции позволяет исключать из школ детей с любой бросающейся в глаза религиозной атрибутикой, как то мусульманские платки, иудейские кипы, индуистские тюрбаны, христианские кресты большого размера. Турция совсем недавно обещала, можно или нет турчанкам — представителям секулярного государства — носить платок. Иначе это бартер для женщин, желающих получить образование в университете. Недавно в Дании возродился карикатурный скандал. В Британии судом были оправданы любители читать экстремистские материалы — ключевым аргументом защиты было то, что они с ними только знакомились, а не использовали их как руководство к действию.

Можно вспомнить, как активно в американской армии проходила кампания по разъяснению ислама»¹.

Во всех странах мы видим действия власти — проводится политика мультикультурализма. Предпринимаются усилия по профилактике напряженности, пока не рвануло. Депутат Госдумы Н. С. Леонов считает, что власть сознательно предпринимает усилия по превращению нашей страны в Косово.

Это еще один повод задуматься над тем, что есть культура, как не язык. В связи с этим важно обретение языка. Это и первые слова, и полная грамотность, и постижение вершин культуры, достояния культуры — Достоевский, Толстой.

Мультикультурализм — это сознательное понимание разнообразия. Совсем недавний сюжет: сербы, сжигающие дубовые ветки на праздник Рождества, и Европа, дивящаяся тому, что они отмечают рождество 7 января.

В педагогическом дискурсе актуальным становится подготовка человека к межкультурному взаимодействию. Генерируются формы эмпатии, чуткости, чувствительности — новый тип личности, сознательно отбирающий и интегрирующий элементы различных культур.

Вопросы культурной идентичности и «чужеродности» культуры особенно актуальны в последнее время в связи с массовой миграцией в национальные государства и страны иммиграции (настолько значительной, что между двумя вышеназванными категориями стран стираются различия). Э. Эриксон писал о психосоциальной идентичности. Эта концепция получила расширение в этнологии, культурной и социальной антропологии. Культурная идентичность понимается как принадлежность индивида к какой-либо культуре или культурной группе, формирующая ценностное отношение человека к самому себе, другим людям, обществу и миру в целом. Сущность культурной идентичности заключается в осознанном принятии индивидом соответствующих культурных норм и образцов поведения, ценност-

¹ Бушев А. Б. Текстопостроение с установкой на религиозную толерантность // Стилистика и теория языковой коммуникации. Тезисы докладов Третьей Междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И. Р. Гальперина.— М., 2006.— С. 261—263.

ных ориентаций и языка, понимания своего «Я» с позиции тех культурных характеристик, которые приняты в данном обществе, в самоотождествлении себя с культурными образцами именно этого общества.

Мультикультурализм — существование разных культур, их сосуществование, взаимодействие и взаимовлияние — реальность современного мира. Именно эта реальность делает необходимым межкультурное понимание, фундирует диалог культур в современном мире. Недостатком понимания и коммуникации культурных сообществ и обуславливаются конфликты в современном мире. Мультикультурализм — это и социальная и правовая практика, и теория культурологии, изучающая особенности сосуществования и взаимодействия разных субкультур внутри социумов. Эта теория связана с политологией (в рамках политической и правовой культуры, в рамках проблемы «культура и идеология»), психологией (в рамках культурной психологии, этнографии, психоистории, истории культуры), историей (в рамках изучения исторической динамики появления и угасания различных исторических вариантов той или иной культурной общности), организационной психологией и теорией управления (в рамках исследования национальной организационной культуры, культуры предпринимательства, управления, особенностей культуры спроса и предложения, маркетинговых стратегий культуры), с теорией риторики (в рамках исследования проблемы диалогизма, проблем коммуникации), профессиональными отраслями знания (в рамках изучения профессиональной компетентности) и с философией (прежде всего с такими ее отраслями как философия культуры, социальная философия, моральная философия), информатикой (в рамках исследования динамично развивающейся культуры постиндустриального информационного общества).

В публицистике последнего времени тоже можно встретить идеи толерантности к другим культурам и диалогу. Так, например, в «Литературной газете» 24 мая 2005 г. А. Яковлева пишет: «Ведущая тенденция культуры последнего десятилетия во всех развитых странах — стремление привить детям и взрослым доброе, уважительное отношение к Другому — другому по облику, условиям существования, картине мира. Это видно по ли-

тературе, кино, анимации, да и просто в бытовом течении жизни, об этом гласят все европейские и американские кодексы политкорректности. Образ Другого как врага в европейской культуре все более и более съезживается и стремится к нулю — при всех известных издержках такой идеологии... Но в мире существует не только европейская культура. Другие культуры как раз сегодня упорно возвращают в себе образ врага, наделяя его религиозными, расовыми, национальными или иными отличительными признаками. Такого врага, которого уничтожают, даже если он сдается. Выживет ли в этих условиях сообщество, которое изо всех сил пытается “жить дружно” с теми, кто не признает за ними права на существование вообще, сказать трудно. Понятно лишь, что всякий нормальный человек, позитивно относящийся к миру, обязан уметь защитить свое отношение. Ведь если не он, то кто?»

Много нерусских студентов. Этнические армяне, мусульмане, представители среднеазиатских республик. Соответственно, актуальны проблемы адаптации «некоренного населения» к проживанию в России и привычки «коренного населения» к Другому. Пусть возникают национальные клубы и русский клуб, православный, содействующий популяризации элементов национальной культуры.

Новую оптику приобретает проблема «интернационализм и национализм». «Россия и русские в мировой истории» — чрезвычайно популярная книга Н. А. Нарочницкой — наследницы И. А. Ильина. Закономерен интерес к русской истории, памятникам национальным героям, святым. Совсем недавно еще запрещали памятник Клыкова Сергию Радонежскому, с боями публиковали «Поэтические воззрения славян на природу» Афанасьева. Русская идея обретает силу как идея неповторимой и толерантной богатейшей культуры. Новый шаг: в наши дни экспонируется собрание исторической живописи — от Васнецова, Сурикова, почти забытого Семирадского до Королькова. Расширение российской империи со времен Ивана Грозного не предполагало сосредоточения на своем прошлом. Эпидемия исторического невежества должна искореняться работой системы образования, в том числе религиозного. Принятые меры включают факультативность изучения православия.

Чрезвычайно важное значение имеет исследование процесса

аккультурации — процесс усвоения личностью, выросшей в одной культуре, элементов другой культуры, субкультуры, картины мира, в том числе и прецедентных текстов, стереотипов речевого общения.

Мировой опыт свидетельствует: концепция войны цивилизаций, популярная в начале перестройки, опровергается практикой. Другие... Чтобы их понимать, надо о них знать.

Давид Дондунов

*гл. ред. Новосибирской государственной филармонии,
выпускник аспирантуры Новосибирской государственной
консерватории (Академии) им. И. И. Глинки*

Новосибирск, Россия

ТИБЕТСКАЯ ТРАДИЦИЯ ЯН В КОНТЕКСТЕ МУЗЫКАЛЬНО-ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА СА БУРЯТСКОГО БУДДИЗМА

Тибетская система нотации *Ян* является одним из наиболее ярких феноменов буддийского искусства. Она используется на всей территории распространения северного буддизма, в частности, в Монголии, Бурятии, Калмыкии, и является одним из наиболее широко бытующих в современной мировой культуре видов старинных традиционных нотаций. До настоящего времени *Ян* не становилась объектом исследования отечественного музыковедения. Автору встречались лишь краткие и косвенные характеристики указанной системы нотации¹. Важным вкладом в освещение данного вопроса стали работы западных исследователей — Ивана Вандора, Тер Эллингсона и других², в которых, заметим, рассматривается исключительно тибетский канон системы *Ян*. Поскольку исследования автора настоящей статьи фокусируются в сфере изучения музыкально-ритуальной практики северного буддизма в Бурятии, нас интересуют в первую очередь аспекты, связанные с бурятскими реалиями функциониро-

1 См.: Бурятско-русский словарь / Под ред. Черемисова К. М.— М.: Сов. энцикл., 1973.— 804 с.; *Смирнов Б. Ф.* Монгольская народная музыка.— М.: Сов. композитор, 1970.— 365 с.

2 См.: *Говинда Лама Анагарика.* Путь белых облаков.— М.: Сфера, 1997; *Эллингсон Т., Дорже Р.* Дамару тайного ритуала Чод в пер. с англ. М. Савчука // Памятники востока. Сборник.— С. 51—56.; *Mabbett I. W.* Buddhism and music // Asian music. V. XXV, 1—2, 1993—1994.— P. 9—28.; *Vandor I.* La Musique du Bouddhisme tibétain, Paris, Buchet / Chastel, 1977.

вания феномена *Ян*. В данной ситуации одним из эффективных исследовательских путей представился сравнительный анализ «внешнего» (аутсайд) научного взгляда на бытование системы *Ян* и взгляда «изнутри» (инсайд) самих носителей традиции — лам буддийских дацанов Бурятии. Не менее перспективной видится возможность сравнения тибетского канона традиции *Ян* (объект исследования зарубежных этномузыкологов) с его бурятским вариантом (объект полевых исследований автора).

В результате такого сравнительного анализа открывается возможность установления стабильных и мобильных элементов функционирования системы, выявления локальных особенностей музыкально-обрядового комплекса бурятского буддизма, введения в обиход отечественного музыкознания нового интереснейшего пласта традиционного искусства.

За основу сравнительного анализа были взяты следующие источники: монография крупнейшего итальянского этномузыколога Ивана Вандора¹, и на сегодняшний день являющаяся выдающимся трудом по исследованию тибетской буддийской музыки; работа Т. Эллинсона и Р. Дорже²; статья И. Маббетта³, а также беседы с буддийскими ламами дацанов Бурятии, осуществленные автором в рамках полевых экспедиций 2000—2008 гг.: Иволгинским — Санжи-ламой, Кижингинским — Аюр-ламой, Агинскими — Бато-ламой и Содном-ламой, Баргузинским — Еши-Пунцог-ламой, буддийской общины «Замбала» Улан-Удэ — Амгалан-ламой.

Тибетский ритуальный комплекс, как и любая культовая система, характеризуется доминированием сакрального начала. Глубоким символическим значением наделяются и музыкальная составляющая, и фоноинструменты, и, соответственно, система нотации. Отсюда многослойность, неоднозначность и изменчивость каждого элемента данной системы.

Множество интерпретаций и значений имеет и сам термин

1 См.: *Vandor I. La Musique du Bouddhisme tibétain*, Paris, Buchet/Chastel, 1977.

2 См.: *Эллинсон Т., Дорже Р.* Дамару тайного ритуала Чод в пер. с англ. М. Савчука // *Памятники востока. Сборник.* — С. 51—56.

3 См.: *Mabbett I. W. Buddhism and music // Asian music. V. XXV, 1—2, 1993—1994.* — P. 9—28.

Ян(г) — *yang*. Так, И. Вандор понимает под *Yang* различные стили вокального и инструментального исполнения тибетской буддийской музыки¹: «Старый Янг» (*Yang Ning*) и «Новый Янг» (*Yang Sar*)². Т. Эллингсон отмечает, что «мелодии тибетских труб относятся к типу *жанг* (*dbyangs*). Это тончайшие изменения тона и уровней громкости, которые постоянно чередуются. Мелодии происходят от мантр и слогов, имеющих ритуальный, а не лингвистический смысл»³. Таким образом, в рассматриваемой традиции это понятие имеет, безусловно, обобщающее значение.

В отечественной литературе не было встречено сколько-нибудь подробного описания этой системы, а редкие упоминания относительно *Ян* носят случайный характер. К примеру, Б. Ф. Смирнов упоминает термин *ян-иг* лишь как систему записи буддийской храмовой музыки⁴. В бурятско-русском словаре говорится о том, что слово *ян* (*г*) в бурятском языке является малоупотребимым и, вероятнее всего, применимо исключительно к сфере культовой буддийской музыки⁵. Более подробное описание термина находим у современного лингвиста Д. Д. Дондовой, указывающей, что заимствованное из тибетского языка *dbyangs* (произносится как *yang*) означает «мелодия, мотив», но интерпретируется самими тибетцами как стиль медленного пения глубоким, гортанным голосом. В калмыцком языке слово *ян* обозначает «духовное песнопение», что более близко к значению тибетского *dbyangs*. Исследователь высказывает мысль о том, что сначала буряты использовали слово *ян* (*г*) для обозначения подобных песнопений, и что в дальнейшем оно утратило свое первоначальное значение и стало означать вообще мело-

1 В своей работе мы используем определение — «буддийская музыка» как рабочее, созная условность этого понятия.

2 См.: *Vandor I. La Musique du Bouddhisme tibétain*, Paris, Buchet / Chastel, 1977.— P. 115.

3 Эллингсон Т., Дорже Р. Дамару тайного ритуала Чод в пер. с англ. М. Савчука // Памятники востока. Сб.— С. 53.

4 См.: *Смирнов Б. Ф.* Монгольская народная музыка.— М.: Сов. композитор, 1970.— С. 84.

5 См.: *Бурятско-русский словарь* / Под ред. К. М. Черемисова.— М.: Советская энциклопедия, 1973.— С. 800.

дию¹. Здесь следует уточнить, что в процессе собственных полевых экспедиций автору настоящей статьи не доводилось встречать упоминание термина *Ян* по отношению к народной музыке — общеупотребимым для данных мелодий, на наш взгляд, является термин *аялга*.

В процессе изучения дефиниций понятия *Ян* автор убедился в следующем: в понимании бурятских лам *Ян* фигурирует и в качестве обозначения буддийской музыки как таковой, и как свод мелодий, и в качестве названия системы нотной записи. Согласно высказываниям самих лам, *Ян* — как свод буддийских песнопений (числом в несколько сотен) — насчитывает тысячелетнюю историю. Показательно при этом, что мотивы *Ян* используются только в дни великих служб (*хуралов*), и их заучивание *хувараками* (рядовыми монахами) происходит лишь накануне праздников путем устного запоминания на слух и кратких предварительных инструкций *унзата* (уставщика, ведавшего службой).

У И. Вандора имеется важное уточнение, касающееся того, что *Ян* представляет собой не строгую нотацию, а мнемоническую музыкальную письменность с описательными аспектами. Эта вокальная нотация не обозначает реальной высоты звучания, но иногда представляет некоторые его высотные изменения². Таким образом, данная нотация характеризуется типологическими признаками традиционных систем нотаций народов мира.

Отметим также, что *Ян* играет важную роль во всех основных четырех школах тибетского буддизма. И в частности, в тантризме «является прямым средством достижения ступеней высокого погружения во время медитации»³.

В ходе рассмотрения различных аспектов бытования музыкально-конфессиональной системы бурятского буддизма автор неоднократно убеждался в сознательном и целенаправленном следовании бурятскими ламами канонам вероучения, установившимся в Тибете к XV в.

1 См.: Дондокова Д. Д. Лексика духовной культуры бурят. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН, 2003. — С. 74—75.

2 См.: Vandor I. La Musique du Bouddhisme tibétain, Paris, Buchet / Chastel, 1977. — P. 117.

3 Дондокова Д. Д. Указ. соч. — С. 75.

Вместе с тем, возвращаясь к вопросу о разнообразии трактовок термина *Ян*, следует заметить, что каждая из тибетских буддийских школ, каждый монастырь, сохраняя общую основу и общие символы, имели свои традиции исполнения и нотации *Ян*. Соответственно не меньшее многообразие традиций мы находим и в бурятских дацанах, каждый из которых источником своей культовой практики имел традиции определенного тибетского монастыря.

А в дальнейшем бытовании традиции *Ян* огромную роль сыграли исторические факторы. Со слов самих лам, до революции в Бурятии, Забайкалье, Калмыкии, Монголии существовал «Старый Ян». В послевоенное время, когда было получено правительственное разрешение вновь открыть дацаны (Иволгинский, Агинский в 1949 г.), и вернувшиеся из лагерей ламы стали по памяти восстанавливать традиции *Ян*, появился «Новый Ян», в каждом дацане свой. В условиях изоляции бурятских дацанов от тибетских буддийских центров большинство традиций, связанных с богослужебным комплексом, передавалось устным путем. Так, традиция *Ян* передавалась от *унзата* к *унзату*. А уже за ним во время самой службы следовали остальные ее участники. Накануне больших служб — *Великих хуралов* — назначался предварительный, «тренировочный» хурал *Ярцог*, *Янчога* (тиб.), во время которого унзат объяснял все тонкости службы, в том числе, как «должна идти музыка», когда петь и в какое время вступать определенным фоноинструментам. Рядовые *хувараки* делали для себя пометки прямо на страницах богослужебных текстов, например: *сан дан джай* — «в сопровождении цана»¹, *тогда зиндэндун* —

¹ Цан (тиб.— ролмо, тув.— шан) — тарелки, представляющие собой два диска «дзельбэ» («вогнутый сосудоклаппер» 111.142 X. 3.) и имеющие в центре выпуклость — головку («царан»). В ее отверстие продернут ремешок, служащий ручкой. Две тарелки цана символизируют соединение двух начал: мужского и женского, земного и небесного, нижнего и верхнего.

Цэльнин — по своему внешнему виду подобен цану («вогнутый сосудоклаппер» 111.142 X. 3.). Однако головки тарелок меньше, чем у цана, и сами тарелки имеют более плоскую форму.

Дамару (дамару — бур., монг., гагагу — санскр., арамбуру — тиб., калм., дамбыра — тыв.) — маленький ручной барабанчик (погремушечный барабан, мембранофон — 212 X. 3.)

«бить (цаном) на весу, *дальбор шэу* — «очень медленно», *дильбу* — «с колокольчиками», *лу ще* — «нараспев».

Наиболее активно *Ян* употребляется в дни «Сагаалгана» («Праздник Белого месяца» — восточного Нового года), когда каждый день читаются *мани* (молитвы) на разные мотивы. Какие конкретно используются мотивы и каким образом нужно их «читать», объясняется в специальной богослужебной книге — «Горим» (от тиб. «курим» — «заклинание»), которой мог пользоваться только *унзат*.

Полевые исследования автора показывают, что к настоящему периоду в Бурятии сохранилось небольшое количество письменных образцов *Ян* как в хранилище тибетских источников в Улан-Удэ и в дацанских библиотеках, так и в частных коллекциях лам. И в современной обрядовой практике традиция *Ян* используется крайне редко, поскольку число людей, владеющих ею, в Бурятии единично¹. Положение усугубляется тем, что молодые ламы не ставят целью изучение традиции *Ян*, отдавая предпочтение другим богослужебным дисциплинам. Вследствие этого, как можно заметить, в малых (ежедневных) *хуралах* вместо мелодизированных фрагментов *Ян* (которые предполагает каноническая структура службы) прочитывается лишь текст молитвы, а расхождения в интонировании мелодической линии не имеют принципиального значения. Здесь главным фактором пропевания молитвы является синхронность произнесения текста молитвы, т. е. темпоритмические характеристики.

Такую установку можно считать общей для всей северно-буддийской канонической традиции. Согласно словам ламы Анагарика Говинды, «сила воздействия тибетской ритуальной музыки, сопровождающей богослужение, основана не на мелодике, а на ритме и качественной чистоте звучания»². Далее тот-

Кэнгэргэ (санскр.— *Bheri*, монг.— *хэнгэрэг*, калм.— *кенкртг*) — представляет собой плоский двусторонний барабан с рукояткой (211.322 X. 3.), обтянутый кожей. Имеет размер около метра в поперечном диаметре и деревянные стенки, на которые натягивается козья кожа, выделанная наподобие пергамента.

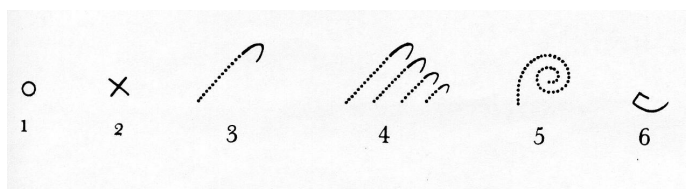
1 Среди них следует назвать ламу буддийской общины «Ламрим» Туван-Доржи и цольджин-ламу Иволгинского дацана Санжи-лама.

2 Говинда, Лама Анагарика. Путь белых облаков.— М.: Сфера, 1997.— С. 50.

же автор указывает, что роль мелодии в тибетской музыке мимолетна, как недолговечны и изменчивы настроения индивидуальной жизни, а ритм является ее главным содержательным и организующим началом»¹.

В этой связи закономерным представляется тот факт, что ламы Агинского дацана, которым автором были продемонстрированы символы тибетской нотации, смогли определить из них лишь те, которые были связаны с ударными инструментами.

В качестве примера приведем монографию И. Вандора, в которой приводятся следующие символы²:

где 1 — это один удар тарелок (цана), при этом, в зависимости от того, как расположен этот знак, выше или ниже слогов, инструмент должен был звучать громко или тихо;

2 — короткий и быстрый удар в центр левой тарелки правой, которая держится перпендикулярно;

3 — пунктирная часть знака означает ускорение, а крючок — быстрый удар в конце левыми краями тарелок;

4 — каждый из этих знаков интерпретируется как и предыдущий, но каждому последующему соответствует все более тихое исполнение (по внешнему виду знака можно заметить его описательно-изобразительный характер);

5 — обозначает ускорение и уменьшение громкости нижнего вводного тона, исполняемого только *унзатом*, который сразу после исполнения этой формулы поворачивает правую тарелку к левой, не касаясь ее (очевидно, что этот жест и изображен графически);

6 — слабый удар левым краем правой тарелки, которую держат в перевернутом виде, в правый край левой тарелки.

Из всех перечисленных знаков ламы Агинского дацана называют лишь на первый из них, причем с его разновидностями:

¹ Там же.— С. 50.

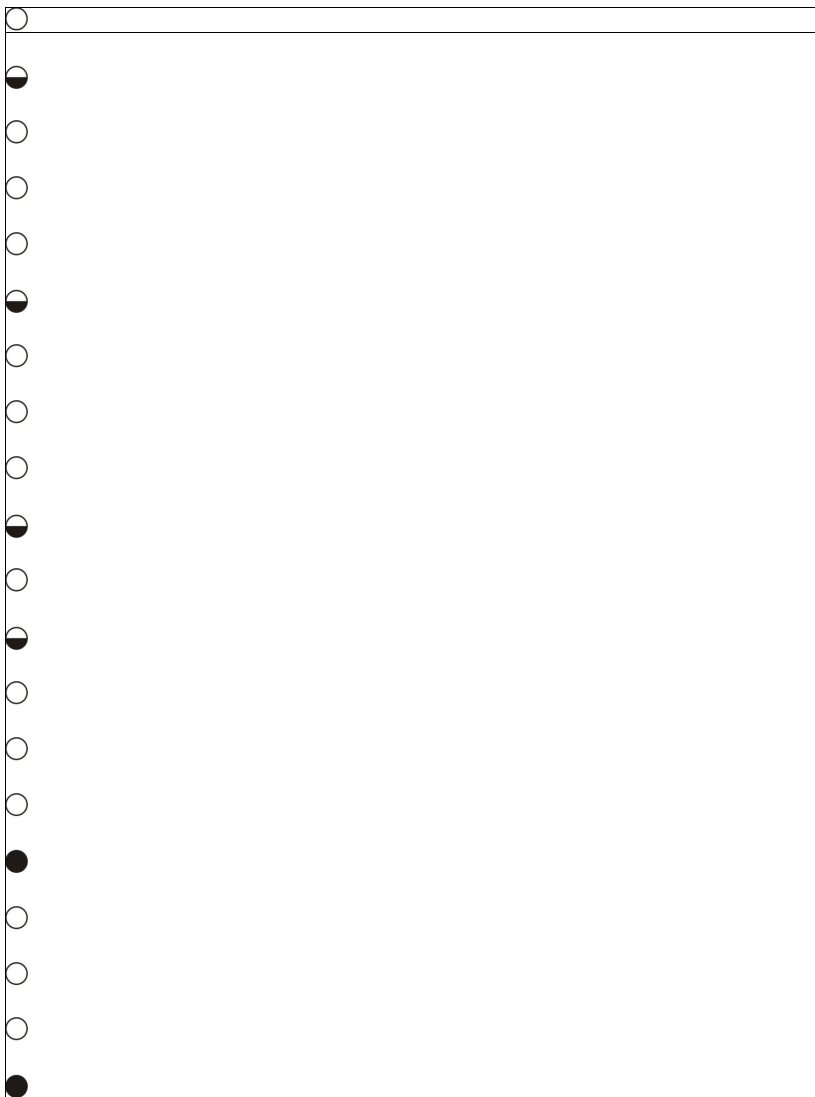
² См.: *Vandor I. La Musique du Bouddhisme tibétain*, Paris, Buchet/Chastel, 1977.— P. 121.

где

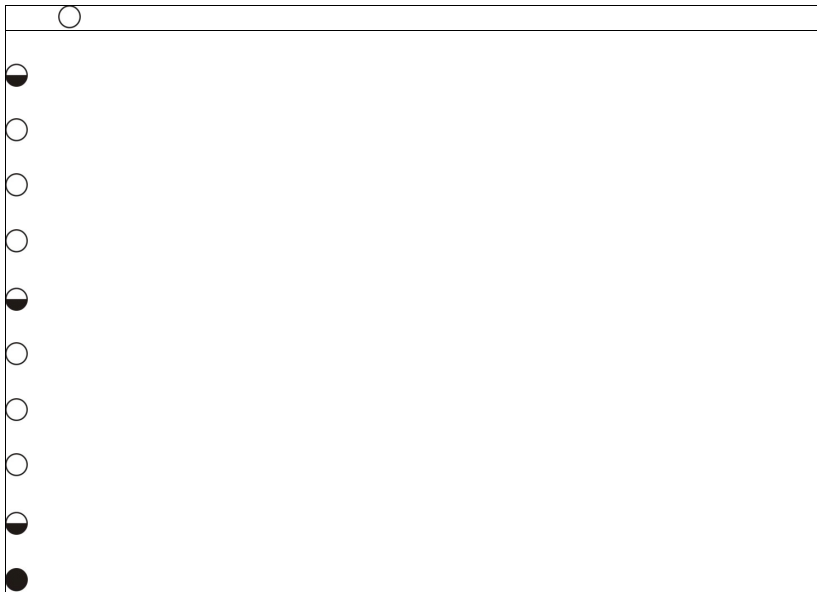

- 1 — громкий удар верхней тарелки по центру правой;
- 2 — короткие удары краем верхней тарелки по краю нижней;
- 3 — приглушенный удар правой тарелкой по левой, которая прижата к коленям;
- 4 — удар краем одной тарелки об другую;

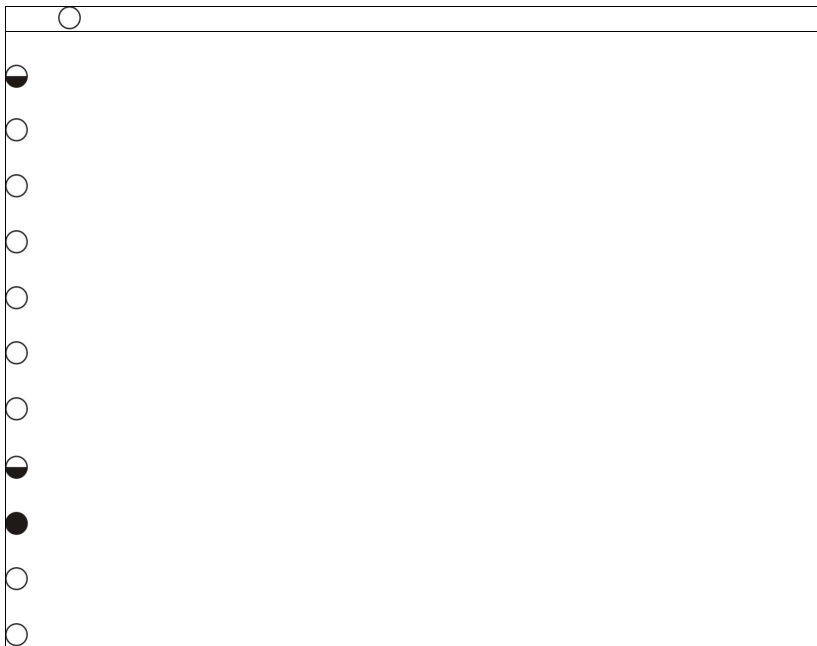
С помощью данных символов ламы Агинского дацана в процессе службы выстраивают определенные ритмические формулы, имеющие особый сакральный смысл:

Формула «108 цанов»

Формула «11 цанов»

Формула «13 цанов»

Проведенные автором исследования показали, что в контексте буддийской службы в Бурятии именно временные и ритмические характеристики являются доминирующими. В инструментальном пласте это проявляется через наличие стабильных ритмических формул. При игре на ударных инструментах — *цане*, *цэльныне* или *кэнгэргэ* — количество ударов в каждом конкретном ритмическом эпизоде соответствует определенному числу, имеющему мистический смысл (например, такие группы, как: «108 цанов», «11 цанов», «4 + 4 цана» и т. д.). Это свидетельствует о наличии изначальной типологически обусловленной связи традиции бурятского буддийского ритуала с традиционной числовой символикой.

У Т. Эллингсона находим подтверждение данному факту: «Тибетские инструментальные композиции не только включают мелодии, основанные на тонких, почти неосязаемых вариациях

ладотональных контуров, но и ритмические структуры, превосходящие по своей математической сложности все известные типы музыки»¹.

В заключение отметим, что настоящая работа демонстрирует результаты лишь первых в отечественном музыкознании этапов изучения тибетской музыкально-религиозной традиции *Ян*. При этом уже приведенные автором данные свидетельствуют об огромном значении описанного феномена в функционировании буддийского обрядового комплекса, в частности, в Бурятии. Несмотря на бесконечно разнообразные формы системы *Ян*, она демонстрирует универсальную структуру бытования, а ее конкретные геокультурные преломления позволяют судить о канонических и вариативных особенностях буддийского культа.

¹ Эллинсон Т., Дорже Р. Дамару тайного ритуала Чод / Пер. с англ. М. Савчука // Памятники востока. Сб.— С. 55.

Наталья Хантургаева

*канд. социол. наук, и. о. доц. каф. культурологии
и социокультурной антропологии
Восточно-Сибирского государственного
технологического университета*

Улан-Удэ, Россия

ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В БУРЯТИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Этнокультурные, социально-экономические, этнополитические процессы тесно связаны с социолингвистическими. Любой язык помимо основных функций (коммуникативной, информативной, эмотивной, интеграционной) выполняет функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества, формирует определенную картину мира, менталитет, этнокультуру. По определению О. А. Корнилова¹, языковая картина мира — это вербализованная система «матриц», в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер. Без знания этой системы «матриц» национального сознания трудно понять многое из того, что и составляет национальную культуру, в частности: этические, нравственные и ценностные приоритеты, систему образности, систему ассоциативного мышления и т. д. Утрата родного языка разрушает и саму систему воспитания. Стремление к изучению, применению и сохранению родного языка не следует рассматривать в контексте дезинтеграции, так как только семейные ценности (в том числе общение на родном языке) могут противостоять различной социальной девиа-

¹ См.: Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003.

ции.

Уважение к культуре любого народа, знание истории и традиций, осмысленное отношение к себе начинается с общения в семье на нескольких языках. Естественно, что знание родного языка способствует формированию интереса к истории и культуре своего народа. Недаром произведения А. С. Пушкина стали классикой русской и мировой литературы, так как показали богатство и красоту народной речи и культуры. Вспомним, как в аристократическом обществе того времени принято было выражать свои мысли и чувства только по-французски, а следовательно, и все поведение было больше французским, непонятным простому народу.

Коннотативная зона любого языка весьма трудна для усвоения представителями других культур. Человек, не занимающийся лингвистикой или этнографией, может просто не осознавать ее существования и ограничиваться знанием лишь основных («предметных») значений слов, или, что даже хуже, привносить в чужой язык привычные коннотации своего родного языка, считая их универсальными или само собой разумеющимися. Именно в неосознании колоссальной важности этой части языковой картины мира и кроется причина многих культурно-коммуникативных сбоев, как считает О. А. Корнилов.

Без анализа языковой ситуации невозможно в полной мере понять и оценить все другие социальные изменения. Одной из задач нашего исследования, проведенного в 2007 г. социологической службой «Эйдос» при участии автора, являлось выяснение языковой компетентности респондентов и состояния билингвизма в республике. Было опрошено 732 человека: жители Улан-Удэ, Гусиноозерска и 14 поселений республики на территории 6 сельских районов Бурятии. Выборка была репрезентативной по полу, возрасту и национальности.

Символическая роль языка как маркера этнических и культурных границ изучается этносоциологами, социолингвистами, этнологами, психологами, которые приходят к выводу, что реальное использование какого-либо языка представителями этнической группы может отличаться от представления о ценно-

сти и важности его как критерия дифференциации¹. По результатам нашего исследования язык является важнейшим фактором этнической идентификации для большинства респондентов. Так, жителей Бурятии с представителями своего этноса сближают язык (34,7 %), чувство кровно-родственной связи (21,3 %), семейно-бытовые традиции (19,3 %). Значительно меньшую роль играют религия (8,5 %), территория расселения (8,3 %), самоощущение (4,7 %). Несмотря на то, что большинство бурят говорят по-русски не только в общественных местах, но и в кругу семьи, язык является для них одним из важнейших этноконсолидирующих факторов наряду с чувством кровно-родственной связи.

Данные исследования свидетельствуют о том, что на языке своей этнической общности в кругу семьи общаются 99,8 % респондентов-русских; 46,9 % бурят; 27,3 % представителей других этносов. Только по-русски в семье говорят 32,2 % бурят, 68,2 % представителей других этносов, и никто из русских респондентов не говорит дома на другом языке, кроме 0,2 % респондентов, использующих два языка (возможно, в связи с межэтническим браком). На работе и по месту учебы используют язык своего народа 100 % русских, 17,4 % бурят, 18,2 % представителей других этносов.

Русский язык в общественных местах (магазине, больнице и т. д.) употребляется еще чаще, чем во всех предыдущих коммуникативных ситуациях: русскими — в 99,8 % случаев, бурятами — в 66,5 % случаев, представителями других этносов — в 81,8 % случаев. На языке своей национальности в общественных местах говорят лишь 10,8 % бурят и 18,2 % представителей других этносов. Таким образом, в Бурятии бурятский язык используется только бурятами, да и то не во всех коммуникативных ситуациях.

В советский период многие буряты, получившие образование в русских школах, добровольно использовали русский язык в кругу семьи, стремясь научить детей хорошо говорить по-русски. Владение русским языком предполагало признание человека доминантной группой, способствовало позитивной идентичности, высокому статусу в обществе. Языковая аккультурация была

¹ См.: Дробижнева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

характерна для многих этносов не только России, но всего Советского Союза. Институциональная поддержка бурятского языка в постсоветской России не оказала существенного влияния на уровень владения бурятским языком. Несмотря на то, что в республике два государственных языка, приведенные выше данные позволяют смело утверждать о преобладании тенденции аккультурации в пользу русского языка, но не о билингвизме.

Письменным языком владеют, по их собственному мнению, 67,7 % респондентов-бурят, в то же время думают по-бурятски меньшее количество людей — 40,4 %. Вторая цифра, на наш взгляд, ближе к реалиям языковой компетентности, так как респонденты могут завышать уровень своих знаний и навыков в силу разных причин. Во-первых, некоторые из опрошенных респондентов считают, что они могут читать и писать по-бурятски, так как бурятский язык переведен на кириллицу, но в действительности же не всегда понимают смысл слов. Во-вторых, на завышение оценки лингвистических знаний влияет представление о важности языка как критерия этнической идентичности. Так, из числа опрошенных по всей выборке и отметивших, что «с представителями моего народа сближает в первую очередь язык», 93,7 % утверждают, что умеют читать и писать на языке своего народа.

Буряты, проживающие в городе, думают, в основном, по-русски (74,3 %), следовательно, русский язык является для них фактически родным языком. Но они этого не осознают и не признают и продолжают называть родным языком бурятский язык (67,6 %). Преобладание примордиалистского понимания этничности в массовом сознании способствует признанию родным языком язык своих кровных родственников независимо от сформировавшейся социолингвистической ситуации. Русский язык в качестве родного языка рассматривают 25,7 % городских бурят и 10,2 % бурят, проживающих в сельской местности.

Городские буряты в меньшей степени считают язык фактором консолидации, лишь 17,6 % респондентов назвали язык в качестве своеобразного «цемента». Напротив, 37,6 % респондентов-бурят, проживающих в сельской местности, считают, что именно язык сближает их с представителями своего народа. Возможно, знание бурятского языка играет в данном случае

определяющую роль. Язык сближает тогда, когда его можно использовать в процессе коммуникации. В зависимости от уровня владения языком рассматривается и значимость языка как критерия консолидации. Зависимость прослеживается следующая: во-первых, из числа тех бурят, кто думает на русском языке, лишь 18,4 % признали язык консолидирующим признаком; во-вторых, из числа думающих на бурятском языке 45,7 % отметили, что язык сближает в первую очередь; в-третьих, билингвизм способствует осознанию важности языка в процессе идентификации, потому что из числа думающих и на бурятском, и на русском языке 40 % указали на приоритет языка в качестве фактора консолидации.

В среде городских бурят распространено мнение о том, что незнание языка не влияет на процесс идентификации. Поэтому в городе чувство кровно-родственной связи сближает 31,1 % респондентов-бурят, а в селе — 25,3 %. У респондентов-русских наоборот: в селе отдают предпочтение кровно-родственным связям 19,8 % и лишь 12,4 % — в городе. Такое распределение ответов свидетельствует о том, что буряты в большей степени чувствуют необходимость поддержки и помощи со стороны родственников в городе, а русские — в селе. Респонденты-русские чаще всего выбирают именно язык как консолидирующий признак. После распада Советского Союза ценность русского языка как языка межнационального общения значительно снизилась, но возросла значимость его как этнообъединяющего фактора.

Религия и семейно-бытовые традиции в качестве объединяющего признака у бурят и представителей других этносов составляют примерно по 14 % от числа опрошенных. У русских респондентов значимость религии существенно меньше (4,9 %).

В условиях глобализации и массовой культуры перспектива сохранения родного языка представителями разных этносов оценивается по-разному. Более оптимистичны русские респонденты в оценке вероятности обязательного использования русского языка в будущем, их процент почти в два раза выше, чем у бурят (67,6 % и 36,5 % соответственно). Каждое новое поколение бурят все в большей степени использует русский, английский

и китайский языки.

В целом у жителей Бурятии социокультурные факторы идентификации (язык, традиции, религия) незначительно преобладают над биологическими (кровное родство) и существенно — над психологическими (самоощущение). В массовом сознании наших респондентов конструктивистская парадигма не является распространенной в силу традиционалистских установок населения. Примордиалистское понимание этничности, господствовавшее в советское время, постепенно сдает позиции, но еще достаточно актуально.

Стремление бурят к обучению в центральных вузах России, увеличение за последнее десятилетие числа горожан среди бурят способствуют интеграции с русскими и использованию русского языка в качестве родного в речевом поведении, но не в сознании и эмоциональном восприятии языка. На наш взгляд, такая двойственность нежелательна как для личности, так и для этнических групп и общества в целом. В поликультурном обществе билингвизм может способствовать стабильной и спокойной ситуации. Для установления согласия в регионе доминирующее большинство должно поддерживать социально приемлемые формы проявления разнообразия, что и происходит в Бурятии на институциональном уровне.

Елена Макрушич
аспирант каф. истории Беларуси
Гродненского государственного университета им. Я. Купалы
Гродно, Беларусь

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Распад СССР и образование суверенного белорусского государства активизировали процессы формирования этнического и национального самосознания, вызвали повышение общественного интереса к родному языку, истории, традициям, обычаям — основным составляющим этнокультуры. В этом нет ничего удивительного, поскольку в период общественных трансформаций именно этнокультура выступает как средство сохранения культурной самобытности народа. В этнической культуре заключен ряд определенных этнодифференцирующих символов, благодаря которым происходит осознание единства этноса, его уникальности и отличности от других. С другой стороны, фольклор и традиционное искусство славян имеют много общего и становятся факторами, сближающими родственные народы.

Следует отметить значительную роль государства в деле сохранения этнических культур. Возрождение народных обычаев, ремесел и промыслов, сбор фольклорного материала, деятельность фольклорно-этнографических коллективов, приобщение детей к этнокультурным ценностям требуют капиталовложений и не гарантируют получения никакой прибыли, кроме духовного обогащения. Поэтому этнокультура может рассчитывать только на энтузиастов, меценатов и государственную помощь. Меценатство в постсоветских республиках — явление не слишком распространенное, поэтому в новых условиях не уйти в небытие этническим культурам помогают специалисты-энтузиасты и государственные структуры, в чьи функции это входит.

Государство осуществляет управление сферой этнокультуры с помощью этнокультурной политики. Последняя включает идеологические принципы и нормативно-правовую базу, на основе которых формируется комплекс мер и методов, призванных регулировать этнокультурные процессы в стране.

Этнокультурная политика в Республике Беларусь на протяжении всего постсоветского периода проводилась по двум основным направлениям: поддержка традиционной (этнической) культуры белорусов и сохранение этнокультур национальных меньшинств. В ее реализации можно выделить несколько основных этапов. На первом — 1991—1994 гг. — большой акцент делался на поддержку этнической культуры белорусов, меньше внимания уделялось этнокультурному развитию национальных меньшинств, хотя в целом в условиях экономического кризиса объемы государственной финансирования, направляемые в отрасль культуры, были невелики. В 1995—1998 гг. значительно активизировалась деятельность государства по поддержке этнокультур национальных меньшинств: были созданы специальные органы государственного управления, положительные изменения произошли в развитии этнокультурного образования и популяризации искусства национальных меньшинств. С 1997.1998 гг. в связи с постепенным улучшением в республике экономической обстановки произошло увеличение финансовой и организационно-методической помощи государства этнокультурным объединениям национальных меньшинств, больше внимания стало уделяться вопросам сохранения и популяризации традиционной культуры белорусов.

Осуществлением этнокультурной политики в отношении традиционной художественной культуры белорусов и музыкального, танцевального, изобразительного искусства национальных меньшинств в независимой Беларуси занималось Министерство культуры Республики Беларусь и его подведомственные организации. Управление сферой этнокультурного образования белорусов и других этнических групп находилось в ведении Министерства образования Республики Беларусь. Этнокультурное образование белорусов включало не только изучение в школьных учреждениях белорусского языка, литературы и истории, но и активное включение детей в контекст этнокультуры. Так, с 1993 г.

в некоторых средних школах республики внедрялся экспериментальный проект «Этношкола», в рамках которого дети в учебное время учились исполнению народных песен и танцев, игре на народных инструментах, участвовали в инсценировке белорусских народных обрядов.

Приоритетным направлением этнокультурной политики в отношении этнической культуры белорусов было сохранение, возрождение и органическое включение в современный контекст национальной культуры белорусского фольклора и традиционного искусства. Министерством культуры выделялись два основных вида, в которых существует традиционная культура, в частности, фольклор: первичный — аутентичный фольклор в своих региональных и локальных особенностях, и вторичный — обработанные, стилизованные, сценические формы устно-сценического творчества в художественной самодеятельности и профессиональном искусстве (репродуктивный фольклор)¹. В отношении аутентичного фольклора проводился ряд мероприятий, направленных как на сохранение фольклорного наследия в фиксированном виде и его изучения, так и на поддержку его существования в естественной среде. Следует особо отметить, что проводились определенные мероприятия по передаче фольклорных традиций детям от пожилых людей-носителей фольклора, что способствовало сохранению аутентичной традиционной культуры. Репродуктивный фольклор, традиционные народные ремесла и промыслы развивались в русле любительского творчества. В осуществлении этнокультурной политики в отношении традиционной культуры белорусов можно выделить ряд следующих направлений: создание системы правового обеспечения, разработка и реализация республиканских и региональных программ по поддержке традиционной культуры, создание инфраструктуры для усвоения и популяризации народного искусства, научное изучение этнокультуры белорусов, проведение фестивалей и выставок, адресная материальная поддержка народных мастеров и фольклорных коллективов, популяризация этнокультуры бело-

¹ См.: Протоколы № 3—5 заседаний коллегии Министерства и документы к ним (5.03.1997—24.04.1997) // Архив Минкультуры Республики Беларусь. — 279 с.— Л. 129.

руссов через СМИ.

Одной из главных целей этнополитики в Республике Беларусь являлось сохранение в обществе спокойной межэтнической обстановки и предотвращение возникновения напряженности и конфликтов на межэтнической почве. Этнокультурная политика также проводилась в целях обеспечения данных установок. Был принят ряд законодательных актов, призванных регулировать этнокультурное развитие национальных меньшинств Беларуси. Среди них следует назвать Законы «О языках в Республике Беларусь», «О культуре в Республике Беларусь», «Об образовании в Республике Беларусь», «О национальных меньшинствах в Республике Беларусь». Согласно действующему законодательству государство в Беларуси ответственно за сохранение историкокультурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Беларуси.

По данным переписи населения Республики Беларусь (1999 г.) в Беларуси проживали представители 140 этнических групп. 81 % жителей страны составляли белорусы, 11 % — русские, 3,9 % — поляки, 2,4 % — украинцы, 0,3 % — евреи; более чем по 10 тыс. человек — армяне и татары; около 10 тыс. — цыгане; более чем по 6 тыс. — литовцы и азербайджанцы; более чем по 4 тыс. — молдаване и немцы; 3 тыс. — грузины. Число представителей других национальных меньшинств было очень незначительным: 41 этническая группа была представлена в количестве от 10 и менее человек¹.

Вопросы этнокультурного развития национальных меньшинств с 1995 г. находились в ведении Координационного совета по делам национальных меньшинств при Кабинете Министров Республики Беларусь (рекомендательный орган), с 1997 г. — Государственного комитета по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь (орган исполнительной власти в 2002 и 2006 гг. преобразовывался без значи-

¹ См.: *Билык А. Н., Уральский Ю. М.* Законодательное обеспечение прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и его реализация в Республике Беларусь // *Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы навук. конф., Мінск, 6—7 снеж. 2001 г. / рэд. У. Навіцкі, М. С. Сташкевіч.* — Мінск: Дэполіс, 2001. — С. 310—318.

тельного изменения функций). В отношении этнических меньшинств официальными лицами употреблялись два термина: «национальные меньшинства» и «национальные общности», причем предпочтение отдавалось последнему, особенно с конца 1990-х гг. Следует отметить, что представители властных структур не употребляли термина «этнокультурная политика», пользуясь понятием «национальная политика». Однако анализ публикаций сотрудников органов государственного управления по делам национальных меньшинств и изучение основных направлений их работы показали, что этнокультурный аспект в реализации национальной политики (обеспечение свободного развития культур, языков, традиций всех национальных общностей) являлся приоритетным.

В условиях иноязычного окружения для представителей национальных меньшинств главным этнообъединяющим фактором становится родной язык, а вопросы его сохранения и передачи будущим поколениям приобретают особую актуальность. Русский язык и литература являлись обязательными для изучения во всех школах Беларуси, а в результате референдумов 1995 и 1996 гг. русский язык стал вторым государственным языком в Республике Беларусь. В республике издавалась литература на русском языке, распространялись российские газеты и журналы, вещали общероссийские телеканалы. Среди других этнических групп наиболее активно развивалось этнокультурное образование поляков, литовцев, евреев, украинцев. При финансовой поддержке государства издавались печатные издания объединений национальных меньшинств, действовали художественные коллективы, оказывалась помощь в изучении культурного и исторического наследия национальных меньшинств. Регулярно проводились фестивали национальных культур, включавшие танцевальные и песенные конкурсы и смотры, выставки украинской вышивки, еврейской книги, праздники национальной кухни. В государственных СМИ публиковались статьи о культурной жизни национальных общин, интервью с руководителями этнокультурных объединений, на радио и телевидении существовали специальные программы, посвященные этнокультурным вопросам.

Подводя итоги, надо отметить, что государственными орга-

нами Республики Беларусь уделялось значительное внимание вопросам развития этнических культур. Активизация этих процессов произошла с середины 90-х годов, в дальнейшем государственная поддержка традиционной культуры белорусов и этнокультур национальных меньшинств приобрела регулярный характер. Основными направлениями этнокультурной политики на протяжении всего постсоветского периода были: развитие этнокультурного образования и воспитания, информационно-просветительская деятельность в этнокультурной сфере, научное изучение культурного наследия всех этносов Беларуси, популяризация и распространение традиций этнокультуры в белорусском обществе.

**ОСОБЕННОСТИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ И ЭТНОПОЛИ-
ТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРИ**

Александр Ярков

*д-р истор. наук, зав. сектором изучения этноконфессиональных
отношений Института гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета*

Тюмень, Россия

К 300-ЛЕТИЮ СИБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ¹

Ущемленную этничность и региональный провинциализм очень активно использовали и, к сожалению, продолжают использовать в политических и сепаратистских целях радикальные силы. Это уже неоднократно случалось в истории региона: 1663 г.— попытка создать хантыйское государство; во второй половине XX вв.— идея областников о «сибирской государственности» по типу США; после революции 1917 г.— требование государственной самостоятельности Сибири; конец 1980 гг.— попытка создать государственность сибирских татар в форме территориальной или национально-культурной автономии²; 1992 г.— разработанный проект закона РСФСР «Об образовании Уральской республики»³; 1993 г.— заявки на Мансийскую республику⁴. Всякий раз за лозунгами сохранения «самости» просматривались попытки разделения сибирской территории.

Этнорегиональный радикализм может приобретать порою причудливые формы, подобные заявлению «истинного патриота и сибирского аборигена» Г. Нечипаева «от имени миллионов сибиророжденных людей» (это, якобы, «самостоятельный русскоязычный сибирский народ») о необходимости создания независимой Сибирской Республики (Эсерии) с вооруженными сила-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 07-06-0762 РФФИ.

² См.: *Исхакова С. М., Валеев Ф.-Т. А.* Сибирские татары: этнокультурные

ми¹.

И напротив, был иной опыт укрепления российской государственности, даже ограничивая его пределами Западной Сибири. Так, в соответствии с идеями Петра I усилились централистские тенденции в государственном управлении, хотя в 1697 г. и сохранялся Сибирский приказ. Только с 1708 г. начались административно-территориальные реформы, коснувшиеся всей Азиатской части России.

Тобольск еще 10 лет оставался центром крупнейшей в стране губернии, простиравшейся от Вятки до Камчатки. Сибирская губерния в 1719 г. была поделена на провинции: Вятскую, Соликамскую (в 1727 г. перечислены в Казанскую губернию) и Тобольскую. К Тобольской провинции в 1726 г. были приписаны Томск, Кузнецк и Нарым из Енисейской провинции.

Трудно соотносить даже архивные данные и свидетельства очевидцев с указанными названиями волостей, областей, губерний, областей. Некоторые современные районы Западной Сибири — это части бывших Оренбургской, Пермской, Тобольской, Уфимской губерний и Акмолинской области Степного генерал-губернаторства, границы которых постоянно менялись, а сами районы переподчинялись. Так, юго-западные районы современной Курганской области долгое время входили в состав Сибирской, с 1744 г. находились в составе Оренбургской (которая в 1781 г. была реорганизована в Уфимское наместничество, состоявшее из двух областей — Уфимской и Оренбургской), а также Пермской губерний.

Иногда административные образования были сложно построены. Так, созданный в 1747 г. Колывано-Воскресенский горный округ входил в Тобольскую провинцию Сибирской губернии, переименованную в 1764 г. в «Сибирское царство», подразделявшееся на Тобольское и Иркутское генерал-губерна-

и политические проблемы возрождения. Исследования по прикладной и неотложной этнологии.— № 92.— С. 5.

3 См.: Шмурыгин В., Белкин В., Чмелев Н. и др. Будет ли прирастать мочушество Приобья? // Наше время.— 1992.— 11 января.

4 См.: Горбачев В. Доигрались? // Тюменская правда.— 1993.— 14 сент.

1 См.: Нечипаев Г. Сибирский хрен слаще уральской редьки // Тюменские известия.— 1992.— 21 февр.

торства. В результате преобразований в 1779—1783 гг. Колывано-Воскресенский горный округ стал Колыванской областью (затем губернией), куда отошли: Бийский, Колыванский, Кузнецкий, Семипалатинский и Красноярский уезды и часть поселений Томского уезда. В 1796 г. Колыванская губерния была упразднена, а ее территория вошла в состав Иркутской и Тобольской губерний (в 1797 г. пост генерал-губернатора Тобольской губернии также был упразднен). После восстановления в 1803 г. сибирских генерал-губернаторств Тобольская губерния была разделена на Тобольскую и Томскую. Колывань (ранее Бердский острог) в 1822—1823 гг. был центром Томской губернии, которая на рубеже XIX—XX вв. включала обширные территории.

В соответствии с административным разделением на два генерал-губернаторства — Тобольское (с 1822 г.— Западно-Сибирское с центром в Тобольске) и Иркутское (с 1822 г.— Восточно-Сибирское с центром в Иркутске) — устанавливалась и многоуровневая система сибирского управления: главное, губернское, городское, волостное и, что немаловажно, инородное. Кочевавшие на этом пространстве сибирские киргизы были отнесены к населению Омской области, просуществовавшей до 1838 г., когда на ее территории возникли внешние округа Пограничного управления. Жившие там кочевники и войска учитывались отдельно, тогда как на территории Тобольской губернии в 1822 г. проживало «мужеска пола русских 248 478, инородных 30 466». В других губерниях, например, в Томской, проживало 106 663 «русских» и 34 493 «инородных».

В 1839 г. резиденция генерал-губернатора Западной Сибири была перенесена из Тобольска в Омск. В 1867 г. на территории Киргизской степи была образована Акмолинская область, куда входили все казачьи поселения на юге региона: Ишимский, Курганский, Омский округа, а г. Омск передан в состав Акмолинской области. В 1882 г. Западно-Сибирское генерал-губернаторство было упразднено, а вновь созданное Степное генерал-губернаторство (неофициальное название — Степной край) в своем подчинении имело обширное пространство Акмолинской и Семипалатинской (а до 1898 г. и Семиреченской) областей.

Тобольская губерния с 1882 г. составляла самое крупное

территориальное образование края. На юго-западе, северо-западе и северо-востоке часть территории Западной Сибири входила в состав Оренбургской, Вологодской, Пермской и Енисейской губерний.

Долгое время административное устройство фактически не менялось, но в 1895 г. новый раздел Оренбургской губернии «вывел» часть территории в Уфимскую губернию. Летом 1917 г. Тарский и Тюкалинский уезды были переданы из Тобольской губернии в Акмолинскую область; Томская губерния была разделена на Томскую и Алтайскую области, а летом 1918 г. из уездов решением Временного Сибирского (Омского) правительства выделяется Каракорумский уезд. Тарский район в том же году был передан во вновь созданную Омскую область, а Курганский уезд стал частью Екатеринбургской губернии.

Период гражданской войны был достаточно неопределенным в части административного устройства, включал идеи о передаче сибирских земель, населенных башкирами, в состав «Автономной Башкирской Республики» или идею о Сибири «в качестве автономной единицы». Созданное 9 февраля 1918 г. членами Сибирской областной думы (накануне разогнанной Томским советом) Временное правительство автономной Сибири не было у власти ни одного дня — только в конце июня — начале июля 1918 г. из оставшейся в Сибири части этого правительства (не выехавшего в Харбин и Владивосток) было создано Временное Сибирское (Омское) правительство (принявшее «Декларацию о государственной самостоятельности Сибири»), продолжавшее свою деятельность вплоть до утверждения — после переезда из Уфы в Омск Временного Всероссийского правительства (Директории) — Всероссийского Совета министров с 4 ноября 1918 г. Но уже 18 ноября 1918 г. А. В. Колчак был провозглашен Верховным правителем России, а новое правительство получило название Российского, чья деятельность в Западной Сибири фактически закончилась с вступлением частей Красной Армии в Омск в ноябре 1919 г. Между этими датами была образована Омская губерния (в августе 1919 г.), куда вошли части Тобольской, Акмолинской и Томской областей.

После восстановления советской власти вновь началось

административное переустройство Западной Сибири. Ее юго-западные районы в 1919-1923 гг. входили в Челябинскую губернию и Киргизскую АССР, а с 1 января 1924 г. — в состав Уральской области. Волости, населенные башкирами и татарами, были объединены в Яланский кантон и до 1923 г. входили в состав Башкирской АССР, а затем в Челябинскую область. С 1943 г. Сафакулевский и Альменевский районы (бывший Ялано-Катайский район) переподчинены вновь созданной Курганской области.

Восточная часть Кузнецкого уезда временно отходила к Хакасии. Границы Киргизской (Казахской) АССР с 26 июля 1920 г. прошли по территории прежнего Степного генерал-губернаторства, но оставили в пределах РСФСР Акмолинскую и Семипалатинскую области, присоединенные в 1921—1922 гг. к Казахстану вместе с частями Томской и Алтайской губерний (Рудный Алтай). Еще до этого — в 1920 г. — Алтайская губерния потеряла Каменский и часть Барнаульского уездов, отошедших в Новониколаевскую губернию и Славгородский уезд — в Омскую губернию. Как отмечают исследователи, административно-территориальное разделение происходило с учетом политических и экономических потребностей, этнического состава населения.

В соответствии с этими же принципами в 1924 г. было проведено районирование Сибири и вместо 6 губерний образовано 20 округов. Тогда же были созданы Уральская область (куда отошла часть Западной Сибири) и Сибирский (с 1930 г. — Западно-Сибирский) край, образованный из 5 губерний (Алтайской, Енисейской, Новониколаевской, Омской, Томской) и Ойротской автономной области (упраздненной в 1922 г. Каракорумский уезд). Край в декабре 1937 г. был разделен на Новосибирскую область (с Кузбассом) и Алтайский край, куда вошла и Ойротская автономная область, преобразованная в январе 1948 г. в Горно-Алтайскую.

С 1 декабря 1934 г. территория бывшей Тобольской / Тюменской губернии (ранее находившейся в составе Уральской области) вошла в состав Обь-Иртышской (с 1935 г. — Омской) области (до начала 1935 г. с центром в Тюмени, затем — в Омске), Челябинской области и Красноярского края. Курганская и Кемеровская области были созданы в 1943 г., а Тюменская, Томская

и Омская области (в новых границах) — в 1944 г. Тогда же в состав Ямало-Ненецкого округа отошли некоторые территории Красноярского края.

В 1964 г. были проведены последние обмены территориями внутри Западной Сибири, и это не вызывало желание их перекроить на общероссийском уровне, тогда как за рубежом есть иной взгляд на существо проблемы. Так, китайские историки продолжают работать в рамках традиционной парадигмы, рассматривая историю Сибири в контексте захватнических войн России, направленных против Китая и его вассальных территорий¹.

Таким образом, нельзя сказать, что мир окончательно «переболел» от желаний перекроить карту Западной Сибири. И чем больше будут «расцветать» идеи обособленности, тем «горше» будут их «плоды». Поэтому идея о проведении консолидирующего для всей Западной Сибири и России мероприятия — празднования 300-летия Сибирской губернии — актуальна и должна иметь общественный резонанс.

¹ Ли Цзусюнь, Лю Минюань, Чжан Чжисун. Вайго лиши чанъи.— Пекин, 1982; Сиболия ши / под ред. Сэй Цзинсюе.— Хэйлунцзян цзяюй чубаньше, 1991; Сун Ченму, Лю Цзунси, Ли Цзян. Эго тунши цзянбянь. Жэнминь чубаньшэ.— Пекин, 1986; Сэй Цзинсюе. Эгоши гао. Чжунго цинцзи чубаньшэ. (б. м., предположительно 1989); Ша Э юй Дунбэй / под ред. Тун Дуна.— Чаньчунь, 1985 (на кит. яз.); и др.

Дмитрий Михайлов

*канд. истор. наук, доц. каф. гуманитарных основ государственной
службы Сибирской академии государственной службы*

Новосибирск, Россия

ОБРАЗ Г. И. ГУРКИНА КАК ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ АЛТАЙЦЕВ

Переломные с социально-экономической точки зрения моменты истории, как правило, порождают и идейные кризисы. В Новое время возникающий в таких случаях идеологический вакуум часто заполняется национализмом. Национализм как политика и идеология, направленные на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности, позволяет в трудные времена консолидировать население региона, обрести социально-психологическую стабильность.

В истории алтайцев можно выделить два таких периода — в начале и в конце XX вв. Кризис начала XX в., связан с кризисом модернизации. Под напором развития товарно-денежных отношений ломались основы традиционной социальной структуры. Отражением развития капитализма на Алтае стала административная реформа и землеустройство 1913 г., которое санкционировало распад родоплеменного строя¹. На смену родовому принципу идентификации должна была прийти идентификация в рамках более крупных сообществ. «К началу XX века в общественном сознании жителей Горного Алтая наблюдается брожение. Впервые, может быть, за многие века их мироощущение оказалось в трагическом разладе с действительностью. Оно уже не могло объяснить много из происходящего»².

1 См.: Демидов В. А. От Каракорума к автономии.— Новосибирск: НГУ, 1996.— С. 18.

2 Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа.— Новосибирск: Наука, 1992.— 176 с.; Туденева Ю. В. «Здесь все еще о нем напоминает...».— Г.-Алтайск: Юч-Су-

Ярким проявлением кризиса идентичности стало появление в 1904 г. новой религии — бурханизма. Начался процесс формирования алтайцев как нации. С крушением Российской империи алтайский национализм переходит в политическую стадию, начинается строительство алтайской государственности, выразившееся в появлении органов самоуправления — Горной Думы и Каракорума.

С образованием в 1922 г. Горно-Алтайской автономной области основой общественно-политической стабильности стали ежегодно увеличивавшиеся государственные дотации¹, а также масштабная просветительская и идеологическая работа.

Распад СССР и резкое падение уровня жизни породили схожий с началом XX в. идеологический хаос. Трансформация всех сфер общественной жизни в начале 1990-х гг. привела к новому всплеску национализма и активизировала процессы социальной консолидации в рамках административных границ автономных республик. В условиях развития рыночных отношений властям субъектов федераций пришлось искать новую социально-экономическую и идеологическую базу для развития регионов. Начался процесс активного формирования национального самосознания алтайцев.

Основными средствами актуализации национальной идентичности, ее основополагающими элементами являются топосы — места коллективной памяти. Точки в символическом пространстве культурной памяти, те явления, которые вызывают обострение национальной идентичности, усиливают ощущения общности и, в конечном счете, обеспечивают единение народа. Без сомнения образ художника Г. И. Чороса-Гуркина занимает одно из центральных мест в культурной памяти алтайцев, его имя тесно связано с обоими периодами национального подъема на Алтае.

Проследить детально, как трансформировался образ Гуркина в общественном сознании, сложно, поскольку вопрос не находит прямого отражения в источниках. Очевидно, что, будучи представителем крайне немногочисленной алтайской интелли-

мер — Белуха, 2005.— С. 142.

¹ См.: Демидов В. А., Демидов В. В., Познанский В. С. Народы Сибири на путях интернационализма.— Новосибирск: НГУ, 1990.— С. 94.

генции и занимаясь широкой просветительской деятельностью, Гуркин в дореволюционный период пользовался исключительным авторитетом среди алтайцев. В противоречивые революционные годы местным населением общественно-политическая деятельность Гуркина воспринималась неоднозначно. Достаточно упомянуть, что советские органы Мыюты чуть не расстреляли его в 1918 г.¹ После крушения политической карьеры и возвращения из эмиграции роль Гуркина в общественной жизни снижается. Он занимается живописью, организацией выставок и созданием художественной школы.

Можно утверждать, что после расстрела художника по обвинению в шпионаже и контрреволюционной деятельности в 1937 г., образ Гуркина исчезает из общественного сознания. Это стало результатом целенаправленной политики государственных органов, наложивших запрет на популяризацию творчества художника и на упоминание о нем в целом². Как следствие, многие жители с. Анос, обучавшиеся в здании усадьбы художника, где позднее была организована школа, не знали о Гуркине ничего³. Характерно быстрое забывание, стирание из культурной памяти объектов при отсутствии поддержки печатного слова в условиях монополии на него государства. Даже искусствоведы в середине 1950-х гг. сетовали: «Увы, мы очень мало знаем картины Гуркина, его творческую биографию»⁴.

Реабилитацию Гуркина в 1956 г. и снятие запретов на экспозицию его картин также нельзя считать этапом в формировании его образа в национальном сознании. Очевидно, объективные общественно-политические предпосылки для этого отсутствовали. В этот период образ Гуркина является достоянием национальной элиты, которая пыталась отстаивать его чистоту перед властями. Даже в 1969 г. партийные власти Горно-Алтайской республики настаивали на трактовке Гуркина как врага народа, а в 1971 г. по этой причине В. И. Шукшину была запрещена экранизация

1 См.: Демидов В. А. Указ. соч.— С. 66.

2 См.: Туденева Ю. В. «Здесь все еще о нем напоминает...».— Г.-Алтайск: Юч-Сумер — Белуха, 2005.— С. 173.

3 См.: Туденева Ю. В. Там же.— С. 169.

4 Эдоков В. И. Мастер из Аноса.— Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1984.— С. 70.

рассказа И. Ефремова о Гуркине «Озеро горных духов»¹.

Примечательна дискуссия, развернувшаяся между новосибирским ученым В. А. Демидовым и национальной интеллигенцией в 1970-е гг. по поводу роли Гуркина в политических событиях гражданской войны. В. А. Демидов указывал на антисоветский характер деятельности Гуркина, таким образом лишая возможности помещения художника в национальный пантеон².

Как уже было отмечено, ситуация принципиально меняется в начале 1990-х гг., именно с этого времени начинается формирование образа Гуркина в общественном сознании алтайцев. Идеологический кризис способствовал переосмыслению исторического прошлого, пробуждению национального самосознания, интереса к национальному культурному наследию, формированию потребности в образе национального героя.

Знаковым событием стала научно-практическая конференция, посвященная 120-летию со дня рождения Гуркина, которая прошла в январе 1991 г. Материалы конференции были опубликованы под характерным названием «Возвращение». В то же время мы видим, что современный образ Гуркина не имеет прямой преемственности с восприятием Гуркина предшествующими поколениями, а является продуктом современной общественно-политической практики. Вот некоторые наиболее яркие ее проявления.

Во-первых, стоит отметить рост числа исследований, статей, публикаций, посвященных Гуркину. В библиографическом сборнике (всего 497 единиц) к 120-летию художника издано 16 работ, а к 125-летию — уже 31 работа.

Во-вторых, именем Чороса-Гуркина названа одна из центральных улиц Горно-Алтайска.

В-третьих, в 1991 г. Союзом предпринимателей Республики Алтай и республиканской газетой «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая») была учреждена премия имени Гуркина. Определение лауреата приурочено ко дню рождения художника — 12 января.

1 См.: *Изразцов В. Н.* Правда — совесть и судьба России. Нравственные искания Василия Шукшина. Доклад прочитан на Междунар. науч.-практ. конференции в Семипалатинске (Республика Казахстан) в ноябре 2004 г.

2 См.: *Шиловский М., Борзенков А.* В борьбе за историческую истину // Наука в Сибири. — 1998. — № 39—40 (2175—2176). — С. 5.

В-четвертых, в 1996 г. дом-усадьба Г. И. Чорос-Гуркина включена в перечень особо ценных памятников истории и культуры Республики Алтай. Сейчас усадьбе Чорос-Гуркина придан статус дома-музея, и она является филиалом республиканского национального музея.

В-пятых, летом 2006 г. в центре Горно-Алтайска появился памятник Гуркину, при открытии которого администрация республики трактовала Гуркина как основателя алтайской государственности, национального героя «подобного Александру Невскому или Сергею Радонежскому у русских» и великого художника.

В-шестых, ставится вопрос о преподавании произведений Гуркина в школе¹.

Как видно, используется широкий спектр средств и методов трансляции образа Гуркина в общественное сознание. В качестве инициатора такой популяризации чаще выступает администрация республики и интеллигенция, но было бы неверно рассматривать ситуацию исключительно в конструктивистском плане. В последние годы инициатива исходит не только от государственных органов, у которой не всегда находятся средства, а, как например в случае с музеем-усадьбой, от самих жителей — подвижников и краеведов.

Можно отметить несколько существенных социокультурных факторов, определяющих потенциал фигуры Гуркина как элемента культурной памяти алтайцев.

Во-первых, очень важно, что известность Гуркина как художника выходит далеко за пределы Алтая. При этом акцентируется внимание на связь его с великим И. И. Шишкиным, который «умер на руках Гуркина». К этому следует прибавить личное знакомство со многими известными деятелями культуры: Г. Н. Потаниным, В. Я. Шишковым, Г. Д. Гребенчиковым и др. Всероссийская известность художника придает его фигуре универсальное, общечеловеческое значение, позволяет представить его одним из славных сынов народа, делает образ Гуркина предметом национальной гордости.

¹ См.: *Чандыева Е. Д.* Изучение произведения Г. И. Чорос-Гуркина «Алтай и Катунь» в 7 классе // Научно-методические основы содержания образования национальных школ. — Г.-Алтайск, 2000. — С. 77—83.

Во-вторых, сам Гуркин был человеком эпохи национализма и мыслил национальными категориями. В конце XIX — начале XX вв. Азия, и Сибирь в частности¹, были популярны в Петербурге и Европе. «Конец петровской Руси близок... И слава Богу. Ей надо воздвигнуть рукотворный памятник и еще скорее отойти от него, отрясая романо-германский прах с наших азиатских подошв!» — пишет Константин Леонтьев в 1884 г.². К этой теме обращаются многие общественные деятели того времени. В то же время активно развиваются идеологии пантюркизма и панмоголизма. Конечно Гуркин, бывая в столицах, не мог не замечать этого интереса. К примеру, в 1914 г. он привез в Москву шамана для воссоздания обряда камлания на заседании этнографов в Политехническом музее.

В-третьих, очень важно, что, без преувеличения, все свое творчество Гуркин посвятил Алтаю и алтайцам. Во дворе своей усадьбы он соорудил капище из конских черепов³. Сам себя он называл язычником, хотя другие источники указывают на то, что он был православным. И. А. Ефремов пишет, что Гуркин, не смущаясь, объясняет природные явления присутствием горных духов⁴. Об амбициях общеалтайского лидера говорит и псевдоним Чорос, который, видимо, призывал отождествлять Гуркина с могущественным джунгарским родом.

В-четвертых, общественная деятельность Гуркина связана с зарождением государственности и началом формирования политической нации алтайцев. Поиск истоков государственного образования республики Алтай неизбежно приводит к Горной Думе и Каракоруму. Гуркин был вдохновителем и главой этих первых алтайских государственных образований и даже автором флага. Характер событий этого периода совпадает с фазой национализма «В», описанной М. Хорхом, которая связана с появлением

1 См.: *Маточкин Е. П.* Взгляд в глубь веков (Г. И. Чорос-Гуркин и проблемы освоения художественного наследия Сибири) / Сибирские огни.— 2004.— № 5.— С. 177.

2 *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. // Восток, Россия и Славянство.— М.: Республика, 1996.— С. 431.

3 См.: *Саалаев А. М.* Алтай в зеркале мифа.— С. 169.

4 См.: *Ефремов И. А.* Озеро горных духов // Звезды и корабли.— М.: Эксмо, 2007.— С. 45.

нием в национальном движении политических активистов. Они уже ставят перед собой задачу создания нации, и главной сферой их деятельности является политика¹. Роль интеллигенции вообще исключительна в процессе нациестроительства.

В-пятых, трагический конец жизни Гуркина вызывает у широкой общественности сочувствие. Материалы уголовного дела Гуркина с последними фотографиями были опубликованы в специальном выпуске «Энчи» к 120-летию художника в 1990 г.². При этом в сознании формируется ореол мученика, погибшего за свой народ. Особенно эти мотивы чувствуются в романе Кудинова «Каракорум», который описывает последние годы жизни художника. В то же время эксплуатация этой темы подспудно формирует образ врага, имеющий важное значение в процессе формирования национального самосознания.

Если в советское время Гуркин больше трактовался как художник, то в 1990-е гг., с характерным противостоянием республик с центром, акцент смещается в сторону Гуркина-политика и общественного деятеля, о чем, в частности, сетует Г. И. Прибытков³. В последние годы все чаще проявляется стремление трактовать Гуркина как незаурядную личность, талантливого человека, любящего Алтай.

Очевидно, что предпринятую в некоторых работах критику мифологизированного образа национального героя с точки зрения позиций исторической науки вряд ли можно считать целесообразной, поскольку исторические факты и их идеологическая трактовка несводимы и выполняют различные социальные функции. «Факты истории должны быть так или иначе фактами сознания. В истории мы оперируем не фактами как таковыми, но той или иной структурой, даваемой при помощи того или иного понимания»⁴.

1 См.: *Хорх М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // *Нации и национализм.* — М.: Праксис, 2002. — С. 132. — С. 125.

2 См.: *Энчи:* (Юбил. вып. газ., посвящ. 120-летию Г. И. Чорос-Гуркина). — Г.-Алтайск, 1990.

3 См.: *Прибытков Г. И.* Чорос-Гуркин. — Г.-Алтайск: Г.-Алт. респ. типография, 2000. — 188 с.

4 *Лосев А. Ф.* Из ранних произведений // *Диалектика мифа.* — М.: Правда,

Благодаря политике местной администрации, направленной на консолидацию населения, через унификацию идеологии в рамках республики, а также усилиям интеллигенции, образ Гуркина прочно вошел в общественное сознание алтайцев, стал своего рода визитной карточкой республики Алтай и важнейшим элементом алтайской идентичности.

Алена Елемисова

*студентка V курса факультета государственного и муниципального
управления Сибирской академии государственной службы
(научный руководитель — Л. В. Савинов)*

Новосибирск, Россия

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И СМИ В РЕСПУБЛИКЕ АЛТАЙ

В Республике Алтай проживают представители более двадцати этнических групп. Титульная нация — алтайцы. Основными представителями национального разнообразия являются алтайцы, русские, казахи, немцы и др. Компактное проживание народов на одной территории предусматривает определенные сложности в межэтническом взаимодействии. Сохранение и упрочение межэтнического мира, стремление к согласию и доброжелательности во взаимоотношениях между всеми народами республики, всемерная поддержка их культуры, обычаев, языков, вероисповеданий лежит в основе национальной политики, проводимой Правительством Республики Алтай.

Своеобразна и религиозная ситуация в Республике, где существуют различные конфессии: христианство, буддизм, мусульманство и традиционные религии. Большинство верующих — православные христиане, казахи — мусульмане, а среди алтайского населения распространены буддизм, традиционная религия Ак-Ян и шаманизм. При этом Республика Алтай является этноконтактной территорией. Возрастание частоты и плотности межэтнических контактов является одной из тенденций развития современной этнической системы¹.

Этнические процессы в республике в постсоветское время приобрели новую динамику, важными факторами которой стала

¹ См.: *Тишков В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. — М.: Наука, 2003. — С. 357—359.

политика региональных властей, деятельность СМИ и культурной общественности¹.

В современной России проблема толерантности/интолерантности вообще и проявления нетерпимости является предметом широкого обсуждения. Многочисленные исследования показывают, что через СМИ большим потоком в массовое сознание передается так называемая этническая информация. Позитивная (толерантная) этническая информация о своем народе (этнотипе) способствует формированию своего этнического самосознания, уважительному отношению к собственной этнической общности, национальному достоинству, а также формированию массовых позитивных представлений людей в области межнациональных отношений. Но чаще встречается информация, представленная реципиенту, распространяющая населению установки нетерпимости (интолерантности)².

Анализ влияния СМИ на общественное сознание в Республике Алтай не актуализировано. Если рассмотреть научные публикации последних лет, дающие оценку этническим процессам в республике, работы по СМИ практически не встречаются, за исключением статьи Д. А. Михайлова «Общественный резонанс, вызванный работой археологов на юге Горного Алтая» по материалам газетных публикаций.

В нашем исследовании источниками исследования являются газетные публикации региональной прессы, новосибирских и центральных газет, передачи республиканского телевидения, интернет-источники, социологическое обследование населения Республики Алтай, а также документы органов государственной власти и местного самоуправления.

Этничность в сообщениях СМИ пронизывает практически все сферы жизни — от политики до самых мелких бытовых событий. И большинство выступлений, имеющих этническую

1 См.: Михайлов Д. А. Особенности процессов этнической консолидации в современном Алтае // Комплексное исследование древних и традиционных обществ Евразии.— Барнаул: АГУ, 2004.— С. 145—149.

2 См.: Кольцова Е. Ю., Таратута Е. Е. Измерение толерантности // Журн. социологии и социальной антропологии.— 2003.— № 4.— С. 113—130.

окраску, так или иначе связаны с этнополитикой¹.

В республиканских и местных СМИ основными темами являются вопросы этнокультурного развития этносов. Как правило, это проблемы этногенеза, демографии, направления языковой политики и др. Нередко встречаются статьи, несущие интолерантную опасность. К примеру, необходимость льгот и привилегий представителям так называемой коренной национальности. Или вопросы, касающиеся малочисленных народов республики: кумандинцев, теленгитов, тубаларов, челканцев. Следующая наиболее интересная тема для журналистов — это освещение этноконфессиональных и межнациональных проблем. Порой журналисты не просто освещают проблемы разных конфессий, но сталкивают их между собой. Ярким примером является ситуация при землетрясении осенью 2003 г. Проблема «этнического криминала» также конфликтотенная. Примерами являются упоминания о казахской криминальной группировке, армянской диаспоре. Нередко на основании одного-двух примеров в СМИ делаются обобщения о поголовной преступности среди представителей какой-либо национальности.

На основе материалов предоставим хронологию «всплесков этнической активности» после образования Республики Алтай.

1. Образование Республики Алтай — 3 июля 1991 г. Накануне образования шло массовое внедрение в сознание алтайцев установок о процессах социальной консолидации в рамках административных границ (на основе природных богатств и историко-культурного наследия). Затем последовало формирование нормативно-правовой базы республики.

2. Образование государства Казахстан (1991) привело к усилению этнического самосознания казахов, проживающих в республике (Кош-Агачский и Улаганские районы). С этим связан отток Чуйских казахов в Казахстан (90-е годы). С конца 1990-х гг. наблюдается обратная тенденция.

3. Археологические раскопки летом 1993 г. на плато Укок. Скандальные статьи описывают антинаучную тенденцию использования археологии в политических целях. Например о том, что на «Алтайской принцессе» зарабатывают деньги («Улалинские

1 См.: Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. — М.: Наука, 2002. — С. 29—32.

вести», 30 мая, 1994 г.) Причиной полемики, развернувшейся на страницах газет, является объявление плато Укок зоной покоя (4 ноября 1994 г.) — моратория на проведение археологических раскопок («Звезда Алтая», 9 ноября 1994 г.)¹, после чего было официальное обращение участников встречи представителей общественных объединений к Государственному Собранию — Эл-Курултай и Правительству Республики Алтай, Президиуму СО РАН и сотрудникам Института археологии и этнографии вернуть «Укокскую принцессу» в Национальный республиканский музей или перезахоронить мумию от имени алтайского народа (14 сентября 1994 г.). Но на это обращение так никто и не отреагировал.

4. В Горно-Алтайске была построена и открыта в октябре 1998 г. Преображенская церковь — первый православный храм. Коренное население — алтайцы, особенно творческая интеллигенция, также начали искать свои религиозные корни, причислять себя и народ к религиозной конфессии. Нужно заметить, что именно в тот период было категорическое неприятие православия. С другой стороны, алтайская интеллигенция стремилась в религиозном плане принадлежать к мировой религии. Не случайно в конце 1980-х гг. на Алтае появляется первый буддистский лама из Ленинграда.

5. В 1991 г. в Управлении юстиции зарегистрирована религиозная община «Ак-Буркан». После перерегистрации в декабре 2000 г. она определялась как буддистская религиозная община. Массировано внедрялась идея о том, что алтайский бурханизм является официальной религией алтайцев. Шло множество различных публикаций в СМИ и передач на телевидении о бурханизме как традиционной национальной религии алтайцев. Буддийская статуэтка, найденная в тот период в Онгудайском районе, произвела настоящую сенсацию в пользу исторических корней буддизма на Горном Алтае. Надо отметить, что в тот период в алтайском обществе был неподдельный интерес к бурханизму. Однако буддизм, как бы того не хотелось его идеологам и лиде-

¹ См.: *Михайлов Д. А.* Общественный резонанс, вызванный работой археологов на юге Горного Алтая (по материалам газетных публикаций) // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к XXXVI РАСК.— Иркутск, 1996.— Ч. 2.— С.19 — 21.

рам, не имел глубоких исторических корней в Горном Алтае. Национальными лидерами написано «Обращение к жителям Республики Алтай», в котором дословно говорится: «Без согласия народа ведется насильственное внедрение буддизма при поддержке Правительства. Во время проведения праздничных и религиозных мероприятий вместо алтайских народных традиций, проводятся обряды буддийской религии». Научные исследования, которые провели здесь в середине такие крупные ученые, как В. В. Радлов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, не находят буддизма на Алтае. Все ученые и исследователи XIX в. изучали и описывали алтайский шаманизм.

6. С конца 90-х гг. XX в. в Республике Алтай возникает новое религиозное течение «Ак-Ян» — Белая вера. Дать полную характеристику именно с религиозной точки зрения очень сложно. Культовая практика соединила обряды и традиции шаманизма и буддизма.

7. Осень 2003 г.— землетрясения, которые вызвали предельно негативное отношение населения к местной власти. Жители пострадавших сел пишут письма властям о материальной помощи, но ответа нет. Затем узнают о том, что из федерального бюджета выделено 500 млн рублей и повторно пишут письма. Существенной помощи жители так и не получили. Начинается волна этнической активности. По мнению шаманов, «это проклятие “Алтайской принцессы”». Население требует вернуть мумию и перезахоронить, так как эпицентр землетрясений находился именно на этом плато. Тему проклятия освещают не только региональные, но и центральные СМИ («Известия» 31 марта 2004 г., «Намедни» по телеканалу НТВ).

8. Февраль 2006 г.— на пост Главы Республики Алтай, Председателя Правительства Республики Алтай Президентом Российской Федерации назначается А. В. Бердников. Это вызвало недовольство населения, которое ожидало, что новый глава будет вести политику объединения субъектов — Алтайского края и Республики Алтай. Активную деятельность развернули общественные организации и Общественная палата Республики Алтай. Вступив в пост Главы Республики Алтай, Председателя Правительства, А. В. Бердников в первую очередь меняет струк-

туру исполнительных органов республики. Упраздняется Комитет по национальной, информационной политике и связям с общественностью Республики Алтай, что повлекло за собой крайнее недовольство среди интеллигенции. Общественная палата Республики Алтай пишет письмо А. В. Бердникову, но ответа так и не получает. Функции информационной политики и связей с общественностью переданы Аппарату Правительства Республики Алтай, функции по печати — в Министерство культуры Республики Алтай. Управлением межэтническими отношениями стал заниматься Отдел по национальной политике при Министерстве культуры Республике Алтай. Отдел ликвидировали в марте 2007 г. без каких-либо объяснений. В настоящий момент данными вопросами занимаются два специалиста, не соответствующие должной квалификации.

9. 12 марта 2007 г. состоялись выборы депутатов Народного Собрания Республике Алтай. За три недели до выборов неизвестным автором публиковались статьи оскорбляющего характера в независимом издании «Посткриптум». Были оклеветаны как алтайские политики, так и алтайская интеллигенция. Республиканской прокуратурой было возбуждено уголовное дело. Расследование закрыли.

10. Наряду с президентскими выборами в марте 2008 г. прошли выборы в муниципалитетах, которые вновь обострили межэтнические отношения в поселениях компактного проживания казахов. Особенно в Кош-Агачском районе.

11. Одной из остро обсуждаемых тем последних лет является объединение Алтайского края и Республики Алтай, в некоторых интерпретациях и с Кемеровской областью. Подавляющее большинство жителей Республики Алтай не желает объединения с краем, это подтверждают социологические исследования (Растов Ю. Е., 2007 г.).

12. Также не остаются в стороне вопросы строительства газопровода в Китай через плато Укок, автомобильной и железной дороги в Китай, Алтайской (Катунской) ГЭС.

13. В конце марта 2008 г. пишется открытое коллективное письмо-обращение лидеров общественных организаций Президенту РФ по факту убийства А. Гаврилина (17 ноября 2007 г.).

В обращении говорится о беззаконии в республике, высказывается версия о том, что избili человека до смерти парни-алтайцы, делая вывод о существующей в Республике Алтай неприязни на национальной почве. («Листок», 31 апреля 2008 г.)

14. Сегодня спорным является изучение алтайского языка в школах. Алтайская интеллигенция поддерживает мнение о необходимости принятия Закона об обязательном изучении алтайского языка детьми-алтайцами. Но во властных структурах речь идет о введении факультатива по изучению алтайского языка.

Таким образом, для межэтнической ситуации в Республике Алтай характерным является наличие ряда противоречий: между необходимостью возрождения и развития этнонациональной культуры и ограниченными возможностями; между необходимостью регулирования межэтнических отношений и отсутствием необходимого правового механизма и соответствующего инструментария; между декларируемыми правами и отсутствием механизма их реализации.

Тесное переплетение этих противоречий с большим числом нерешенных проблем во всех сферах жизнедеятельности может составить основу возникновения, формирования и последующего развития межэтнических конфликтов.

Саяна Дансорунова

*студентка V курса факультета государственного и муниципального
управления Сибирской академии государственной службы
(Научный руководитель — Л. В. Савинов)*

Новосибирск, Россия

БАЙКАЛЬСКИЙ КРАЙ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ СОЗДАНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО СУБЪ- ЕКТА

Сибирский федеральный округ является лидером в процессе реформирования административно-территориального устройства России в форме объединения субъектов Федерации, где этот процесс приобрел активный и устойчивый характер. При этом речь идет не столько о ликвидации «матрешечных» субъектов, сколько о новой модели федерации. Взамен сформировавшейся еще в рамках национальной политики советского государства этнонациональной модели федерации нынешнее политическое руководство страны пытается прийти к территориальной модели.

Успешное объединение Иркутской области с Усть-Ордынским Бурятским автономным округом и Читинской области с Агинским Бурятским автономным округом служит предпосылкой реализации проекта создания Байкальского края, куда еще войдут Иркутская область, Республика Бурятия и Забайкальский край.

Необходимость этих преобразований, по мнению некоторых экспертов, позволяет решить ряд проблем. Во-первых, унифицировать субъекты, которые де-факто радикально отличны друг от друга — маленькие и большие, богатые и бедные, доноры и реципиенты, этнонациональные и обычные. Во-вторых, еще одна ключевая идея реформы состоит в объединении слабых аграрных регионов с сильными индустриальными. Таким образом разница в экономическом потенциале регионов резко сократится, возрастут их финансовые ресурсы, инвестиционные показа-

тели, появятся предпосылки для создания крупнотоварных зональных рынков. В-третьих, предлагается, учитывая сложившиеся традиции и сохраняя на некоторое время ряд атрибутов государственности, изменить статус республик в составе РФ.

Вместе с тем объединительные процессы в Байкальском регионе имеют свои особенности как для внешней, так и для внутренней общественности. И в первую очередь специфика определяется новыми общественно-политическими, социально-экономическими и этнокультурными реалиями и проблемами, связанными с объединительными процессами.

Неоднократно декларировалась основная цель объединения — создание самодостаточных, экономически стабильных субъектов. А что касается Байкальского региона, то создание нового субъекта, возможно, оправдывает надежды, но имеются и значительные ограничения. Какова вероятность дальнейшего изменения границ? Будет ли образован новый субъект под названием Байкальский край? Каковы гарантии сохранения этнокультурного наследия бурят?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, было проведено исследование с использованием углубленных экспертных интервью. Экспертами выступили заместитель Председателя Народного Хурала Республики Бурятия Батуев Цыденжап Бимбаевич, доцент Восточно-Сибирского государственного технического университета (ВСГТУ), кандидат экономических наук Чимитова Алима Базаровна и старший преподаватель ВСГТУ, кандидат экономических наук Тулохонов Олег Сергеевич.

По словам Ц. Б. Батуева, в любом случае вопрос оптимизации административно-территориального управления государства — есть специфика исторического характера. В каждом государстве своя специфика. Объединительные процессы в Сибирском федеральном округе, а именно в Байкальском регионе, где произошли искусственные разделения в 1937 г. «бурятских земель», исторически предопределили объединение Прибайкалья и Забайкалья. Не стоит рассматривать нынешнее укрупнение, выдергивая процесс из исторического ракурса. Если объединят данные три субъекта, то восстановится прежняя граница «бурятских земель». Если бы не произошло разделение

в далеком 1937-ом, то и нынешнего разговора, скорее, не было бы. Совершенствование административно-территориального управления должно отражать стремление выровнять благоустройство субъекта и жизни населения. Если рассматривать ситуацию с Иркутской областью как новым субъектом, то теперь основным этапом выступает время, по истечении которого будет дан ответ на вопрос: «Улучшилась ли жизнь населения в новом субъекте?». Другой вопрос связан с равномерным развитием субъекта, равномерным распределением населения и материальных благ. Считаю, на повестке дня не стоит вопрос объединения либо не-объединения. Здесь должна главенствовать экономика. От того что в РФ сократят количество субъектов до 35—45, проблемы социально-экономического характера не решатся. Применение отдельных мер плановой экономики, создание технопарков, больших территориальных экономических комплексов, разумное распределение средств — вот где кроется решение проблем. Так, например, по сравнению с Иркутской областью Бурятия несет огромные экологические издержки. Возможно, объединение по-может каким-то образом, но и без объединения могут сосуществовать два субъекта, ведь по идее мы проживаем в одном государстве.

Другой эксперт, А. Б. Чимитова, считает, что по поводу укрупнения субъектов может быть двойственный подход: первый — это житейский, жителя этнического субъекта. Процесс объединения таких субъектов грозит потерей самобытности, культуры, языка, самостоятельности, так как уже многие элементы культуры выпали и потеряны для этноса навсегда. А с другой стороны, для человека, разбирающегося в системном анализе и экономике, понятно, что огромное количество субъектов усложняет управление регионами. Если рассмотреть опыт зарубежных стран, то ни в одной крупной стране, как США или Канада, нет такого количества мелких субъектов, которые претендовали бы на автономию. И понятно, что федеральный Центр стремится оптимизировать управление государством. Что касается общества, то оно очень пассивно, явного отторжения объединительным процессам не наблюдается, хотя были митинги против укрупнения субъектов. Но по итогам голосования были получены огромные проценты «за», хотя

неофициально многие высказывались против: «Насколько я знаю, есть проект академика Кистанова. По этому проекту предполагается губернизация субъектов Федерации, которая пройдет в несколько этапов, где вначале объединят более мелкие субъекты. И по этому же проекту предполагается дальнейшее укрупнение и создание Байкальской или Прибайкальской губернии. Создание в Байкальском регионе укрупненного субъекта обуславливается еще и тем, что менталитет бурятского народа более спокойный, по социально-психологическим факторам мы более терпимы. Безусловно, обратного процесса не будет, поэтому хотелось бы, чтобы для этноса остались какие-то политические права, дающие ему возможность развиваться и сохранять культуру и традиции народа. В мегасубъекте, где процентное отношение бурят станет еще меньше, целенаправленное финансирование на “бурятскую культуру” уменьшится, так как данная сфера находится в третичном секторе экономики. И в дальнейшем представляется растворение бурятского этноса. Это мировая тенденция для миноритарных этносов».

По мнению О. С. Тулохонова, политика сокращения субъектов Федерации эффективно отразится на решении экономических проблем, так как в крупном регионе потенциала для развития экономики намного больше, нежели в мелких. Данную политику необходимо проводить аккуратно и скрупулезно, однако эффект мы увидим через десятилетия. Есть понятие «особый статус», который нигде не прописывается. Думаю, здесь необходимо акцентировать внимание на этнокультурном статусе. А то, что произойдет потеря культуры и ассимиляция — это скорее миф. Для развития культуры сам этнос должен выступать с инициативой снизу, и тогда в любом случае для поддержки и развития будут выделяться ресурсы. «Вопрос укрупнения не особо актуален, есть множество программ развития Сибири и Забайкалья. А делать негативные выводы пока рано. Время покажет».

Таким образом, эксперты видят возможности нового объединения главным образом в социально-экономической сфере. Ограничения же в основном связаны с отложенными политическими рисками и озабоченностью бурят в сохранении и развитии культуры этноса.

**ЭТНОСОЦИУМ
И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

Елена Рябова

*канд. социол. наук, гл. ред. международного издания
«Этносоциум и межнациональная культура»*

Москва, Россия

КУЛЬТУРА КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Коренные изменения общественной жизни, продолжающиеся в современной России, расширили поле социальной напряженности и конфликтности, что в свою очередь вызывает потребность в их анализе, выявлении причин конфликтных ситуаций, выработке мер по предупреждению и разрешению конфликтов.

Исследование этих проблем актуализируется многими обстоятельствами, например, возросшим числом конфликтов, что обусловлено обострившимися старыми противоречиями, а также появлением новых. Либерализация российского общества привела к высвобождению социальной энергии людей, обнажила тлевшие до сих пор запалы.

Общественное мнение склоняется также к признанию у конфликтов позитивной роли и конструктивных функций (помимо, конечно же, негативной роли и деструктивных функций). Конфликты уже не воспринимаются как безусловное зло, от которого следует быстрее избавляться. Соответственно, цель их регулирования в ряде случаев состоит не в их устранении или предотвращении, а в использовании и развитии их конструктивного потенциала.

Полное устранение конфликтов приведет к застою; нашей задачей является превращение деструктивных конфликтов в конструктивные¹.

Несмотря на актуальность темы исследования, по ней до сих пор нет специальных научных разработок, что объясняется живучестью старых мировоззренческих и методологических устано-

¹ См.: Мэй Р. Искусство психологического консультирования.— М.: Класс, 1994.— С. 30.

вок, согласно которым конфликт и культура – это антиподы, а понятия «культура конфликта» или «культура конфликтного взаимодействия» означают бессмыслицу типа «круглого квадрата». Нужно думать об устранении конфликтов, их прекращении или, по крайней мере, их регулировании, но не о культуре конфликта (конфликтного взаимодействия) — таков традиционный подход к данному вопросу.

Вместе с тем отдельные элементы и стороны культуры конфликтного взаимодействия уже давно стали предметом специальных исследований, но только вне этого культурного контекста.

Обзор научной литературы по теме исследования приводит к выводу о нарастании противоречия между общественной потребностью в эффективном регулировании социальных конфликтов в современной России, с одной стороны, и недостаточной научной разработанностью социокультурных механизмов их регулирования, низкой культурой конфликтного взаимодействия россиян, с другой стороны. С данным противоречием связана основная проблема нашего исследования — проблема обеспечения эффективного социокультурного регулирования конфликтов в современной России посредством повышения культуры конфликтного взаимодействия россиян.

Основная гипотеза исследования заключается в следующем: повышение культуры конфликтного взаимодействия в современном российском социуме возможно при условии четкого выделения и описания переменных социального конфликта как «точек приложения» регулятивных воздействий, определения регулятивных функций культуры в отношении конфликтного взаимодействия, обоснования критериев и показателей, использования предложенных в исследовании мер повышения правовой, социально-психологической, коммуникативной, поведенческой и социально-технологической культуры конфликтного взаимодействия.

Понятие «культура конфликтного взаимодействия» предполагает принципиальную возможность целенаправленного воздействия на социальный конфликт посредством выделения его переменных: структурных (предмет конфликтного взаимодействия, его направленность, вызываемые им изменения, участни-

ки, формы проявления, масштаб конфликта), динамических (стадии конфликтного взаимодействия, его продолжительность, темп, интенсивность, интенциональность, состояние и обратимость), функциональных (деструктивных и конструктивных функций), факторных (источников, условий, факторов).

В современном российском обществе утверждается более адекватное и толерантное восприятие конфликтов, их жизненной роли. Утверждается релятивистская концепция социальных конфликтов, согласно которой конфликтность или бесконфликтность не являются неизменными свойствами людей (социальных групп). Они являются, скорее, признаками их взаимодействия, и в одном взаимодействии может проявляться конфликтность, в другом — бесконфликтность.

Социальные конфликты имеют как явные, так и «скрытые» рефлексивные последствия, т. е. изменения, вызываемые конфликтным взаимодействием в самих его участниках, их сознании и поведении, социальных отношениях. Большинство россиян сожалеет об участии в конфликтах, старается огородить себя от них, стремится к компромиссам и нахождению взаимовыгодных вариантов. Однако не хватает технологичности поведения, чтобы добиться совпадения желательного и реального исходов конфликтного взаимодействия.

Еще один важный, на наш взгляд, поведенческий критерий — моральная легитимность используемых средств противоборства. При разрешении социальных конфликтов возникает вопрос о моральной обоснованности используемых средств регулятивного воздействия. Есть три подхода к этому вопросу: этический, прагматический и умеренный.

Конфликтное взаимодействие включает обмен информацией и информационное воздействие, т. е. коммуникативный аспект. В числе коммуникативных критериев предлагается чаще умение вести диалог, спор, дискуссию, переговоры.

Важное значение имеет еще один «коммуникативный» критерий — «спасение лица» конфликтующей стороны. Данный критерий связан с необходимостью примирить позиции участников конфликта или принятое ими соглашение с их принципами, прошлыми словами и поступками.

В конфликте есть не только «минусы», но и «плюсы». Причем в одних обстоятельствах могут проявляться преимущественно «минусы», в других обстоятельствах — «плюсы». Уходит в прошлое понимание конфликта как какой-то аномалии, дисфункции, чего-то противоестественного для личной и общественной (публичной) жизни людей. Утверждается его диалектическое понимание как источника жизненности и саморазвития социальной системы. Конфликты — это сама реальная жизнь, никуда от них не уйдешь, поэтому единственное, что остается, — это спокойное к ним отношение и разумное их регулирование (как профилактическое, так и коррекционное).

Общественное познание (сознание) конфликтов находится пока на первоначальных ступенях освоения их качественных и количественных характеристик и приближается, выражаясь языком диалектики, к степени меры. Все более очевидными становятся не только деструктивные, но и конструктивные функции конфликтов, их зависимость от интенсивности и напряженности конфликтного взаимодействия. Все чаще начинают фиксироваться «точки перехода» «минусов» в «плюсы» и наоборот. В чем различие между лекарством и ядом? В дозе. Так и в конфликтах. Увеличивается «доза» их интенсивности и напряженности, и «плюсы» незамедлительно переходят в «минусы». Уже давно было сказано: наши недостатки — это продолжение наших же достоинств. Чуткость превращается в навязчивость, незакомплексованность — в хамство, смелость — в безрассудство и т. д.

В процессе конфликтного взаимодействия, как и в любом другом социальном процессе, есть определенные результаты, на которые ориентируются конфликтующие стороны, и появляются также некоторые последствия, о которых стороны могут даже не подозревать. Последствия конфликта — это его побочные результаты, которые обычно игнорируются и не отслеживаются, тогда по своей значимости они нередко превышают основные результаты.

Главный практический вывод из конфликтного взаимодействия — «вступать в него в силу крайней необходимости». Сравнительно более умеренный второй вывод — «вступать в них избирательно», т. е. в одних случаях уклоняться от них, в других случаях — переждать до «лучших времен», в третьих случаях —

«активно включиться в конфликт». Такие умеренные практические выводы делают из конфликтного взаимодействия больше половины его участников.

Нормальное состояние любой социальной системы — это состояние равновесия, когда одна тенденция сдерживается другими - противоположными, энергетический потенциал одних элементов уравнивается потенциалом других элементов и т. д. Это можно сказать и о конфликте. Нормальное состояние конфликта — это относительное равнодействие противоборствующих сторон, определенная их симметричность. Если эта симметричность нарушается и взаимодействие сторон становится асимметричным, т. е. одна из сторон получает явное и окончательное преимущество, то конфликт как таковой исчезает. Сильная сторона берет верх над слабой стороной, и их взаимодействие прекращается. В этом смысле конфликт выступает как механизм сдерживания крайних экстремальных тенденций. И если одна из противоборствующих сторон выходит из конфликта, «без боя» уступает свои позиции, то тем самым она предоставляет неправомерные преимущества и неограниченные возможности для другой стороны, в частности, возможности злоупотребления. Симметричность сторон социальной системы оказывается нарушенной, и она сама оказывается «склоненной» к одной из этих сторон. Готовность одной из сторон вступать в конфликт является предостережением от чрезмерных наступательных амбиций другой стороны. Поэтому участие в противодействии не только желательно, но и необходимо (целесообразно). Следовательно, остается один безальтернативный вариант (выход) — участвовать в конфликте цивилизованным способом.

Есть еще основания предполагать, что негативные последствия конфликтного взаимодействия связаны не с конфликтом самим по себе (столкновением интересов, ценностей), а с поведением конфликтующих сторон, их отношением друг к другу. Мы все еще никак не можем избавиться от привычки воспринимать конфликтующих с нами людей как врагов и соответственно к ним относиться. Деловая зона конфликта перерастает в личностный. Конфликт как частный случай социального взаимодействия неправомерно обобщается и переносится на все это взаимодей-

стве.

Участвуя в коммуникации и осуществляя коммуникативные действия, конфликтующие стороны ориентированы на получение определенного результата. Результат (эффект) коммуникации — это изменения в поведении получателя, которые происходят вследствие передачи сообщения. Следовательно, говоря об «эффективной коммуникации», мы имеем в виду акт коммуникации, который привел к таким изменениям в поведении получателя, которые входили в замысел источника.

Место и роль коммуникации в структуре конфликтного взаимодействия можно охарактеризовать в двух основных пунктах. Во-первых, коммуникация выступает, как будет показано ниже, формой и способом конфликтного взаимодействия. Во-вторых, коммуникация выступает источником конфликтного взаимодействия, точнее будет сказать, не сама по себе коммуникация, а коммуникативные барьеры или помехи.

С целью повышения культуры конфликтного взаимодействия в современном российском социуме рекомендуется:

а) руководителям учреждений высшего профессионального образования:

— осуществлять профессиональную подготовку по специальности «Конфликтология», предусматривая при этом введение специализаций «Культура конфликтного взаимодействия», «Конфликтный менеджмент», «Арбитражно-посреднические технологии регулирования конфликтов»;

— предусматривать введение специализации «Посредничество в социальной работе» по специальности «Социальная работа»;

б) руководителям образовательных учреждений:

— предусматривать при разработке и реализации планов, программ культурно-воспитательной работы учащейся молодежи включение раздела или направления «Формирование и повышение культуры конфликтного взаимодействия»;

— продолжать проведение комплекса мероприятий по формированию и развитию толерантности у учащейся молодежи;

в) руководителям средств массовой информации (СМИ):

— при освещении конфликтов и споров акцентировать вни-

мание на вопросах и фактах, выражающих культуру конфликтного взаимодействия.

Елена Рябова

*канд. социол. наук, гл. ред. международного издания
«Этносоциум и межнациональная культура»*

Москва, Россия

ГАРМОНИЗАЦИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И СМИ

Совершенно очевидно, что в современном мире проблемы формирования информационной политики стоят как никогда остро. Также излишне доказывать, что этнос сегодня является не только социокультурным феноменом, но и реальной политико-формирующей силой; об этом свидетельствуют процессы, которые протекают как в российском обществе, так и во всем мире.

Россия имеет большой исторический опыт развития полиэтнического государства, однако современные условия требуют поиска новых технологий конструирования государственной системы межэтнических отношений. В современной России очень мало научных учреждений, занимающихся изучением и, самое важное, инновациями и конструктивными разработками в области национальных отношений.

В этой связи актуальным становится вопрос о степени социальной ответственности не только государственного управленческого аппарата, но и российской науки. Научные исследования, изучающие специфику формирования и развития российских этносов, российской гражданской нации, немногочисленны и носят в основном апологетический характер, комментируют действия и представления власти и в общем-то достаточно адекватно отражают недостаточно активный и конструктивный характер и степень участия научной среды в решении как национальных, так и межнациональных проблем.

Особенно это становится понятно на примере рассмотрения научной и научно-популярной периодической литературы по во-

просам, связанным с национальными отношениями.

Поэтому разработка и осуществление проектов, программ, обеспечивающих реализацию информационной политики в области национальных отношений в России как никогда важны и необходимы.

Исходя из этого коллектив ученых, государственных и политических деятелей, объединив знания, опыт и энтузиазм, разработал и осуществил идею создания нового научно-публицистического, общественно-политического международного социокультурного издания «Этносоциум и межнациональная культура», который и был создан в 2003 г. при поддержке Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думы, Российской Академии Государственной службы при Президенте Российской Федерации, а также при содействии государственных, общественных деятелей и ведущих ученых.

Создавая международное издание «Этносоциум и межнациональная культура», коллектив авторов руководствовался концепцией, основанной на аккумуляции научного и практического опыта прошлых лет, оперировал инновационной системой взглядов на указанные явления и процессы и ставил своей целью максимально способствовать внедрению в жизнь наиболее конструктивных, позитивных научных и общественных идей по оптимизации межнациональных отношений в едином централизованном демократическом государстве.

Исходя из того, что в основе концепции издания лежит стремление к гармонизации межнациональных отношений, очень важно найти верный ракурс в безусловно необходимой теме патриотизма, базирующейся на строго научной основе, при обязательном условии архикорректной выверенности и психологически верной мотивации. Ведь не секрет, что сегодня в мире, особенно в постсоветском пространстве, манкирование понятием «патриотизма» часто приводит к разрушительным, порой катастрофическим последствиям, по существу дискредитирующим исконное понятие «патриотизм». Издание стремится проанализировать понятие «патриотизм» на примере различных моделей социума: это и среднеевропейская Испания, и ортодоксальная Греция, и, конечно, «Остров Свободы», что, как оказалось, вызвало живейший интерес у читательской аудитории, тре-

бующей продолжения раскрытия этой темы.

И вот тут особенно важно влияние средств массовой информации, научных изданий, межвузовских конференций, акций, международных симпозиумов на направленность вектора влияния поставленных вопросов в русло решения конструктивной гармонизации межнациональных отношений.

Для активизации научного потенциала молодого поколения ученых, для координации опыта и кадровых ресурсов редакция международного издания совместно с Федеральным агентством по образованию Российской Федерации продолжает международный конкурс на лучшую научную и научно-публицистическую работу по теме: «Этносоциум: модели развития общества». Условия и подробности можно посмотреть на сайте и узнать в редакции, координаты которой публикуются в каждом номере.

И тут мы приходим к основному постулату – об общественной роли воспитания, просвещения, культуры. На страницах издания не прекращаются публикации о феномене «Межнациональной культуры», отражающем межнациональные отношения и составляющем основу устойчивого развития демократического социального государства и гражданского общества.

Многонациональность свойственна большинству государств, а одним из объединяющих факторов, конечно, является межнациональная культура. Культура не только в общепринятом значении этого понятия, но культура межнациональных отношений как один из инструментов предупреждения кризисных ситуаций. Исходя из этого становится ясно, что феномен межнациональной культуры являет собой историческую реальность развития этносоциума, в котором просматривается вектор развития этнической составляющей вокруг стержневой нации, объединяющей социум как государство и дающей ему единое название; культуру восприятия этого факта на научном, общественном и государственном уровнях.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИЗДАНИЯ «ЭТНОСОЦИУМ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА»

Международное издание «Этносоциум и межнациональная культура» внесен в [перечень ведущих научных журналов и изданий ВАК](#), в котором должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученых степеней доктора наук.

Журнал «Этносоциум» признан ведущим в области национальных отношений, исследований по вопросам государственной службы, единственным в сфере межнациональной культуры.

Экспертным советом Международного ФПМОиМК издание «Этносоциум» признано лучшим в номинациях «Международное развитие межнациональных отношений», «Этносоциальное развитие России», «Государство и гражданское общество».

Аттестационной комиссией Академии экологии и права журнал «Этносоциум» признан ведущим изданием в правовых, политологических и социальных аспектах фундаментальных научных исследований в стране и за рубежом.

Редакция международного издания совместно с Федеральным агентством по образованию РФ и Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки продолжает международный конкурс на лучшую научную и научно-публицистическую работу по теме «Этносоциум: модели развития общества».

Приглашаем к участию специалистов, ученых, преподавателей, аспирантов, студентов и коллективы.

Номинации: социология, экономика, политология, культурология, право.

Лучшие работы будут опубликованы в ведущих изданиях. Их авторы получат денежные премии ценные призы и командированы на ведущие российские и международные мероприятия. Возможно перспективное трудоустройство.

ВАК — Высшая аттестационная комиссия
ФПМОиМК — фонд поддержки международных отношений и массовых коммуникаций

Работы направлять по адресу:

E-mail: etnosocium@mail.ru

Факс (495) 246-81-30

119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Справки по тел. (495)708-30-00

ОБЩЕСТВО И ЭТНОПОЛИТИКА

Материалы

Международной научно-практической Интернет-конференции
1 апреля—15 июня 2008 года

Технический редактор Ю. Н. Емельянов
Корректор О. О. Матрук
Компьютерная верстка Ю. Н. Емельянов

Подписано в печать 26.12.2008. Формат бумаги 60×84/16.
Бумага офсетная. Печать Riso. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 12,24. Усл. п. л. 16,51. Тираж 100 экз. Заказ №
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, СибАГС

284,1,2,283,282,3,4,281,280,5,6,279,278,7,8,277,276,9,10,275,274,11,12,273,272,13,14,271,270,15,16,269,268,17,18,267,266,19,20,265,264,21,22,263,262,23,24,261

260,25,26,259,258,27,28,257,256,29,30,255,254,31,32,253,252,33,34,251,250,35,36,249,248,37,38,247,246,39,40,245,244,41,42,243,242,43,44,241,240,45,46,239,238,47,48,237

236,49,50,235,234,51,52,233,232,53,54,231,230,55,56,229,228,57,58,227,226,59,60,225,224,61,62,223,222,63,64,221,220,65,66,219,218,67,68,217,216,69,70,215,214,71,72,213

212,73,74,211,210,75,76,209,208,77,78,207,206,79,80,205,204,81,82,203,202,83,84,201,200,85,86,199,198,87,88,197,196,89,90,195,194,91,92,193,192,93,94,191,190,95,96,189

188,97,98,187,186,99,100,185,184,101,102,183,182,103,104,181,180,105,106,179,178,107,108,177,176,109,110,175,174,111,112,173,172,113,114,171,170,115,116,169,168,117,118,167,166,119,120,165

164,121,122,163,162,123,124,161,160,125,126,159,158,127,128,157,156,129,130,155,154,131,132,153,152,133,134,151,150,135,136,149,148,137,138,147,146,139,140,145,144,141,142,143